DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.3

ISSN 2072-909X

# Российское правосудие

2026. № 3

Научно-практический журнал

Основан в 2006 году
Издается ежемесячно

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, индексируется в РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index и «Белый список». Размещен на Национальной платформе научных журналов

*Учредитель и издатель:*
**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»**
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-89449 от 21 апреля 2025 г.
**Агентство «Книга-сервис», «Интернет-каталог», индекс 36605**
Главный редактор: **Л. Б. Архипова**, кандидат юридических наук
Ответственный секретарь: **Т. Ф. Кудрявцева**
Верстка: **Г. С. Гордиенко**
Корректор: **К. В. Чегулова**
© Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, 2026
Адрес редакции: 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.
Тел.: (495) 332-51-19.
E-mail: rajmagazine@yandex.ru
При перепечатке и цитировании материалов ссылка на журнал «Российское правосудие» обязательна.
Отпечатано в: ОАО «Паблит». Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Подписано в печать 25.02.2026.
Выход в свет: 10.03.2026
Формат 70×100/16.
Объем 9,1 усл. печ. л. Тираж 220 экз.
Свободная цена.

**Редакционный совет:**

**Тисен О. Н.**, ректор Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук
**Капустин А. Я.**, президент Российской Ассоциации международного права, заведующий кафедрой международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
**Клеандров М. И.**, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор
**Нешатаева Т. Н.**, заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор
**Рябзин Р. А.**, судья Верховного Суда Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 1 класса, кандидат юридических наук
**Спиридонов А. А.**, директор Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса, доктор юридических наук
**Тимошин Н. В.**, Председатель Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, Председатель 1-го судебного состава Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, судья высшего квалификационного класса
**Хабриева Т. Я.**, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, академик Российской академии наук, вице-президент Российской академии наук, действительный член Международной ассоциации сравнительного права, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

## Editors:

**O. N. Tisen**, Rector of Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law)

**A. Ya. Kapustin**, President of Russian Association of International Law, Head of the Department of International Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

**M. I. Kleandrov**, Chief Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Law), Professor

**T. N. Neshataeva**, Head of the Department of International Law of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

**R. A. Ryabzin**, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Active State Counselor of Justice of the Russian Federation, 1st class, Cand. Sci. (Law)

**A. A. Spiridonov**, Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation 1st class, Dr. Sci. (Law)

**N. V. Timoshin**, Chairman of High Qualifications Judicial Collegium of the Russian Federation, Chairman of 1st Judicial Panel of Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, Top Qualification Class Judge

**T. Ya. Habrieva**, Director of Institute of Legislation and Comparative Law under Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice President of Russian Academy of Science, Honored Lawyer of the Russian FederationFederation

## Редакционная коллегия:

**Арямов А. А.**, проректор по научной работе Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

**Бирюков П. Н.**, заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

**Болтанова Е. С.**, заведующий кафедрой гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

**Бриллиантов А. В.**, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

**Бурдина Е. В.**, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, доцент, член Совета судей Российской Федерации

**Габов А. В.**, и. о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук

**Дедов Д. И.**, профессор кафедры конституционного и муниципального права МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук

**Ершова Е. А.**, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

**Женетль С. З.**, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

**Загорский Г. И.**, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук

**Качалова О. В.**, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

**Кононов П. И.**, профессор кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

**Корнев В. Н.**, заведующий кафедрой теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

**Краснова И. О.**, заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

**Никитин С. В.**, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

**Стахов А. И.**, заведующий кафедрой административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

**Сырых В. М.**, главный научный сотрудник кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

# Содержание

## ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

***Волкова В. В., Петрушкина А. В.*** **Административно-правовые нормы о поощрении: особенности структуры и реализации** ..... 5

***Сиразитдинова Ю. Р.*** **Отдельные вопросы доказывания в административном судопроизводстве** ..... 13

***Тарасова Ю. Н., Романов Р. В.*** **Обучение защите информации как условие эффективной информатизации судебной деятельности** ..... 21

## ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

***Бузова Н. В.*** **Произведение архитектуры: некоторые проблемные вопросы понятия** ..... 29

***Волос А. А.*** **Отдельные договорные типы в условиях цифровизации: постановка проблемы** ..... 37

***Гаврилова А. М.*** **Толкование гражданских сделок в российском и зарубежном праве: теория и судебная практика** ..... 46

***Горшкова П. А.*** **Обязательные примирительные процедуры в арбитражном процессе: на пути к снижению судебной нагрузки** ..... 60

***Колосов А. В.*** **Особенности признания и исполнения решений арбитражей Китайской Народной Республики в России** ..... 70

***Лебедева Е. В.*** **Имущественные права как объекты гражданских прав** ..... 83

## УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

***Зеленин С. Р.*** **Процессуальные издержки в структуре расходов государства на уголовное судопроизводство и в ее динамике** ..... 90

***Петров А. В.*** **Соотношение категорий «независимость», «беспристрастность», «объективность» и «справедливость» в уголовном судопроизводстве** ..... 104

# Content

## PUBLIC LAW (STATE LAW) STUDIES

***V. V. Volkova, A. V. Petrushkina.*** **Administrative and legal norms on encouragement: features of the structure and implementation** ..... 5

***Yu. R. Sirazitdinova.*** **Specific issues of proof in administrative proceedings** ..... 13

***J. N. Tarasova, R. V. Romanov.*** **Information protection training as a condition for effective informatization of judicial activity** ..... 21

## PRIVATE LAW (CIVIL LAW) STUDIES

***N. V. Buzova.*** **Work of architecture: some problematic issues of the concept** ..... 29

***A. A. Volos.*** **Contractual types in the context of digitalization: problem statement** ..... 37

***A. M. Gavrilova.*** **The interpretation of the concept of civil transactions in Russian and foreign law: theory and jurisprudence** ..... 46

***P. A. Gorshkova.*** **Mandatory conciliation procedures in the arbitration process: towards reducing the judicial burden** ..... 60

***A. V. Kolosov.*** **Peculiarities of recognition and enforcement of arbitral awards of the People's Republic of China in the Russian Federation** ..... 70

***E. V. Lebedeva.*** **Property rights as objects of civil rights** ..... 83

## CRIMINAL LAW STUDIES

***S. R. Zelenin.*** **Procedural costs in the structure of state expenditures on criminal proceedings and in its dynamics** ..... 90

***A. V. Petrov.*** **The relationship between the categories of "independence", "impartiality", "objectivity" and "fairness" in criminal proceedings** ..... 104

Российское правосудие. 2026. № 3. С. 5–12
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 3. P. 5–12
УДК 342.5 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.3.5-12

Научная статья

# Административно-правовые нормы о поощрении: особенности структуры и реализации

**Виктория Владимировна Волкова[1, 2], Анна Васильевна Петрушкина[3]**

[1, 3] Северо-Кавказский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Краснодар, Российская Федерация

[2] Краснодарский кооперативный институт (филиал), Российский университет кооперации, Краснодар, Российская Федерация, www.truba.ru@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1192-4503

[3] joesline@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0080-299X

**Аннотация.** На данный момент в России отсутствует единый кодифицированный правовой акт, который был бы направлен на осуществление регулирования основных положений и принципов поощрения. Вследствие важности этих вопросов очевидна необходимость разработки и принятия такого нормативного правового акта. Указанный нормативный правовой акт в сфере административного права должен закреплять данные вопросы на федеральном и региональном уровнях.

Основной задачей является исследование особенностей и структуры административно-правовых норм о поощрении.

В ходе исследования применялись анализ, синтез, обобщение, сравнительно-правовой и формально-логический методы. Использованные методы позволили обосновать аргументы, послужившие основой научно обоснованных выводов о необходимости совершенствования системы административно-правовых норм о поощрении.

В статье проанализированы особенности структуры административно-правовых норм о поощрении. Выявлена специфика реализации административно-правовых норм о поощрении. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что отличительной особенностью поощрительной нормы является ее двучленная структура. Сформулирован вывод о необходимости создания единого кодифицированного федерального закона, который закрепит основные принципы и положения поощрений на федеральном и региональном уровнях. Также обоснована целесообразность выделения поощрительных норм как самостоятельного вида юридических норм.

**Ключевые слова:** поощрение, административно-правовая норма, структура, реализация, проблемы реализации, особенности

**Для цитирования:** Волкова В. В., Петрушкина А. В. Административно-правовые нормы о поощрении: особенности структуры и реализации // Российское правосудие. 2026. № 3. С. 5–12. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.5-12.

Original article

**Administrative and Legal Norms on Encouragement: Features of the Structure and Implementation**

© Волкова В. В., Петрушкина А. В., 2026

**Victoria V. Volkova[1, 2], Anna V. Petrushkina[3]**

[1, 3] North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Krasnodar, Russian Federation
[2] Krasnodar Cooperative Institute (Branch), Russian University of Cooperation, Krasnodar, Russian Federation, www.truba.ru@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1192-4503
[3] joesline@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0080-299X

**Abstract.** At the moment there is no single codified legal act in Russia that would be aimed at regulating the basic provisions and principles of incentives. In this regard, the need to create such a regulatory legal act is obvious. It should be emphasized that the specified normative legal act should fix these issues at the federal and regional levels, as well as relate to administrative law.
The main task is to study the features and structure of administrative and legal norms on encouragement. Analysis, synthesis, generalization, comparative legal and formal logical methods. The methods used made it possible to substantiate the arguments given, on the basis of which scientifically based conclusions were made about the need to improve the system of administrative and legal norms on encouragement.
The article analyzes the features of the structure of administrative and legal norms on encouragement. The peculiarities of the implementation of administrative and legal norms on encouragement are revealed. Based on the analysis, it is concluded that a distinctive feature of the incentive norm is its binomial structure. Based on the results of the analysis, a conclusion has been formulated on the need to create a single codified federal law that will consolidate the basic principles and provisions of incentives at the federal and regional levels. The necessity of allocating incentive norms as an independent type of legal norms is also justified.

**Keywords:** encouragement, administrative and legal norm, structure, implementation, problems of implementation, features

**For citation:** Volkova V. V., Petrushkina A. V. Administrative and legal norms on encouragement: features of the structure and implementation. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(3):5-12. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.5-12.

**Норма права является закрепленными в определенной форме правилами поведения, обеспечение которых осуществляется за счет власти государства. При этом для норм права характерно разнообразие их видов. Одним из видов норм права являются нормы о поощрении.**

В настоящее время легальное определение понятия «поощрительная норма» в действующем законодательстве России отсутствует, как не существует и однозначного определения понятия «поощрение» в отечественной юридической литературе.

Сегодня в научном сообществе выражены три различных мнения относительно рассматриваемого понятия. Последователи первого из указанных подходов предлагают под поощрительной нормой понимать общее указание относительно возможного либо должного предоставления поощрения за полезное для государства поведение. В отношении приведенного определения понятия поощрительной нормы В. М. Баранов подчеркивает, что полезность поведения для государства выражается в добросовестном выполнении юридических либо общественных обязанностей. Кроме того, указанному поведению также свойственно достижение результатов, превосходящих обычные установленные требования. Основной целью такого поведения ученый называет повышение социальной активности индивида или коллектива в той или иной определенной сфере жизни [1, с. 11–12].

Последователи второго мнения предлагают под поощрительной нормой понимать нормы, которыми за совершение полезных для общества действий устанавливаются те или иные определенные меры поощрения. Так, С. С. Алексеев подчеркивает наличие в праве огромного количества разнообразных норм, которыми устанавливаются те или иные меры материального или морального поощрения. При этом ученый отмечает, что особенной важностью для общества обладает не отдельная норма о поощрении, а их общая социальная или же юридическая характеристика [2, с. 25–30].

А. В. Малько считает, что поощрительная норма – это форма юридического одобрения заслуженного поведения, основанного на доброй воле субъекта. В качестве результата такого поведения автор выделяет благоприятные последствия, которые наступают для субъекта. При этом он подчеркивает, что именно эти последствия и представляют собой вознаграждение [3, с. 45].

Последователи третьего современного подхода, наиболее ярким представителем которого является А. И. Стахов, отстаивают тесную связь поощрения с убеждением, предлагая понимать поощрение как позитивное моральное, психологическое, экономическое или другое воздействие на волю и сознание граждан или организаций, цель которого заключается в исполнении ими действующего законодательства и добросовестном исполнении своих обязанностей[1]. Ученый отмечает, что современное административное право направлено на поиск именно стимулов, под которыми следует понимать определенные средства воздействия на граждан и организации через их потребности и интересы. Так, если в ходе убеждения стимулы обладают моральным характером, то в процессе осуществления поощрения на первое место выходят материальные, личные, юридические и иные стимулы.

Под стимулированием А. И. Стахов предлагает понимать систему определенных способов и приемов воздействия на граждан и организации, которые влекут за собой наступление определенных благоприятных для них последствий с целью побуждения к совершению ими таких действий, которые одобряются государством[2].

Автор выделяет следующие виды стимулирования в зависимости от их содержания: материальное (ценные подарки или денежные премии), статутное (почетные звания, медали ордена), моральное (грамота, благодарность, помещение на доску почета и т. д.), смешанное. Он также обращает внимание на то, что стимулирование осуществляется в виде государственных гарантий и льгот, которые государство предоставляет пенсионерам, ветеранам труда, многодетным семьям и т. д., и подчеркивает, что государством разрабатываются программы стимулирования. В качестве примеров приводятся программа материнского капитала, субсидирование ставок по ипотечным кредитам и т. д.[3] Из изложенного можно сделать вывод о том, что стимулирование представляет собой метод, который применяется при осуществлении функций управления и выступает как правовое побуждение к законопослушному и государственно-активному поведению, по результатам которого могут быть применены в отношении тех или иных лиц различные меры поощрения.

Приведенные позиции ученых в части определения понятия поощрительных норм позволяют нам сформулировать следующее авторское определение, на которое мы и будем опираться в настоящем исследовании: под поощрительной нормой мы понимаем определенные правила поведения, устанавливаемые субъектами права, цель которых заключается в обеспечении регулирования различных общественных отношений и стимулировании необходимого и желательного правомерного поведения.

Правомерное поведение, исходя из степени его социальной значимости, можно разделить на социально полезное и социально допустимое поведение. Социально полезное есть желательное и необходимое поведение, а второе направлено на удовлетворение не противоречащих общественным интересам запросов конкретного субъекта. Таким образом, далеко не всякое правомерное поведение подлежит поощрению, а только то, которое может считаться необходимым и желательным.

Исходя из предложенного нами выше определения поощрительной нормы, можно выделить ее *особенности*, первой из которых является возможность ее реализации только в виде приме-

---

[1] Административное право России : учеб. для вузов / под ред. А. И. Стахова, П. И. Кононова. 5-е изд., перераб и доп. М. : Юрайт, 2022. С. 292.

[2] Там же. С. 312.

[3] Там же.

нения. Второй особенностью является добровольный характер действий, за которые предусматривается поощрение. Третья особенность заключается в том, что поощрительная норма может быть применена только за необходимое и желательное правомерное поведение субъекта. Четвертая особенность выражается в положительном воздействии на субъектов, в отношении которых применяется поощрительная норма.

На основании изложенного можно выделить следующие специфические черты поощрительных норм права: позволяют создавать особенный способ оказания воздействия на поведение и волю граждан со стороны государства; составляют основу правовых отношений, отличительной особенностью которых является особенный порядок возникновения, изменения и прекращения; направлены на регламентирование поощрений; содержат в себе особый способ достижения желаемого поведения; обладают специфической структурой и направлены на реализацию определенных функций.

Одним из самых эффективных способов повышения уровня активности человека является поощрение, эффективность которого на порядок выше, нежели у принуждения. Однако, невзирая на тот факт, что в последние годы интерес научного сообщества к проблемам поощрений неуклонно растет, многие важнейшие вопросы все еще не получили должного внимания со стороны ученых-юристов.

Основу метода поощрения составляют процессуальные и материальные нормы, первые из которых закрепляют определенные характеристики поощряемого поведения, размер применяемого поощрения и круг лиц, в отношении которого оно может быть применено, а также перечень должностных лиц и органов, которые обладают полномочиями решения вопроса о применении поощрения, в то время как вторые направлены на осуществление регулирования порядка применения поощрительных норм.

Если поощрение рассматривать с административно-правовой позиции, то становится понятно, что оно представляет собой один из основных методов осуществления государственного управления.

*Структура норм о поощрении* обладает некоторыми отличительными особенностями – она включает в себя две составляющие, что принципиально отличает поощрительные нормы от иных видов норм.

Анализируя структуру норм о поощрении, В. В. Попова выделяет две ее основные составляющие – гипотезу и санкцию. Автор указывает на то, что гипотеза основана на заслуге, которая является основанием для применения в отношении субъекта нормы о поощрении, а под заслугой предлагает понимать определенные элементы, отражающие позитивное поведение. Что касается санкции, то она является не чем иным, как теми самыми благоприятными последствиями, которые наступают в случае позитивного поведения субъекта [4, с. 8].

По нашему мнению, структура поощрительной нормы является иной: обязательными ее элементами выступают объединенные гипотеза и диспозиция, а также поощрительная санкция. Именно объединение гипотезы и диспозиции обеспечивает право на достижение определенного положительного результата, за которое предполагается применение поощрительной санкции, и полностью исключает команду или обязанность поступать определенным образом. Думается, что рассмотрение нормы о поощрении с такой позиции позволяет отнести ее к разряду диспозитивных норм, так как именно данный подход предоставляет субъекту право выбора, а не обязывает его вести себя определенным образом. Иными словами, субъект может выбрать «правильное» поведение.

Следующей особенностью структуры поощрительной нормы является наличие поощрительной санкции, под которой следует понимать меры воздействия, закрепленные юридическими нормами, применяемые субъектом, которым они были установлены, в отношении заслужившего указанную меру через достижение определенных положительных результатов, обладающих общественной значимостью.

Анализ существующих поощрительных норм позволяет сделать вывод о том, что все нормы отечественного права о поощрении можно разделить на четыре уровня:

– поощрение как сложная система всех поощрительных правовых норм;

– отраслевые правовые нормы о поощрении;

– институциональные поощрительные нормы;

– поощрительные правовые нормы.

Более детального анализа требуют поощрительные санкции, которые представляют собой наиболее эффективный психологический стимул. Эффективность поощрительной санкции основана на наличии побудительной причины и заинтересованности в социально значимом поведении. Помимо этого, поощрительная санкция может иметь форму предоставления той или иной ценности, которая может выражаться в ослаблении либо полном устранении разного рода лишений. Поощрительная санкция также может предоставлять расширенный круг определенного рода возможностей.

Эффективным юридическим средством поощрительная санкция будет являться только тогда, когда она будет обладать публичным характером. Еще одним обязательным условием эффективности является закрепление разного рода льгот, субъективных прав, законных интересов и т. д.

Поощрительная санкция представляет собой еще и один из методов убеждения. Так, метод стимулирования подразумевает использование тех или иных мер морального или же материального поощрения и применяется за достижение обозначенных результатов деятельности, труда и т. д.

С другой же стороны, применение в отношении субъекта поощрительной санкции является не чем иным, как одним из методов убеждения, поскольку демонстрирует все выгоды от позитивного социального поведения.

Мы уже упоминали об универсальности норм о поощрении, которая обусловлена их присутствием в любой отрасли права. Однако их универсальность подтверждается еще и тем, что они закреплены на всех уровнях – начиная от федерального и заканчивая муниципальным.

Тем не менее сегодня потенциал норм о поощрении как юридических средств используется далеко не в полном объеме по причине несовершенства их закрепления в действующем российском законодательстве.

Действительно, отечественное законодательство содержит обширный перечень поощрительных норм, который постоянно дополняется и расширяется. В частности, в течение последнего десятилетия указанный перечень был дополнен достаточно большим кругом установленных на различных уровнях поощрительных норм, что помогло существенно расширить возможности правоприменителя в части выбора той или иной меры поощрения. Нельзя не отметить позитивный характер указанной тенденции, однако сегодня существует и определенный круг негативных моментов, связанных в первую очередь с несоответствием некоторых видов поощрений сформированной системе. Указанное несоответствие выражается в невозможности точного установления их принадлежности к тому или иному элементу системы норм о поощрении.

В частности, главным отличием можно назвать тот факт, что комплекс поощрительных норм формирует отдельный межотраслевой институт, в состав которого входят различные отрасли права.

Конституция Российской Федерации тоже содержит в себе некоторые положения о поощрении, которые обладают наиважнейшим значением. Среди них можно выделить право Президента Российской Федерации награждать государственными наградами, присваивать высшие звания и т. д.

В административном праве группировка норм о поощрении осуществляется на основе положений Конституции Российской Федерации. Отметим, что именно указанными нормами за-

крепляется перечень видов поощрений, круг субъектов, в отношении которых могут быть применены указанные поощрения, основания для применения того или иного вида поощрения, а также процедуры применения поощрений.

Следует отметить, что российское законодательство предусматривает только два способа закрепления в источниках права поощрительных норм. Суть первого заключается в том, что нормы о поощрении закрепляются исключительно в нормативных правовых актах, целиком и полностью нацеленных на осуществление регулирования поощрений со стороны того или иного исполнительного органа власти. В качестве примера можно привести Положение о Почетной грамоте Правительства Российской Федерации и благодарности Правительства Российской Федерации[4].

Второй способ предполагает включение поощрительных норм в нормативные правовые акты иной тематики, например Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»[5].

В отношении граждан Российской Федерации высшей формой поощрения являются государственные награды. Регулирование российской наградной системы осуществляется Положением о государственных наградах Российской Федерации[6].

Поощрение может быть применено в отношении индивидуального или коллективного субъекта, а основанием для применения выступают нормы административного права.

Таким образом, можно выделить особенности норм поощрения, к первой из которых относится их видовое разнообразие, а ко второй – наличие специальных субъектов, обладающих полномочиями создания и применения поощрительных норм.

Правительством России устанавливаются нормы о поощрении, которые содержатся в отечественной системе поощрений. Что касается политики Правительства относительно поощрений, то она по сей день не получила своего законодательного закрепления, что, по нашему мнению, является существенным недостатком и требует скорейшего устранения. Считаем необходимым отметить, что данный пробел в законодательстве следует устранить.

Сегодня в научном сообществе существует устойчивое мнение о необходимости принципиальной модернизации существующей в России модели наградных правоотношений, с чем мы не можем не согласиться.

По нашему мнению, назрела необходимость создания единого кодифицированного федерального закона, который будет закреплять все главные положения и принципы, касающиеся вопросов наградной системы России. При этом данный нормативный правовой акт должен осуществлять регулирование указанного вопроса не только на федеральном, но и на региональном уровне, а также относиться к административному праву.

---

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 31 января 2009 г. № 73 (ред. от 10.07.2020) «О Почетной грамоте Правительства Российской Федерации и благодарности Правительства Российской Федерации» (вместе с «Положением о Почетной грамоте Российской Федерации и благодарности Правительства Российской Федерации») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 6. Ст. 745.

[5] Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

[6] Указ Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1099 (ред. от 16.01.2024) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» (вместе с «Положением о государственных наградах Российской Федерации», «Статутами орденов Российской Федерации, положениями о знаке отличия ордена Святого Георгия – Георгиевском Кресте, медалях Российской Федерации, знаке отличия “За безупречную службу”, почетных званиях Российской Федерации, описаниями названных государственных наград Российской Федерации и нагрудных знаков к почетным званиям Российской Федерации») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 37. Ст. 4643.

Действующая в России система правовых норм, регулирующая вопросы награждения государственными наградами, совершенно не соответствует общественной важности рассматриваемого института. Из этой ситуации поможет выйти совершенствование системы правового регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений, а именно закрепление положений о государственных наградах на уровне кодифицированного федерального закона. Отметим, что в настоящее время указанные положения закреплены в подзаконном акте, что, по нашему мнению, является упущением со стороны законодателя. В свою очередь, с целью приведения в единую стройную систему действующих норм о государственных наградах положения, содержащиеся в Методических рекомендациях, следует закрепить в подзаконном правовом акте.

В процессе реализации указанных выше мер необходимо помнить о предъявляемых к содержательной части норм о поощрении требованиях, в особенности требований, непосредственно касающихся четкости формулировок и соответствия применяемых поощрительных мер усилиям, потраченным для достижения соответствующего результата.

Кроме того, необходимо помнить и об особенностях восприятия каждым субъектом информации о том или ином виде поощрения: ведь оно может подвергаться существенным различиям по причине присутствия или отсутствия разного рода факторов, таких как социальные или демографические особенности, профессиональные особенности, нравственные или психологические различия и др. Особого контроля требует вопрос своевременности доведения информации о поощрениях до каждого субъекта.

Таким образом, поощрительные нормы представляют собой определенные правила поведения, устанавливаемые субъектами права, цель которых заключается в обеспечении регулирования различных общественных отношений и стимулировании необходимого и желательного правомерного поведения. Указанные правила закреплены в различных правовых отраслях, а их отличительными особенностями являются разнообразие и наличие множественных субъектов.

Поощрительные нормы требуют выделения в самостоятельный вид юридических норм, что обусловлено их уникальной ролью в механизме осуществления правового регулирования, присутствием у них определенных структурных особенностей и универсальной сферой их применения.

В связи с этим очевидна необходимость наличия определенных правил, которые предъявляются к их законодательному закреплению, а точное их соблюдение является гарантией повышения эффективности отечественного законодательства, в частности административно-правовых норм о поощрении.

**Список источников**

1. Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1978. 147 с.

2. Алексеев С. С. Восхождение к праву: поиски и решения. М. : Норма, 2001. 752 с.

3. Малько А. В. Льготная и поощрительная правовая политика. СПб. : Пресс, 2004. 233 с.

4. Попова В. В. Поощрительные нормы современного российского права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2015. 27 с.

**References**

1. Baranov V. M. *Incentive norms of Soviet socialist law.* Saratov: Publishing House of Saratov University; 1978. 147 p. (In Russ.)

2. Alekseev S. S. *Ascent to the right: searches and decisions*. Moscow: Norma; 2002. 608 p. (In Russ.)

3. Malko A. V. *Preferential and incentive legal policy*. St. Petersburg: Press; 2004. 233 p. (In Russ.)

4. Popova V. V. *Incentive norms of modern Russian law.* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Omsk; 2015. 27 p. (In Russ.)

**Информация об авторах**

В. В. Волкова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева; доцент кафедры юриспруденции Краснодарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации;

А. В. Петрушкина – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин.

**Information about the authors**

V. V. Volkova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Administrative and Financial Law Department of the North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev; Associate Professor at the Jurisprudence Department of the Krasnodar Cooperative Institute (Branch) of the Russian University of Cooperation;

A. V. Petrushkina – Senior Lecturer at the State and Legal Disciplines Department.

**Вклад авторов:** авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.

**Конфликт интересов**

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

**Conflict of interests**

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 21.06.2024; одобрена после рецензирования 10.09.2024; принята к публикации 25.12.2025.

The article was submitted 21.06.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.12.2025.

Российское правосудие. 2026. № 3. С. 13–20
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 3. P. 13–20
УДК 347.941 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.3.13-20

Научная статья

# Отдельные вопросы доказывания в административном судопроизводстве

**Юля Руслановна Сиразитдинова**

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, sirazitdinova92@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-8459-9377

**Аннотация.** С принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации обострились актуальные проблемы теории и практики доказывания. Их появление связано с особенностью административного судопроизводства – спецификой предмета доказывания. В административном судопроизводстве стороны изначально находятся в неравном положении, и это требует особого подхода к определению круга субъектов доказывания, их прав и обязанностей. Целью настоящего исследования является теоретико-правовое осмысление предмета и участников доказывания в административном судопроизводстве.
Методологическую основу составили общелогические методы (анализ, индукция, дедукция), позволившие детально рассмотреть элементы процессуального доказывания, на основе изучения отдельных судебных дел и примеров из практики сформулировать общие выводы о закономерностях процессуального доказывания и вывести частные положения из общих основ административного судопроизводства.
Привлечено внимание к тому, что основу предмета доказывания составляют факты идеального (правового) характера. На примерах административных дел показано, что вид судебного контроля влияет на характер доказывания. Освещены вопросы роли суда в процессе доказывания, признаки субъектов доказывания. Обосновывается необходимость отнесения к субъектам доказывания прокурора и представителя.

**Ключевые слова:** доказывание, субъекты доказывания, заинтересованные лица, прокурор, адвокат, предмет доказывания, законность

**Для цитирования:** Сиразитдинова Ю. Р. Отдельные вопросы доказывания в административном судопроизводстве // Российское правосудие. 2026. № 3. С. 13–20. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.13-20.

Original article

**Specific Issues of Proof in Administrative Proceedings**

**Yulya R. Sirazitdinova**

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, sirazitdinova92@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-8459-9377

**Abstract.** With the adoption of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, topical problems of the theory and practice of evidence have become aggravated. Their appearance is associated with the peculiarity of administrative proceedings – the specifics of the subject of evidence. In administrative proceedings, the parties are initially in an unequal position, and this requires a special approach to determining the circle of subjects of evidence, their rights and obligations. The purpose of this study is

© Сиразитдинова Ю. Р., 2026

the theoretical and legal understanding of the subject and participants in the evidence in administrative proceedings.
The methodological basis was made up of general logical methods (analysis, induction, deduction), which made it possible to consider in detail the elements of procedural evidence, based on the study of individual court cases and examples of practice, formulate general conclusions about the laws of procedural evidence and deduce particular provisions from the general foundations of administrative proceedings.
Attention was drawn to the fact that the basis of the subject of evidence is facts of an ideal (legal) nature. Examples of administrative cases show that the type of judicial control affects the nature of the evidence. The issues of the role of the court in the process of evidence, signs of subjects of evidence are covered. The need to classify the prosecutor and representative as subjects of evidence is justified.

**Keywords:** evidence, subjects of evidence, interested persons, prosecutor, lawyer, subject of evidence, legality

**For citation:** Sirazitdinova Yu. R. Specific issues of proof in administrative proceedings. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(3):13-20. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.13-20.

**Термин «предмет доказывания» довольно часто используется как в науке, так и в судебной практике, при этом ни один процессуальный закон не раскрывает его понятия и содержания. Законодатель, закрепляя обязанности по доказыванию, в ст. 62 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ) дает общую формулировку об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения дела.**

В теории доказательственного права существует два подхода к определению предмета доказывания. Первый подход состоит в том, что в предмет доказывания входят не только материально-правовые, но и другие факты.

Сторонники второго подхода в предмет доказывания включают только материально-правовые факты. Второй подход основан на прямом толковании процессуального закона. При этом следует отметить, что законодатель не ограничивает суд определением только материально-правовых фактов, но дает возможность установить и иные обстоятельства для правильного рассмотрения и разрешения дела (ст. 190, 194 КАС РФ и др.). Данный подход не выявляет характерные черты предмета доказывания в административном судопроизводстве и не раскрывает его сути.

*Предметом доказывания по административным делам* могут выступать не только объекты материального мира, но и объекты правовой действительности, или, как принято их называть, объекты идеального характера. К объектам идеального характера относятся факты, представляющие собой правовые понятия (категории). К таковым относятся вопросы процедуры принятия нормативного правового акта, признание информации экстремистской, разумный срок, законность действий (бездействия) властных субъектов и т. д.

Информация о фактах правовой действительности редко фиксируется в самих судебных доказательствах. Обычно выводы относительно наличия или отсутствия таких фактов формируются судом в ходе установления фактической основы дела, а субъектами доказывания – в ходе совершения действий по доказыванию.

В порядке административного судопроизводства рассматриваются и разрешаются дела, связанные с осуществлением обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, прав организаций при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям, а также о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан или организаций, возникающие из административных и иных публичных правоотношений.

При этом на процесс доказывания по делам публичного производства существенно влияет вид судебного контроля.

Основная *задача предварительного контроля* (ч. 3 ст. 1 КАС РФ) – не допустить необоснованного ограничения прав и свобод граждан и организаций. Для этого законодатель установил

правило, согласно которому властные субъекты вправе применять ограничительные меры только при наличии судебного решения.

В *предмет доказывания по делам предварительного судебного контроля* будут входить факты, образующие правовые основания для ограничения прав и свобод граждан. Например, при рассмотрении административных дел в соответствии с главой 30 КАС РФ подлежат установлению следующие факты: наличие у гражданина тяжелого психического расстройства и его негативных последствий (опасность для себя или окружающих, беспомощность и др.); невозможность обследования и лечения лица амбулаторно, вне медицинского учреждения, предоставляющего психиатрическую помощь стационарно; отказ пациента или его уклонение от госпитализации в добровольном порядке. По административным делам, рассматриваемым в порядке главы 31.1 КАС РФ, должны быть установлены следующие основания для защиты интересов несовершеннолетнего или лица, признанного судом недееспособным: факт необходимости медицинского вмешательства для спасения жизни представляемого лица; отказ законного представителя от медицинского вмешательства.

*По делам последующего судебного контроля* (ч. 2 ст. 1 КАС РФ) осуществляется проверка законности правовых актов, действий (бездействия) властных субъектов в целях защиты нарушенных субъективных публичных прав и законных интересов граждан и организаций. Разрешение спора связано с решением вопроса о правомерности действия административного органа, послужившего юридическим фактом, породившим данное правоотношение.

Предмет судебного доказывания по этим делам имеет специфический характер, поскольку им выступает явление правового характера – *законность* правовых актов, действий (бездействие). Например, по делам о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей или в исправительном учреждении суд в первую очередь признает незаконными действия (бездействие) должностных лиц органов пенитенциарной системы и только потом рассматривает вопрос о факте нарушения содержания под стражей подозреваемых (обвиняемых)[1].

Опираясь на позицию С. В. Курылева, согласно которой искомые факты могут являться предметом непосредственного познания [1, с. 16], Ю. А. Попова по делам судебного нормоконтроля выделяла ряд процедурных фактов, включаемых в предмет доказывания. Среди них – компетенция принявшего акт властного органа, а также порядок принятия и издания нормативного акта [2, с. 454].

Таким образом, содержание понятия «законность» определяется особенностями каждого отдельного случая оспаривания. Законность – это юридическая характеристика правового акта или действия (бездействия). Выводы о законности или незаконности формируются на основе юридических фактов, раскрывающих ее признаки, ставших объектом изучения судом и подлежащих доказыванию субъектами доказывания [3, с. 245].

Следует отметить, что в предмет доказывания по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, могут входить факты *субъективной реальности* (умысел, неосторожность). Например, в соответствии со ст. 284 КАС РФ суд устанавливает, помимо фактов материально-правового характера (наличие заразной формы туберкулеза, нарушение режима, уклонение от лечения), факты субъективной реальности, а именно факты *умышленного* уклонения гражданина от обследования в целях выявления туберкулеза или от лечения туберкулеза.

Наличие вины лица в совершении общественно опасного поступка всегда влечет наступление для него негативных последствий. Наступление же ответственности допускается не за болезнь, а исключительно в случаях, прямо предусмотренных законом, при определенном вино-

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

вном поведении заболевшего лица, свидетельствующем о заведомом поставлении другого лица в опасность заражения или о непосредственном заражении другого лица лицом, знавшим о наличии у него определенной болезни [4].

Конструкция ч. 1 ст. 281 КАС РФ предполагает принудительную госпитализацию в противотуберкулезный диспенсер при умышленном уклонении лица от госпитализации. Иными словами, вопрос о принудительном помещении в противотуберкулезную медицинскую организацию может быть поставлен только в том случае, если в отношении гражданина имеется первичная медицинская информация о возможном наличии заболевания туберкулезом любой формы, он был предупрежден о необходимости прохождения дальнейшего обследования, но уклонился от этого [5].

Факты субъективной реальности подлежат установлению и по другим административным делам[2].

Специфика формирования знания о таких юридических явлениях состоит в том, что конечный вывод формируется путем последовательного анализа фактических обстоятельств дела. Сначала устанавливаются промежуточные факты, затем на их основе формулируется вывод о наличии или отсутствии искомого факта.

Например, по делам об оспаривании нормативного правового акта законность такого акта устанавливается на основе выводов о юридических фактах, отражающих характерные черты правового свойства (порядок принятия, полномочия органа, введение в действие и т. д.). Используя совокупность таких фактов, суд делает общий вывод о законности или незаконности нормативного акта, аргументируя свое решение в судебном акте.

Таким образом, фактические обстоятельства дела, на основе которых суд устанавливает факты идеального характера, а заинтересованные лица доказывают такие факты, имеют важное значение. Неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для административного дела, является основанием для отмены судебного акта (ст. 310 КАС РФ).

Формирование фактической основы дела становится более точным при правильном определении участников доказывания. Это обеспечивает полноту исследования обстоятельств административного дела, соблюдение процессуальных прав субъектов, минимизирует риски отмены судебного решения.

В процессуальной доктрине вопросы судебного доказывания и состава субъектов доказательственной деятельности остаются предметом научных дискуссий. В теории доказательственного права сформировались две позиции относительно субъектов доказывания. Первую точку зрения, основанную на принципе объективной истины и активной роли суда, разделяли К. С. Юдельсон[3] и М. К. Треушников[4]. Согласно данному подходу к субъектам доказывания следует относить не только стороны процесса, но и суд. Сторонники второй позиции, в частности А. Ф. Клейнман[5] и Л. А. Ванеева[6], исходили из того, что суд не может считаться субъектом доказывания. По их мнению, деятельность суда по установлению обстоятельств дела не носит доказательственного характера.

---

[2] Например, по делам, рассматриваемым Дисциплинарной коллегией Верховного Суда Российской Федерации.

[3] См.: *Юдельсон К. С.* Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М. : Госюриздат, 1951. 295 с.

[4] См.: *Треушников М. К.* Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. М. : Изд-во МГУ, 1982. 160 с.

[5] См.: *Клейнман А. Ф.* Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе // Избранные труды. Краснодар : Сов. Кубань, 2008. Т. 1. 512 с.

[6] См.: *Ванеева Л. А.* Судебное познание в науке советского гражданского процессуального права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Л., 1969. 17 с.

Последний подход в определении субъектов доказывания представляется нам более верным. Суд не является субъектом доказывания: его роль состоит в правильном установлении фактической и юридической основы дела. Исследование и оценка судебных доказательств имеют ключевое значение в установлении обстоятельств дела. Суд обязан выполнять эти процессуальные действия с целью правильного рассмотрения и разрешения административного дела.

Отличие субъектов доказывания от иных участников административного судопроизводства заключается в наличии у них юридического (процессуального) интереса, самостоятельных прав и обязанностей в сфере доказывания, а также возможности представлять собственные интересы либо интересы других лиц. Субъектами доказывания выступают заинтересованные лица, защищающие свои интересы или обращающиеся в суд в защиту интересов других лиц или неопределенного круга лиц.

Задача доказательственных действий сторон заключается в убеждении суда в обоснованности своих доводов. Используя доказательства, стороны аргументируют свои требования и возражения. Убеждая суд, стороны приводят доводы в пользу того, о чем говорят и в чем собираются убедить. Адресатом доказательственной деятельности в данном случае выступает суд, рассматривающий дело. Иными словами, доказывание по административным делам включает в себя как процессуальные действия с доказательствами, так и логические аргументы (выводы) субъекта доказывания о наличии или отсутствии какого-либо юридического факта.

Особое положение среди субъектов доказывания в административном судопроизводстве занимает прокурор. Независимо от формы участия в процессе, начиная со стадии возбуждения административного дела и заканчивая стадией пересмотра вступившего в законную силу судебного акта, прокурор является субъектом доказательственной деятельности.

К числу важных полномочий прокурора, непосредственно связанных с исполнением функций по надзору за исполнением законов, прав и свобод человека и гражданина, относится полномочие на обращение в суд с заявлением [6, с. 199]. Являясь процессуальным истцом, он обладает широкими полномочиями, реализация которых направлена на соблюдение прав участников процесса и принятие судом законного решения. Так, в соответствии со ст. 62 КАС РФ прокурор обязан доказывать факты, лежащие в основе административного иска, что обусловлено его заинтересованностью в исходе дела.

Главная задача доказательственной деятельности прокурора заключается в убеждении суда в правильности своей позиции. Оперируя доказательствами, он аргументирует свою точку зрения и представляет доводы в ее поддержку. Суд выступает в качестве адресата доказательственной информации.

Другой формой участия прокурора в процессе является вступление в процесс с целью дачи заключения по административному делу. В современной юридической литературе распространена точка зрения, согласно которой цель участия прокурора в деле состоит в оказании помощи суду. Прокурор как лицо, обладающее властными полномочиями, дает заключение по делу, основываясь на объективной оценке представленных доказательств [7], и тем самым способствует принятию справедливого решения.

Дискуссия о роли и функциях прокурора при рассмотрении дел в суде занимает важное место в теории прокурорского надзора. Некоторые исследователи[7], рассматривающие вопросы правовых форм надзорно-контрольной деятельности органов прокуратуры, связывают участие

[7] *Назаров С. Н.* Теоретико-правовые основы юридической деятельности надзорно-контрольных органов в условиях формирования правового государства : автореф. дис. … канд. юрид. наук, Ростов н/Д, 2000. 22 с.; *Протопопов А. Л.* Функции прокуратуры // Правоведение. 2000. № 6. С. 169–178; *Розенфельд В. Г., Фролов А. В.* О функциях и организации деятельности прокуратуры // Журнал российского права. 1999. № 2. С. 69–82.

прокурора в судебных процессах с надзорной функцией, поэтому дачу заключения прокурором по делу стали рассматривать как реализацию данной функции[8].

По мнению Е. В. Токаревой, давая заключение по делу, прокурор выполняет процессуальную функцию [8, с. 158]: его заинтересованность состоит в обеспечении исполнения законов.

КАС РФ предусматривает участие прокурора по определенным категориям административных дел (ст. 213, 243, 268, 272, 277, 283), связанных с угрозой нарушения публичных интересов. По данным делам решение имеет обязательную силу для всех субъектов независимо от их участия в деле.

Важно отметить, что непривлечение или неизвещение прокурора считается нарушением норм процессуального права и является безусловным основанием для отмены судебного акта[9] (п. 2 ч. 1 ст. 310 КАС РФ). Без устранения допущенных нарушений невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов участников судопроизводства, а также защита охраняемых законом публичных интересов[10].

Выполняя правозащитную функцию, прокурор вправе участвовать в исследовании доказательств, анализировать информацию, полученную в ходе судебного разбирательства, обосновывать свое мнение. Тем самым он способствует восстановлению нарушенных прав и интересов субъектов, в защиту которых выступает.

В юридической литературе выделяют еще одного участника административного судопроизводства – представителя. Если законом не предусмотрено обязательное участие представителя в судебном процессе, то граждане вправе вести дела лично или через представителя.

Права и законные интересы недееспособных или ограниченно дееспособных, а также несовершеннолетних лиц защищают их законные представители. Представителями могут быть и другие лица, если им предоставлено законом такое право (ст. 55 КАС РФ)[11]. Независимо от вида представительства (договорное или законное) представитель совершает от имени представляемого все процессуальные действия по доказыванию.

При этом некоторые ученые полагают, что представитель не может быть субъектом доказывания, так как не является лицом, участвующим в деле [9]; он обладает полномочиями, но не субъективными правами и обязанностями [10, с. 6].

По мнению А. Ф. Козлова, представители не имеют собственных прав и обязанностей по доказыванию, они не являются лицами, участвующими в деле, а потому их нельзя относить к субъектам доказывания [9]. Сторонники данной теории исходили из того, что фактически представитель действует от имени участника спора, представляя его интересы и выполняя его волю.

---

[8] *Аликов В. Р.* Развитие законодательства об участи прокурора в гражданском процессе России XVIII– XX веков : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 23 с.; *Артамонова Е. М.* Защита прокурором прав и законных интересов неопределенного круга лиц в гражданском судопроизводстве : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2004. 27 с.; *Егорова Л. Ю.* Проблемы защиты публичных интересов прокурором в гражданском и арбитражном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 162 с.; *Осокина Г. Л.* Гражданский процесс. Общая часть. М. : Инфра-М, 2013. 704 с.

[9] См.: Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 июля 2022 г. № 88а-17941/2022 по делу № 2а-1112(1)/2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[10] Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21 декабря 2023 г. № 88а-42532/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[11] См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в практике судов общей юрисдикции при рассмотрении административных дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел, в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (главы 31.2 и 31.3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации)» (п. 10). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

И субъектом доказывания в процессуальных отношениях остается лицо, участвующее в деле, а не его представитель[12].

Полагаем, что представители все-таки являются субъектами доказывания. В силу специфики дел административного судопроизводства законодатель установил категории дел, по которым административный истец должен иметь высшее юридическое образование. Например, административное исковое заявление об оспаривании нормативного правового акта может быть подписано и подано в суд административным истцом без высшего юридического образования. Однако дальнейшее ведение дела в суде осуществляется только через лицо, имеющее именно такое образование. Профессиональное доказывание будет заключаться в обосновании правовой позиции доверителя путем правильного определения объекта познания. Например, для оказания юридической помощи адвокат может запрашивать различные документы, необходимые для рассмотрения дела в суде.

Представители имеют те же права и обязанности, что и остальные участники административного дела, включая обязанность доказывания (ст. 62 КАС РФ). Они активно участвуют в процессе доказывания наравне с другими субъектами доказывания.

Таким образом, в проведенном исследовании изложены особенности процессуального доказывания в административном судопроизводстве. Установлено, что классическое для процессуального права понимание предмета доказывания как совокупности исключительно материально-правовых фактов, лежащих в основании требований и возражений сторон, методологически недостаточно для административного судопроизводства. Публично-правовая природа рассматриваемых споров, контрольный характер деятельности суда и специфика объектов оспаривания определяют в качестве ядра предмета доказывания по административным делам факты правового порядка. Основным среди признаков субъектов доказывания является наличие юридического интереса в деле, так как в административном судопроизводстве именно юридическая заинтересованность обусловливает процессуальное положение лица и объем его доказательственных прав и обязанностей.

**Список источников**

1. Курылев С. В. Установление истины в советском правосудии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967. 30 с.

2. Попова Ю. А. Предмет доказывания в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика : сб. ст. / отв. ред. Г. Д. Улетова. Краснодар ; СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 758 с.

3. Никитин С. В. Судебный нормоконтроль в гражданском процессе и арбитражном процессе : вопросы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 437 с.

4. Малеина М. Н. Болезнь как юридический факт – состояние, вызывающее правовые последствия // Медицинское право. 2016. № 3. С. 7–11. (СПС «Гарант».)

5. Кулакова В. Ю. О некоторых проблемах правового регулирования производства по делам о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 9. С. 21–28. (СПС «Гарант».)

6. Жилин Г. А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы : моногр. М. : Проспект, 2010. 576 с.

7. Бывальцева С. Г. Заключение прокурора в гражданском процессе // Законность. 2010. № 5. С. 56–60.

8. Токарева Е. В. Защита прокурором публичного интереса в гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. 215 с.

[12] Арбитражный процесс : учеб. / отв. ред. Д. Х. Валеев, М. Ю. Челышев (автор главы – М. Ю. Челышев). М. : Статут, 2010. С. 170.

9. Козлов А. Ф. Судебное представительство и его правовая регламентация в гражданском процессе // Вопросы эффективности судебной защиты гражданских прав : сб. науч. тр. / отв. ред. К. И. Комиссаров. Вып. 65. Свердловск : [Б. и.], 1978. С. 28–34.

10. Ивакин В. Н. Представительство в советском гражданском процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1981. 24 с.

**References**

1. Kurylev S. V. *Establishing truth in Soviet justice.* Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 1967. 30 p. (In Russ.)

2. Popova Yu. A. The subject of proof in proceedings arising from public legal relations. In: G. D. Uletova, ed. *Modern doctrine of civil and arbitration procedure and enforcement proceedings: theory and practice.* Collection of articles. Krasnodar; St. Petersburg: Yuridicheskij tsentr Press; 2004. 758 p. (In Russ.)

3. Nikitin S. V. *Judicial normative control in civil and arbitration proceedings: issues of theory and practice.* Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2010. 437 p. (In Russ.)

4. Maleina M. N. Disease as a legal fact – condition provoking legal consequences. *Medical Law.* 2016;(3):7-11. (In Russ.) (RLS “Garant”.)

5. Kulakova V. Yu. About some problems of legal regulation of proceedings on admission of a citizen in medical anti-tuberculosis organization in involuntary. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice.* 2017;(9):21-28. (In Russ.) (RLS “Garant”.)

6. Zhilin G. A. *Justice in civil cases: topical issues*. Monograph. Moscow: Prospekt; 2010. 576 p. (In Russ.)

7. Byvaltseva S. G. Public prosecutor’s statement in civil proceedings. *Zakonnost’ = Legality.* 2010;(5):56-60. (In Russ.)

8. Tokareva E. V. *Protection of public interest by the prosecutor in civil proceedings.* Cand. Sci. (Law) Dissertation. St. Petersburg; 2015. 215 p. (In Russ.)

9. Kozlov A. F. Judicial representation and its legal regulation in civil procedure. In: K. I. Komissarov, ed. *Issues of the effectiveness of judicial protection of civil rights.* Collection of scientific papers. Issue 65. Sverdlovsk: [S. n.]; 1978. Pp. 28–34. (In Russ.)

10. Ivakin V. N. *Representation in the soviet civil process.* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 1981. 24 p. (In Russ.)

**Информация об авторе**

Ю. Р. Сиразитдинова **–** старший преподаватель кафедры гражданского и административного судопроизводства.

**Information about the author**

Yu. R. Sirazitdinova – Senior Lecturer at the Civil and Administrative Proceedings Department.

**Конфликт интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Conflict of interests**

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 12.06.2025; одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 25.12.2025.

The article was submitted 12.06.2025; approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication 25.12.2025.

Российское правосудие. 2026. № 3. С. 21–28
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 3. P. 21–28
УДК 34.07 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.3.21-28

Научная статья

# Обучение защите информации как условие эффективной информатизации судебной деятельности

**Юлия Николаевна Тарасова[1], Роман Владимирович Романов[2]**

[1] Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, jutarasova@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0001-4165-1083

[2] Ленинградский областной суд, Санкт-Петербург, Российская Федерация, rrv93spb@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0003-2955-1260

**Аннотация.** В статье обсуждается технологическая трансформация трудовой деятельности сотрудников судов под влиянием внедрения новых программных продуктов и формирования единой среды функционирования государственных органов, в связи с чем исследуется вопрос о необходимых изменениях в кадровой подготовке работников, связанных с процессом информатизации судебной системы. Авторы рассматривают возникающие практические проблемы эффективной информатизации судебной деятельности и указывают на важность формирования профессиональных компетенций, связанных с защитой информации. Освещается ряд вопросов, имеющих значение при организации обучения и составлении образовательных программ. Предложенные рекомендации направлены на совершенствование кадровой подготовки сотрудников судов, в том числе через институт наставничества.

**Ключевые слова:** суд, правосудие, информатизация, защита информации, обучение, наставничество, государственные служащие

**Для цитирования:** Тарасова Ю. Н., Романов Р. В. Обучение защите информации как условие эффективной информатизации судебной деятельности // Российское правосудие. 2026. № 3. С. 21–28. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.21-28.

Original article

**Information Protection Training as a Condition for Effective Informatization of Judicial Activity**

**Julia N. Tarasova[1], Roman V. Romanov[2]**

[1] North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation, jutarasova@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0001-4165-1083
[2] Leningrad Regional Court, St. Petersburg, Russian Federation, rrv93spb@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0003-2955-1260

**Abstract.** The article discusses the technological transformation of the work of court staff under the influence of the introduction of new software products and the formation of a unified environment for the functioning of government agencies, and therefore examines the issue of necessary changes in the personnel training of employees related to the process of judicial system informatization. The authors consider the emerging practical problems of effective judicial informatization and point out the importance of

© Тарасова Ю. Н., Романов Р. В., 2026

developing professional competencies related to information protection. A number of significant issues are highlighted that are important in the organization of training and the preparation of educational programs. The proposed recommendations are aimed at improving the personnel training of court staff, including through the institute of mentoring.

**Keywords:** court, justice, informatisation, information protection, training, mentoring, civil servants

**For citation:** Tarasova J. N., Romanov R. V. Information protection training as a condition for effective informatization of judicial activity. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(3):21-28. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.21-28.

**Информатизация и цифровизация в различных сферах общественной жизни России идут высокими темпами, а в некоторых направлениях даже опережают мировые тенденции. В судебной деятельности данные процессы распространяются прежде всего на сферу делопроизводства, где, в том числе, тестируются цифровые алгоритмы принятия судебных решений, дистанционно проводятся процедуры медиации, разрешения арбитражных споров, осуществляемые с помощью искусственного интеллекта. Подобные изменения процессов и условий труда привели к необходимости внесения изменений в практическую подготовку квалифицированных кадров, постановки новых теоретических вопросов в области когнитивных наук, в сфере правового регулирования и др.**

Одной из ведущих задач государства при подготовке эффективных кадров является предвидение развития технологий и соответствующих им общественных отношений, а значит, требуется четкое формулирование требований к образовательным программам и методикам современного обучения. В условиях цифровизации судебной деятельности необходима подготовка специалистов, способных как технически верно применять внедряемые информационные системы и технологии, так и осознавать риски нарушения конфиденциальности, возникающие в процессе работы с персональными данными граждан, важной финансовой информацией, вопросами, связанными с безопасностью государства.

В качестве актуальных проблем следует выделить прежде всего вопросы защиты персональных данных, использования баз данных, создания и ведения аккаунтов в социальных сетях, этические вопросы в работе с информацией, наставничество в работе по формированию специализированных компетенций.

Так, в ч. 1 ст. 18.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»[1] указывается на обязанность специалистов принимать меры, необходимые и достаточные для обеспечения выполнения обязанностей. Иными словами, политика оператора в отношении обработки персональных данных предусматривает ознакомление и обучение работников, непосредственно осуществляющих обработку персональных данных, с положениями законодательства Российской Федерации о персональных данных, в том числе с требованиями к защите персональных данных. Следует подчеркнуть, что исходя из грамматического толкования данного положения подразумевается, что само по себе ознакомление работников с требованиями не является достаточным и в любом случае требует проведения обучения.

**Результаты**

В рамках деятельности судебной системы следует упомянуть ч. 4 ст. 10 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»[2]. Здесь указывается на особенность доступа к информации, упомянутой в ч. 1 настоящей статьи, где суды, Судебный департамент, органы Судебного департамента обязаны принимать меры по ее защите в соответствии с законодательством Российской Федерации в целях обеспечения права пользователей информацией. Особым условием на основании

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

п. 3 ст. 11 данного Федерального закона и одним из основных требований при обеспечении доступа к информации о деятельности судов является изъятие из предоставляемой информации о деятельности судов сведений, доступ к которым ограничен.

Также на работников судебной системы распространяется требование обеспечивать конфиденциальность информации при осуществлении ими определенных видов деятельности (профессиональная тайна) в соответствии с п. 5 ст. 9, ч. 4 ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[3]. То есть Закон указывает на особую роль обладателя информации, оператора информационной системы. Установлена и его обязанность в определенных законодательством Российской Федерации ситуациях обеспечить предотвращение несанкционированного доступа к информации. Также в случае передачи ее лицам, не имеющим права на доступ к ней, необходимо обеспечить недопущение воздействия на технические средства обработки информации, в результате которого может быть нарушено их функционирование.

Таким образом, при обучении специалистов судебной системы следует уделять особое внимание таким аспектам работы с информацией, как безопасность, ответственность, этические нормы. Например, п. 7 ч. 15 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» устанавливает требования к гражданским служащим, каждому работнику суда «не разглашать сведения, составляющие государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну, а также сведения, ставшие ему известными в связи с исполнением должностных обязанностей, в том числе сведения, касающиеся частной жизни и здоровья граждан или затрагивающие их честь и достоинство».

Принимая в расчет личный практический опыт, следует отметить, что процесс информатизации рабочих процессов приводит не только к ускорению исполнения поставленных задач, но, как ни странно, и к появлению новых задач. В качестве примера можно привести нововведение 2023 г., заключающееся в том, что согласно п. 3 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ у истца есть право предоставлять информацию об ответчике самостоятельно либо через обращение суда в соответствующие организации, например в Единый государственный реестр недвижимости, что добавляет работы работникам аппарата суда. Данное положение было введено ввиду внесения изменений в Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» и касается обеспечения порядка предоставления персональных данных правообладателя объекта недвижимости или лица, в пользу которого зарегистрированы ограничения права или обременения объекта недвижимости, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости[4]. В данном случае облегчение доступа к персональным данным участников судопроизводства влечет для аппарата дополнительную рабочую нагрузку по работе с данными.

Не вызывает сомнений, что целью законодателя является усиление охраны персональных данных участников процесса и обеспечение надлежащего уровня их конфиденциальности. Вместе с тем очевидно и то, что само по себе установление нового правового режима относительно того или иного вида информации не может являться достаточной гарантией, обеспечивающей защиту охраняемой информации.

Например, нередки ситуации, когда граждане остаются недовольны самостоятельными действиями суда в части истребования персональных данных в отношении конкретного лица без получения предварительного согласия на таковые. В частности, недовольство выражается в настоятельных требованиях изъятия их персональных данных из материалов дела. Оставив в сто-

---

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

[4] Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О персональных данных”, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части четырнадцатой статьи 30 Федерального закона “О банках и банковской деятельности”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 29 (ч. III). Ст. 5233.

роне правовую оценку действий суда, обратим внимание именно на этический аспект, заключающейся, в том числе, в необходимости грамотно обрабатывать персональные данные заинтересованных лиц, не вызывая нареканий и конфликтов. Разумеется, ответственность за реализацию данного направления деятельности лежит во многом на государственных служащих, обеспечивающих судопроизводство. При этом действия суда должны быть обоснованы и понятны всем участникам.

Необходимо отметить тот факт, что множество преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, бывают обусловлены именно человеческим фактором. Это может быть результатом как умышленных действий конкретного сотрудника организации, так и отсутствия знаний у добросовестных лиц, чьи неосторожные действия дают возможность преступникам получить доступ к конфиденциальной информации. Следовательно, необходимо принимать меры, направленные на то, чтобы утечка информации была исключена как внутри системы делопроизводства суда, так и по причине внешней уязвимости информационной системы.

Судебная система, являясь значимой составляющей структуры общественного устройства, должна реализовывать те же требования, которые предъявляются к деятельности государственной власти в целом, разумеется, с учетом специфики, налагаемой отдельными целями и задачами суда. В частности, в деятельности судов, связанной с информационными процессами, необходимо повышенное внимание и ответственное отношение к работе с персональными данными, что соответствует как общим принципам защиты персональных данных, так и нормам профессиональной этики всех юристов, в том числе государственных гражданских служащих.

Переход судов на работу с электронными базами данных и оборудование в судах автоматизированных рабочих мест означают сосредоточение в одном месте больших объемов чувствительной информации. Несмотря на то что для защиты данной информации создаются внутренний и внешний контуры системы безопасности, это не отменяет угрозу доступа к ней неуполномоченных лиц и, что не менее важно, угрозу уничтожения информации частично или целиком. Многие судьи не без оснований высказывают опасения относительно работы с использованием преимущественно информационных технологий, поскольку нельзя исключать, что конкретный суд или судебная система в целом могут столкнуться с подобными проблемами потери сведений, представленных в электронном виде. Согласимся с такими опасениями: ведь, развивая деятельность по внедрению информационных технологий, следует учитывать ее юридические, социальные и моральные аспекты, а также возможные негативные последствия при недобросовестном подходе к принятию решений.

В данной статье акцент в большей степени делается на защите информации, связанной с персональными данными и иными ограничениями доступа к сведениям, поступающим извне при осуществлении правосудия, рассмотрении обращений и освещении деятельности суда. Однако существует также и ряд проблем с внутренним банком данных, с информацией, касающейся только действующих и бывших сотрудников и их родственников, с административно-хозяйственной деятельностью судов. В этой сфере особенно важно обеспечить надлежащий обмен информацией между заинтересованными уполномоченными субъектами в условиях формирования в Российской Федерации единого информационного пространства (электронное правосудие, электронное правительство и другие органы управления). Не вызывает сомнений, что информационные процессы в судах и между судами и иными субъектами обработки сведений должны быть максимально защищены.

В целях достижения этого должен быть предпринят ряд правовых, организационных и технических мер.

Во-первых, доступ к обрабатываемой в суде информации должен предоставляться на основе четко установленных правил узкому кругу субъектов.

Во-вторых, необходимо формировать навыки конфиденциальной работы с чувствительными данными при соблюдении всех норм этики и информационной безопасности и в отношени-

ях между сотрудниками в рамках судебной системы, включая работников одного суда. Именно конфиденциальность как одно из базовых профессиональных требований к юридической деятельности обусловлена как этическими требованиями, так и требованиями безопасности, необходимостью защитить конкретную информацию от непроизвольной или умышленной ее утечки.

В-третьих, помимо правового режима конфиденциальности защита данных происходит на техническом уровне, реализация которого осуществляется с использованием аппаратно-программных средств и изделий. Наряду с системными администраторами каждый работник суда несет ответственность за защиту данных через использование технических способов. Следовательно, каждый должен быть обучен всем необходимым навыкам, а также распознавать риски технических угроз и знать, как их минимизировать.

В-четвертых, необходимо исключить или минимизировать распространенные ошибки несоблюдения конфиденциальности из-за использования флеш-накопителей участниками процесса и сотрудниками суда. Например, копирование на служебный компьютер мирового соглашения в форме электронного документа создает угрозу проникновения вируса на рабочий компьютер, являющийся одним из компонентов локальной вычислительной сети. А значит, является угрозой информационной безопасности.

В-пятых, отдельного внимания заслуживает защита аудиозаписей протоколов судебных заседаний. К сожалению, известны случаи предоставления в вышестоящие суды поддельных аудиопротоколов. Полагаем, что для исключения подобных ситуаций необходимо записывать аудиопротоколы на носители без возможности внесения в них изменений. Также следует обеспечить надлежащее хранение оригинальных аудиопротоколов, чтобы они могли быть в любой момент проверены на предмет их соответствия предоставленному стороной варианту аудиозаписи. Возможны и иные меры, введение которых требует обсуждения со специалистами.

В-шестых, требуют скорейшего решения вопросы создания аккаунтов, разработки и ведения официальных страниц в социальной сети, взаимодействия судов с представителями средств массовой информации. Любое освещение различных видов судебной деятельности работником суда по связи с общественностью должно осуществляться с учетом обеспечения безопасности информации.

В качестве примера рассмотрим актуальные нормативные документы в сфере создания аккаунтов и официальных страниц судов. Так, в приказе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации[5] разъясняются организационные и технические меры защиты информации, связанные с оценкой имеющихся сведений на предмет допустимости их распространения тем или иным способом, что важно для осуществления надлежащего контроля за действиями лиц, публикующих сведения о деятельности суда, на сторонних ресурсах (например, при ведении частичной трансляции судебного заседания на телевидении). В ряде случаев лицо, ведущее трансляцию, может умышленно или по неосторожности обнародовать сведения ограниченного доступа, вследствие чего представляются обоснованными последующий контроль за произошедшей онлайн-трансляцией и (или) предварительный контроль за предстоящей публикацией записи трансляции с целью охраны прав и законных интересов участников процесса и принятие мер для блокировки недостоверной или запрещенной к распространению информации.

---

[5] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 24 октября 2023 г. № 213 «Об утверждении Порядка организации работы по созданию аккаунтов, созданию и ведению официальных страниц в социальной сети федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2024).

Как видим, традиционные должности государственных гражданских служащих, самих судей трансформируются в сторону мультифункциональности[6], работники вынуждены постоянно расширять набор знаний под возникающие задачи. Наиболее востребованными в цифровой сфере становятся компетенции по обработке, обмену, хранению и защите информации, в частности порядку работы с обезличенными данными [1, с. 343]. На практике обезличиванием публикуемых судебных актов занимаются помощники судей либо сотрудники отделов информатизации, что требует от них внимательного чтения, вдумчивого подхода, личной ответственности.

Практика показывает, что не все положения ст. 15 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» и Постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2017 г. «Об утверждении Положения о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”»[7] отвечают требованиям анонимизации. Например, не учитывается возможность идентификации субъекта персональных данных по косвенным признакам; отсутствуют разъяснения относительно публикации тех судебных актов, в тексте которых зафиксирована большая совокупность таких сведений о частной жизни лиц, которые не всегда подпадают под охрану законом в качестве тайны, однако во избежание негативных последствий не должны быть размещены на официальном сайте суда.

*Примером может служить случай из судебной практики, где гражданка просила расторгнуть договор пожизненного содержания с иждивением в связи с существенным нарушением условий договора со стороны плательщика ренты. В данном случае исключению из текста публикуемого судебного акта подлежал адрес жилого помещения, принадлежащего истцу. Вместе с тем фамилия, имя и отчество истца должным образом не были защищены от обнародования.*

Зачастую подобные договоры заключают одинокие и беззащитные люди, которые могут стать объектами воздействия преступных элементов, отслеживающих релевантную информацию, представленную в открытом доступе на сайте судов. В связи с этим одна из задач суда состоит в предотвращении использования публикуемой информации в неправомерных целях. Проблема получает дополнительное измерение в связи с тем, что в полномочия председателя суда не входит издание инструкций о порядке обезличивания судебных актов в развитие уже принятых. Наиболее эффективным решением, на наш взгляд, будет разработка единых методических рекомендаций, по которым будут обучаться и работать работники судов.

Подробный анализ рисков недобросовестного применения информационных технологий либо недооценка важности соблюдения четкой последовательности необходимых действий, связанных с обеспечением безопасности и сохранением конфиденциальности, необходимы для предотвращения возможных сценариев, которые еще недавно казались нам фантастическими.

Таков пример, касающийся телефонограмм. Хорошо известно, что чаще всего этот вид связи используется для максимально быстрого извещения лица о времени, дате и месте судебного заседания, что, безусловно, удобно. Нередко и сами участники процесса звонят в суд, чтобы уполномоченный сотрудник принял информацию и составил телефонограмму с просьбой отложить судебное заседание или рассмотреть дело без участия лица. Между тем ни для кого не секрет, что современные информационные технологии позволяют использовать схемы обмана, такие как подмена номера, общение с сотрудником суда голосом иного человека (допустим, истца) и др. Возможность подобных фальсификаций следует учитывать при принятии процессуальных

---

[6] Топ-15 компетенций и навыков в цифровой среде // Институт статистических исследований и экономики знаний : [сайт]. URL: https://issek.hse.ru/news/540276172.html?ysclid=ltodc56fst939251152 (дата обращения: 12.03.2024).

[7] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

решений (тем более что в «письменной» практике встречаются инциденты, когда от лица какого-либо участника процесса подаются те или иные процессуальные документы, имеющие важное значение для хода судопроизводства).

Полагаем, что в целях подтверждения факта обращения к суду необходима проверка, в частности, указанных в материалах дела номеров телефона.

В заключение обзора актуальных проблем работы с информационными ресурсами, требующих решения, затронем проблему доступа к материалам дела и судебным постановлениям в электронном виде. Так, при очном ознакомлении с материалами дела лицо, действующее в интересах доверителя, предоставляет сотруднику суда доверенность в подтверждение наличия полномочий. Однако в случае, когда ознакомление происходит дистанционно, а доверитель отозвал доверенность, не уведомив об этом суд, ознакомление производится фактически без правовых оснований. Это создает дополнительную угрозу защищаемой информации и требует принятия мер, в частности, посредством предоставления возможности однократного ознакомления и последующей проверки полномочий, основанной на верификации при помощи сервиса проверки доверенностей и реестра машиночитаемых доверенностей. При выявлении факта отзыва доверенности или истечения срока ее действия в доступе должно быть отказано.

Обрабатываемая информация, бесспорно, позволяет во многих случаях самим работникам суда оперативно находить релевантные сведения по делу, что имеет значение, например, при рассмотрении материалов в порядке исполнения решений либо даче ответов при запросе сведений из архива. Кроме того, база данных предоставляет возможность установить наличие судебных споров по тождественному иску, что экономит время суда и приводит к принятию верного процессуального решения уже на стадии предъявления иска, использовать контактную информацию лица, которое трудно известить о наличии судебного спора при изменении места жительства, и т. д.

Между тем очевидно, что обработка персональных данных в электронном виде не должна производиться в информационной системе суда  и предполагает процедуру уничтожения данных спустя определенное время в установленные сроки без возможности восстановления, чему должны быть обучены все работники.

**Заключение**

Защита данных подразумевает обеспечение конфиденциальности сведений, относящихся к различным видам тайн, охраняемым законом, а также к уважению частной и семейной жизни в более общем смысле. Конфиденциальность должна соблюдаться не только в отношениях с физическими и непубличными юридическими лицами, но также и в отношениях с иными органами государственной власти, публичными юридическими лицами. Для улучшения ситуации в данной сфере реализуется «Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы»[8], направленная на формирование внутреннего образовательного компонента, на развитие навыков работы судей и сотрудников аппарата суда с персональными компьютерами и различными информационными системами. Совет судей Российской Федерации предлагает обеспечить сотрудничество с образовательными организациями с целью обучения и повышения квалификации судей и сотрудников аппарата суда в названном направлении. Учитывая, что Концепция выделяет в качестве одного из принципов развития информационной политики судебной системы безопасность информационных баз судов и охрану персональных данных, обучение должно формировать специализированные навыки по защите информации.

Разумеется, при назначении лица на должность необходимо удостовериться в наличии таких навыков у кандидата, а также ознакомить его с положениями действующего законодательства, ведомственными и локальными нормативными правовыми актами, затрагивающими рассматриваемые вопросы.

---

[8] Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей Российской Федерации 05.12.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Дополнительно к ознакомлению с нормативными правовыми актами, в частности с Федеральным законом «О персональных данных», работники аппарата суда должны пройти инструктаж относительно правовых основ работы, типов информации, которые они будут обрабатывать, используемых информационных систем и баз данных, мер по защите информации. Считаем, что подобный инструктаж должен проводиться периодически со всеми уполномоченными работниками и включать в себя релевантный обзор изменений действующей нормативной правовой базы, освещение новых методов защиты информации, а также санкций за недобросовестное исполнение.

Для реализации обучения сотрудников судов разумно использовать институт наставничества, особенно при надлежащем методическом обеспечении и социальной поддержке.

В качестве целей формирования компетентных работников суда, а впоследствии, возможно, и судей следует выделить определенные профессиональные компетенции по работе с информацией. К ним относятся: внимание к деталям, выявление и установление достоверных фактов и актуальности информации, умение вычленить главное из массива информации, владение цифровыми средствами обработки больших массивов неструктурированной информации, сбор информации из различных источников по одной тематике, определение проблем и поиск их решения.

На сегодняшний день есть понимание заинтересованности самого судейского сообщества в решении рассмотренных задач, которое и должно разрабатывать и внедрять механизмы, позволяющие рационально и эффективно обучать работников судов основам защиты информации. Несомненно, помощь в решении данных задач требуется и от иных государственных органов, а также от образовательных организаций и будет оказываться ими в разных формах.

**Список источников**

1. Стариков Д. А. Информационная компетенция – новое качество специалиста современного социума // Новые информационные технологии в образовании и науке : материалы X междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 27 февр. – 3 марта 2017 г.). Екатеринбург : РГППУ, 2017. С. 342–344.

**References**

1. Starikov D. A. Information competence is a new quality of a specialist in modern society. *New information technologies in education and science*. Materials of the X International Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, 27 February – 3 March, 2017). Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University; 2017. Pp. 342–344. (In Russ.)

**Информация об авторах**

Ю. Н. Тарасова – кандидат психологических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин;

Р. В. Романов – помощник судьи.

**Information about the authors**

J. N. Tarasova – Candidate of Science (Psychology), Associate Professor at the General Theoretical Legal Department.

R. V. Romanov – Assistant Judge.

**Вклад авторов:** авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.

**Конфликт интересов**

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

**Conflict of interests**

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 25.12.2025.

The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 25.12.2025.

Российское правосудие. 2026. № 3. С. 29–36
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 3. P. 29–36
УДК 347.78 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.3.29-36

Научная статья

# Произведение архитектуры: некоторые проблемные вопросы понятия

**Наталья Владимировна Бузова**
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, nbuzova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2268-0345

**Аннотация.** В российском законодательстве не раскрывается понятие «произведение архитектуры». При этом каждый вид произведения, охраняемый в качестве объекта авторского права, имеет свои особые характеристики, в том числе в отношении формы его выражения. Свои особенности имеют и произведения архитектуры. В ГК РФ указывается на то, что произведения архитектуры могут быть выражены в том числе в виде проектов, чертежей, изображений и макетов. Из-за дискуссии о формах выражения произведения архитектуры в процессе использования проектной документации и реализации архитектурных проектов возникают споры о наличии и принадлежности прав на проектную документацию и созданные на ее основе объекты.
Приводятся результаты анализа законодательства в сфере интеллектуальной собственности, архитектурной деятельности и правоприменительной практики судов. Анализ судебной практики показывает, что результаты строительства и реконструкции, а также документация, в которой они нашли отражение, при отсутствии в них реализации творческого замысла (например, линейные объекты) не могут относиться к произведениям архитектуры.

**Ключевые слова:** авторское право, архитектурное решение, исключительное право, проектная документация, произведение архитектуры

**Для цитирования:** Бузова Н. В. Произведение архитектуры: некоторые проблемные вопросы понятия // Российское правосудие. 2026. № 3. С. 29–36. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.29-36.

Original article

**Work of Architecture: Some Problematic Issues of the Concept**

**Natalia V. Buzova**

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, nbuzova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2268-0345

**Abstract.** The Russian legislation does not disclose the concept of “architectural work”. At the same time, each type of work protected as an object of copyright has its own special characteristics, including with regard to the form of its expression. Architectural works also have their own characteristics. The Civil Code of the Russian Federation indicates that architectural works can be expressed, including in the form of projects, drawings, images and layouts. Due to the discussion about the forms of expression of architectural works, in the process of using design documentation and implementing architectural projects, disputes arise about the availability and ownership of rights to design documentation and objects created on its basis.

© Бузова Н. В., 2026

The article presents the results of an analysis of legislation in the field of intellectual property, architectural activity and law enforcement practice of courts. According to the results of the analysis of judicial practice, it is noted that the results of construction and reconstruction, as well as the documentation in which they are reflected, in the absence of the realization of a creative idea in them (for example, linear objects, cannot relate to works of architecture.

**Keywords:** copyright, architectural solution, exclusive right, project documentation, work of architecture

**For citation:** Buzova N. V. Work of architecture: some problematic issues of the concept. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(3):29-36. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.29-36.

**Архитектурные шедевры, созданные в античные века, не перестают восхищать и в настоящее время. Они не были бы столь оригинальными и долговечными, если бы не творческая деятельность архитекторов. Как и в большинстве государств мира, в России произведения архитектуры пользуются правовой охраной как объекты авторского права (ст. 1259 ГК РФ). Положения о результатах творчества архитекторов мы встречаем еще в Законе об авторском праве 1911 г. Такие творческие результаты именовались в нем «зодчеством» и относились к художественным произведениям. Произведения архитектуры признавались охраняемыми авторским правом произведениями согласно положениям Основ авторского права 1925 г. (ст. 2) и Основ авторского права 1928 г. (ст. 4).**

Хотя произведения архитектуры не относятся к «новым» объектам, определение этого понятия в российском законодательстве не закреплено, поэтому правообладатели и пользователи по-разному его толкуют, что приводит к возникновению споров.

В советской и российской юридической литературе встречаются различные взгляды на понятие «произведение архитектуры». По мнению В. И. Серебровского, в произведениях архитектуры сочетаются как «инженерно-технические», так и «художественные» элементы, относящиеся к данным объектам [1, с. 56]. А. П. Сергеев отмечает в произведениях архитектуры утилитарный и эстетический компоненты[1]. При этом мнения специалистов, например А. М. Люкшина [2, с. 8], О. Г. Ершова[2] и Н. В. Слесарюк [3, с. 49], о том, в каких формах может быть выражено произведение архитектуры (архитектурный объект, архитектурный проект, документация и т. д.), расходятся.

Основывая свое предложение на Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации[3], О. К. Яненко считает произведение архитектуры комплексным объектом авторских прав [4, с. 65]. Она выделяет два объекта: 1) архитектурное решение; 2) созданный архитектурный объект, воплощающий в себе охраняемое произведение архитектуры [4, с. 67].

Существует мнение, что произведение архитектуры относится к сложному объекту [5]. Однако такой подход представляется дискуссионным. Перечень сложных объектов определен в ст. 1240 ГК РФ и является закрытым. Сложные объекты объединяют одновременно в одном объекте несколько самостоятельных результатов интеллектуальной деятельности. Как справедливо отмечают Ю. П. Свит и Н. И. Капинус, ссылаясь на позицию О. Ю. Шилохвоста[4], результаты интеллектуальной деятельности, объединенные в сложном объекте, используются по единому

---

[1] *Сергеев А. П.* Право интеллектуальной собственности : учеб. М. : Проспект, 2001. С. 150.

[2] *Ершов О. Г.* Произведения архитектуры и градостроительства как объекты авторского права : доклад на Всероссийской научно-практической конференции «Интеллектуальная собственность: правовые и социально-экономические аспекты» (24–26 апр. 2008 г.). URL: https://omskmark.moy.su/publ/innovatica/intellectual_property_rights/2008_ershov_o_g_proizvedenija_arkhitektury/17-1-0-124.

[3] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 ноября 2012 г. № 7697/12. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

[4] *Гонгало Б. М., Калятин В. О., Кириллова М. Я., Корнеев В. А. и др.* Гражданский кодекс Российской Федерации. Авторское право. Права, смежные с авторскими. Постатейный комментарий к главам 69–71 / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2014. С. 86.

(общему) назначению [6]. С одной стороны, чертежи, изображения и текстовое описание, при помощи которых создается архитектурный объект, в отдельных случаях можно квалифицировать в качестве самостоятельных результатов, используемых для строительства. С другой стороны, чертежи, схемы, изображения и т. д. могут иметь зависимое или вспомогательное значение. В определенных ситуациях они могут быть отнесены к результату использования произведения архитектуры посредством такого способа, как его воспроизведение в двухмерном или трехмерном изображении либо в виде его переработки в производное произведение.

В настоящее время инициативными группами подготовлено несколько проектов нового закона об архитектурной деятельности[5], в которых предлагается, в том числе, уточнить определения терминов в данной сфере. Особое внимание обращает на себя предложение по определению термина «архитектурное решение», которое разработчики видят в качестве понятия, характеризующего объект авторско-правовой охраны.

Однако в определениях данного термина, приведенного в инициативных проектах, которые размещены на различных информационных ресурсах в сети «Интернет», несмотря на общие элементы, в частности указание на «авторский замысел», имеются существенные различия, в том числе в каких формах он выражается: в архитектурном проекте, архитектурном объекте или в архитектурной части документации.

Например, в проекте федерального закона «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 1 августа 2022 г. архитектурное решение рассматривается как «произведение архитектуры, выражающее авторский замысел, зафиксированное в эскизном архитектурном проекте, а также в архитектурной части проектной документации…». При этом в проекте обходится стороной вопрос, будет ли рассматриваться в качестве произведения архитектуры архитектурный объект, что характерно для позиции Р. Мерзликиной, по мнению которой формой выражения произведения архитектуры могут выступать «проект и чертеж» [7, с. 17], что представляется в достаточной степени дискуссионным.

Наличие разных подходов к определению понятия «архитектурное решение» показывает отсутствие единообразия в понимании основных характеристик рассматриваемого объекта. В условиях теоретической и законодательной неоднозначности обратимся к выработанным правоприменительной практикой подходам к защите исключительных прав на произведения архитектуры.

Наиболее частые случаи, когда правообладатель произведений архитектуры обращается за судебной защитой, связаны с воспроизведением и/или с внесением изменений в проектную документацию, предназначенную для строительства. Как правило, одним из спорных аспектов при рассмотрении дел, связанных с нарушением прав на произведения архитектуры, помимо действий по использованию охраняемого объекта, является установление факта, отражен ли в проектной или иной документации авторский замысел архитектора, выраженный в архитектур-

---

[5] В частности: Проект федерального закона «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен в 2020 г. Российской академией архитектуры и строительных наук, Национальным объединением изыскателей и проектировщиков, Союзом архитекторов России). URL: https://xn----7sbk2caccy.xn--p1ai/wp-content/uploads/2020/03/08_02_2020_Zakon_SAR-NOPRIZ-RAASN_sogl.pdf?ysclid=m6l9ta69u5430887901; Проект федерального закона «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 1 августа 2022 г. // Союз архитекторов России : [сайт]. URL: https://uar.ru/upload/iblock/d0b/d2v7q8u0fhs9yzkfr3qewa1qw7oh8hj6/Proekt-zakona-ob-arkhitekture.pdf; Проект федерального закона «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минстроем России, ID проекта 02/04/01-22/00124250).

ном решении. В некоторых случаях ответчик возражает против наличия в проектной документации охраняемого авторским правом результата истца.

Ввиду отсутствия в ГК РФ особых характеристик произведений архитектуры как объектов авторского права суды при рассмотрении дел учитывают положения Федерального закона от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации»[6] (далее – Закон об архитектурной деятельности), а также Градостроительного кодекса Российской Федерации (ГрК РФ).

Содержательные характеристики проектной документации, включающие как функционально-технологические, инженерно-технические решения, которые определяют технические параметры объекта и обеспечивают его функционирование по заданному назначению, так и архитектурные решения, в которых присутствует творческая вариативность, заложенная архитектором, перечислены в п. 2 ст. 48 ГрК РФ. Такие решения могут быть отражены в материалах и представлены в виде текста или графика, а также в форме информационной модели. В соответствии с Положением о составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию[7] в проектной документация должен отражаться раздел 3 «Объемно-планировочные и архитектурные решения», в котором предусматривается в том числе текстовое описание внешнего вида объекта, а также описание пространственно-планировочной организации (подп. «а» п. 13) и т. д.

При этом правовой режим произведений архитектуры, как справедливо отмечено в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, применим только к архитектурным проектам, т. е. к архитектурной части документации, в которой выражено архитектурное решение, а не к документации в целом[8].

Российские суды[9] также принимают во внимание другое Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, касающееся форм объективации архитектурных решений, и учитывают, что «необходимо выявление в спорном объекте идеи, замысла (архитектурного решения) и сравнение его с архитектурным решением, воплощенным в охраняемом объекте, независимо от того, какую объективную форму (архитектурного проекта или архитектурного объекта) имели сравниваемые решения»[10].

Таким образом, сделать вывод судам об охраноспособности результата в качестве объекта авторского права позволяет наличие в исследуемой при рассмотрении дела документации архитектурного решения, в котором воплощается авторский замысел архитектора, выявление в нем общих или отличительных характеристик со сравниваемыми объектами. В противном случае в защите интеллектуальных прав на спорный объект отказывается.

*В деле № А14-20166/2021, возражая против исковых требований, ответчик указал на отсутствие в проектно-сметной документации, подготовленной истцом, архитектурно-планировочных решений по капитальному ремонту помещений, относящихся к объектам авторского права. Свою позицию ответчик обосновал тем, что документация была разработана истцом на основе технического задания с учетом существующего конструктива здания, внутренней и внешней планировки, соответствующих*

---

[6] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[7] Постановление Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2008 г. № 87 «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию» (с изм. на 06.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 8. Ст. 744.

[8] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 ноября 2012 г. № 7697/12.

[9] Например, постановление Суда по интеллектуальным правам от 8 ноября 2024 г. по делу № А56-77527/2023.

[10] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 ноября 2012 г. № 7697/12.

*показателей метража, расположения окон, несущих конструкций, которые нельзя подвергнуть изменениям[11].*

К необходимому критерию признания объекта творческим результатом относят самостоятельные усилия автора по его созданию. Каждое архитектурное решение может иметь свои индивидуальные характеристики, отличающие данное решение от другого. Элементы, которые могут быть квалифицированы в качестве творческих в архитектурных решениях, приведены, в частности, в постановлении Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 5 октября 2023 г. № 19АП-5186/23 по делу № А36-4178/2020.

*При рассмотрении дела № А14-20166/2021, удовлетворяя требования истца, суды отметили, что творческие способности автора были выражены посредством свободного и творческого выбора моделирования расположения комнат в здании, их назначения, определив характеристики фасада соответствующим способом[12].*

Отсутствие же в проектной документации архитектурного решения не позволяет рассматривать спорный объект в качестве произведения архитектуры и удовлетворять исковые требования.

*Так, обществом по договору с контрагентом была разработана проектная и рабочая документация по объекту «Реконструкция контактной сети трамвайной линии…». Ввиду бездоговорного использования такой документации третьим лицом общество обратилось за защитой своих прав на соответствующую документацию[13].*

Одним из вопросов, подлежащих выяснению при рассмотрении указанного дела, было установление наличия охраняемого произведения в проектной документации. Поскольку в проектной документации речь шла о контактной сети трамвайной линии, на основе анализа материалов суды установили, что проектная документация относится к реконструкции линейного объекта, открытый перечень которых приведен в п. 10.2 ст. 1 ГрК РФ. К примеру, к линейным объектам отнесены автомобильные дороги, линии электропередачи и другие подобные сооружения.

Из п. 3(2) и п. 3(3) Положения о составе разделов проектной документации следует, что при заключении договора стороны могут договориться о необходимости включения в состав проектной документации для линейных объектов раздела об архитектурном решении, но наличие такого раздела документации для данного вида объектов не является обязательным. Отсутствие такого раздела в документах не исключает того, что созданный в процессе творческой деятельности результат, относящийся к линейным объектам, признается объектом авторского права, однако данное обстоятельство затрудняет сторонам подтверждение наличия такого охраняемого результата.

*В представленных при рассмотрении дела № А56-77527/2023 документах не был предусмотрен указанный раздел. В связи с недоказанностью того, что проектная документация истца содержала какое-либо архитектурное решение, арбитражный суд отказал в удовлетворении исковых требований[14].*

*Не установлено наличие архитектурных решений и в проектах планировки межевания территорий при рассмотрении дела № А56-117845/2020[15] [8]. Вместе с тем эскизный проект торгово-развлека-*

---

[11] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24 сентября 2024 г. по делу № А14-20166/2021.

[12] Там же.

[13] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 8 ноября 2024 г. по делу № А56-77527/2023.

[14] Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 21 февраля 2024 г. по делу № А56-77527/2023.

[15] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 4 августа 2022 г. по делу № А56-117845/2020.

*тельного гипермаркета был признан отвечающим требованиям Закона об архитектурной деятельности и признан произведением архитектуры[16].*

*В деле № А05-9375/2017 истец указывал на наличие у него исключительного права на архитектурный объект, которое следует из проектно-сметной документации на строительство автодороги. По результатам рассмотрения дела суды также сделали вывод об отсутствии оригинальности в проектно-сметной документации вследствие того, что она «…выполнена истцом в соответствии с требованиями действующих государственных стандартов… содержащих основные технические параметры автомобильной дороги».*

*По мнению судов, автодорога, на строительство которой была разработана проектно-сметная документация, относится к линейным объектам. Как уже было отмечено ранее, проектная документация в отношении линейных объектов не требует разработки раздела, посвященного архитектурному решению. Хотя разработка раздела «архитектурные решения» для линейных объектов не запрещена, в спорной проектно-сметной документации такой раздел отсутствовал. Поскольку иных доказательств, подтверждающих, что спорная проектно-сметная документация содержит архитектурные решения, истцом не было представлено, суды посчитали, что она не может рассматриваться как объект авторского права, и отказали в удовлетворении исковых требований[17].*

*В деле № А62-2553/2019, касающемся архитектурных решений поэтажных планов с модульными системами дымоходов, исследовался вопрос использования не только архитектурных решений поэтажных планов, но и непосредственно системы дымоудаления.*

*При рассмотрении дела судами отмечено, что системы дымоудаления относятся к инженерно-техническим решениям, а в представленных чертежах и рабочих схемах систем дымоудаления, которые были приведены в рабочей документации, отсутствуют архитектурные решения. В судебных актах указывается на то, что «…само по себе расположение каналов дымоудаления и газовых котлов в квартирах не может быть результатом авторского творческого замысла г-на Г.»[18]. По результатам рассмотрения дела в удовлетворении исковых требования было отказано.*

Например, в соответствии с § 2 Закона Германии от 9 сентября 1965 г. «Об авторском праве и смежным правам»[19] (далее – UrhG) охраняемыми произведениями являются сооружения как объекты архитектуры и относящиеся к ним проекты. Проекты планов и чертежей произведений архитектуры также могут рассматриваться в значении § 2 абз. 1 № 4 UrhG, а не только в значении § 2 абз. 1 № 7 UrhG как изображения научного и технического характера, если они в достаточной степени передают идею создателя о существенной пространственной форме планируемого здания.

*Как обратил внимание Земельный суд Нюрнберг-Фюрста, из поэтажных планов, разрезов и видов может быть сделан вывод об идеях истцов относительно дизайна планируемого здания. В частности, на планах достаточно четко видна форма зданий, их отнесение друг к другу, распределение пространства, расположение дверей и окон и оформление фасада[20].*

Правоприменительная практика Германии показывает, что проекты, созданные архитекторами, как правило, относятся к объектам авторского права. Что же касается архитектурных объ-

---

16 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 4 марта 2019 г. по делу № А63-22578/2017.
17 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 7 июня 2018 г. по делу № А05-9375/2017.
18 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 14 марта 2024 г. по делу № А62-2553/2019.
19 Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte vom 9. September 1965 (Urheberrechtsgesetz). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/urhg/__2.html.
20 Landgericht Nürnberg-Fürth: Urteil vom 30.04.2003 – 3 O 861/99. URL: https://www.iww.de/quellenmaterial/id/11261.

ектов как произведений архитектуры, то на них распространяется авторско-правовая охрана только в тех случаях, когда они выделяются из массы типовой (среднестатистической) архитектурной деятельности и являются результатом личного интеллектуального творчества или отличаются от творчества среднего архитектора. Произведение архитектуры пользуется авторским правом, указал Суд в упомянутом выше деле, в любом случае, если его эстетическое содержание достигает такой степени, что, по мнению восприимчивой к искусству и в некоторой степени знакомой с художественными взглядами публики, можно говорить о результате творчества, явно отличающемся от среднестатистического архитектурного произведения[21]. При этом охрана может быть распространена и на отдельные элементы архитектурных конструкций (фасады, садовые ворота, эркеры, дизайн интерьера и т. д.) [9, s. 2].

Несмотря на доктринальные дискуссии вокруг понятия «произведение архитектуры», как показывает правоприменительная практика, для установления наличия интеллектуальных прав на произведение архитектуры и доказательства их нарушения не имеет существенного значения, в какой форме выражено произведение архитектуры. Принципиальным аспектом, от которого зависит охраноспособность объекта и возможность защиты авторских прав на него, является наличие творческого вклада автора, воплощенного в архитектурном решении.

Если спорным объектом является проектная документация, она исследуется на предмет наличия в ней архитектурного решения, в котором выражен творческий замысел автора, позволяющий квалифицировать такое решение в качестве произведения архитектуры.

**Список источников**

1. Серебровский В. И. Вопросы авторского права. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 283 с.

2. Люкшин А. М. Авторское право на произведения архитектуры : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 16 с.

3. Слесарюк Н. В. Произведения архитектуры: соотношение со смежными объектами авторского права и вопросы соавторства // Право и экономика. 2012. № 9. С. 47–51.

4. Яненко О. К. Произведения уличного и самобытных видов изобразительного искусства, охраняемые авторским правом : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 177 с.

5. Трофимов С. В. Правовое регулирование налогообложения оборота имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности : моногр. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. 344 с.

6. Свит Ю. П., Капинус Н. И. Особенности реализации прав авторов на произведения архитектуры // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 7. С. 65–72.

7. Мерзликина Р. О правовом статусе архитектурных произведений как объектов авторского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2015. № 1. С. 11–21.

8. Никифорова И. Н. Права на результат интеллектуальной деятельности, созданный в ходе разработки проектной документации // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2023. № 3. С. 52–57.

9. Morlock A., Meurer K. Die Urheberrechte des Architekten. Merkblatt Nr. 285 // Stand. 2024. № 11. S. 1–10.

**References**

1. Serebrovsky V. I. *Copyright issues*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1956. 283 p. (In Russ.)

2. Lyukshin A. M. *Copyright on architectural works.* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. St. Petersburg; 2004. 16 p. (In Russ.)

3. Slesaryuk N. V. Architecture works: its relation to adjacent objects of copyright and co-authorship issues. *Pravo i ekonomika = Law and Economics.* 2012;(9):47-51. (In Russ.)

[21] Landgericht Nürnberg-Fürth: Urteil vom 30.04.2003 – 3 O 861/99. URL: https://www.iww.de/quellenmaterial/id/11261.

4. Yanenko O. K. *Works of street and original types of fine art, protected by copyright.* Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2018. 177 p. (In Russ.)

5. Trofimov S. V. *Legal regulation of taxation of the turnover of property rights to intellectual property objects.* Monograph. Irkutsk: Publishing House of the Baikal State University of Economics and Law; 2009. 344 p. (In Russ.)

6. Svit Yu. P., Kapinus N. I. Features of the implementation of the rights of authors to works of architecture. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice.* 2021;(7):65-72. (In Russ.)

7. Merzlikina R. On the legal status of architectural works as objects of copyright. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual Property. Copyright and Related Rights.* 2015;(1):11-21. (In Russ.)

8. Nikiforova I. N. Right for the result of intellectual activity created in process of project documentation development. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual Property. Copyright and Related Rights.* 2023;(3):52-57. (In Russ.).

9. Morlock A., Meurer K. Die Urheberrechte des Architekten. Merkblatt Nr. 285. *Stand.* 2024;(11):1-10.

**Информация об авторе**

Н. В. Бузова – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права.

**Information about the author**

N. V. Buzova – Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Business and Corporate Law Department.

**Конфликт интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Conflict of interests**

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 26.01.2026.

The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 05.03.2025; accepted for publication 26.01.2026.

Российское правосудие. 2026. № 3. С. 37–45
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 3. P. 37–45
УДК 347.44 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.3.37-45

Научная статья

# Отдельные договорные типы в условиях цифровизации: постановка проблемы

**Алексей Александрович Волос**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, volosalexey@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5951-1479

**Аннотация.** Использование сторонами гражданско-правового договора современных цифровых технологий стало традиционной практикой. Цивилистическая наука не оставила без внимания возникающие проблемы применения общих положений договорного права в условиях цифровизации общества. При этом до сих пор не в полной мере исследованной продолжает оставаться тематика отдельных договорных типов. Методологически для решения указанных вопросов предлагается различать предопределяемые общими и специальными нормами договорного права соответственно внешние и внутренние особенности.

Целями настоящей статьи являются установление направлений для изучения отдельных договорных типов в условиях цифровизации, постановка научных гипотез для их дальнейшего обсуждения научным сообществом. Достижение цели обусловливается постановкой следующих задач. Во-первых, обоснование поставленных проблем. Во-вторых, систематизация особенностей, связанных с пониманием общих положений договорного права в современных условиях цифровизации общества. В-третьих, конкретизация направлений для изучения отдельных договорных типов в условиях цифровизации. Статья подготовлена с использованием общенаучных методов (системный, логический, аналогия, анализ, синтез) и специальных юридических методов (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Автор приходит к выводу о том, что, конкретизируя внутренние особенности отдельных договорных типов, следует акцентировать внимание на правотворческом и правоприменительном аспектах. Правотворческий аспект заключается в поиске законодательных решений, связанных с установлением специальных норм о договорных типах целенаправленно для отношений, осложненных использованием сторонами особых технических средств. Правоприменительный аспект касается учета цифровизации общественных отношений в качестве фактора, влияющего на толкование норм права об отдельном договорном типе в качестве императивной или диспозитивной.

**Ключевые слова:** гражданско-правовой договор, цифровизация общества, цифровые права, цифровые активы, система гражданско-правовых договоров, договорный тип, договор купли-продажи

**Для цитирования:** Волос А. А. Отдельные договорные типы в условиях цифровизации: постановка проблемы // Российское правосудие. 2026. № 3. С. 37–45. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.37-45.

Original article

**Contractual Types in the Context of Digitalization: Problem Statement**

**Aleksei A. Volos**

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, volosalexey@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5951-1479

© Волос А. А., 2026

**Abstract.** The parties of contract use modern digital technologies as a traditional practice. So, the civil law doctrine has not ignored the issues which arise from applying the general provisions of contract law in the context of the digitalization. However, the problems of different contractual types have not been fully explored yet. In accordance with the author's methodology, it is proposed the difference between external and internal features determined by general and special rules of contract law.
The purpose of the article is to establish directions for the study of certain contractual types in the context of digitalization and to formulate scientific hypotheses for further discussion by the scientific community. The achievement of the purpose is determined by the following objectives. Firstly, it is necessary to justify the posed problems. Secondly, it is necessary to systematize the features related to understanding contract law general rules in modern conditions of digitalization. Thirdly, it is necessary to specify the directions for studying individual contractual types in the context of digitalization. The article has been prepared using general scientific methods (systematic, logical, analogy, analysis, synthesis) and special legal methods (formal legal, comparative legal).
The author considers that the internal features of contractual types should be studied in the law-making and law enforcement aspects. The law-making aspect is the search for legislative solutions related to the establishment of special rules on contractual types specifically for relations complicated by the use of special technical means by the parties. The law enforcement aspect concerns the consideration of the digitalization of public relations as a factor influencing the interpretation of the law on a particular contractual type as imperative or dispositive. The law enforcement aspect is the interpretation of the norms of contract law as imperative or dispositive in the context of digitalization.

**Keywords:** contract, digitalization of society, digital rights, digital assets, system of contracts, type of contract, sale agreement

**For citation:** Volos A. A. Contractual types in the context of digitalization: problem statement. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(3):37-45. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.37-45.

**Крайне затруднительно представить себе современные договорные отношения, в которых в той или иной степени не используются различные цифровые технологии. Например, исполнение по крупному B2B-контракту может быть произведено автоматически благодаря смарт-контракту, а платеж по обычному бытовому договору между гражданами – выполнен через приложение банка. Данные процессы стимулирует само государство: «Многое сделано для интенсивного и на постоянной основе использования органами государственной власти и гражданами информационных и цифровых технологий» [1, с. 10].**

Учитывая стремительные социально-экономические трансформации, не стоит удивляться тому исследовательскому интересу, который вызывает проблематика общих положений договорного права в условиях цифровизации общества. Перспективным для развития науки и практики могло бы стать смещение акцента в изучении на тематику отдельных договорных типов. Вполне возможно представить ситуацию, при которой разрешение сложных вопросов применения, скажем, норм о купле-продаже или аренде будет опосредовано конкретными обстоятельствами дела, среди которых само по себе обращение сторон к цифровым инструментам приобретет определенное значение.

Ранее некоторыми учеными уже делались попытки раскрыть влияние цифровизации на отдельные гражданско-правовые договоры. В частности, обсуждались соглашения, направленные на оказание услуг [2]; аренду транспортных средств [3]; страхование [4]. При этом нередко отмечалось, что «необходимость в формировании в гражданском законодательстве новых правил о договорах отсутствует» [2, с. 10]. Или, наоборот, применительно уже к другому договорному типу обосновывалась потребность в прямой законодательной регламентации тех или иных отношений [3, с. 79].

В качестве примера того, как цифровизация влияет на права и обязанности сторон договора определенного типа, сфокусируемся на договоре страхования, по которому важно обеспечить защиту законных интересов страхователя как слабой стороны [4, с. 74]. В цифровой среде сильная сторона (в конкретном случае – страховщик) не только имеет больше информационных ресурсов, но и, владея техническими средствами и правами доступа к соответствующим интернет-сайтам,

влияет на то, как отражается и предоставляется юридически значимая информация. Ю. С. Овчинникова, обсуждая эту тематику, рассматривает локальную ситуацию: проблемы, возникающие при применении информационной автоматизированной системы [4, с. 74]. Параллельно с этим возникают дилеммы, касающиеся охраны тайны страхования, ведь по закону ее должен соблюдать страховщик, но в информационных системах она становится доступной иным субъектам, в частности операторам финансовых платформ и государственным органам [4, с. 79].

Краткий обзор литературы позволяет обозначить некоторые тезисы, на основании которых будут строиться дальнейшие выводы и которые релевантны для многообразных видов договоров (страхование или аренда транспортных средств не являются здесь каким-то исключением из правил).

А. Подтверждена целесообразность изучения отдельных договорных типов в цифровую эпоху.

Б. Происходящие в обществе и экономике процессы цифровизации сами по себе детерминируют дальнейшее совершенствование гражданского законодательства, в том числе путем внесения новых императивных норм, касающихся отдельных договорных типов.

В. Неизбежно рассмотрение вопросов договорного права в цифровую эпоху с учетом смежных институтов (например, охраны частной жизни граждан), а также имманентно с ними связанных процедурных аспектов реализации субъективных прав, которые носят не только частноправовой, но и публично-правовой характер (регулирование отношений по поводу информационных систем).

По мнению автора настоящих строк, в контексте цели нашего исследования следует разделять предопределяемые общими и специальными нормами договорного права соответственно внешние и внутренние особенности отдельных договорных типов. Под внешними особенностями предлагается понимать детерминанты, сформированные действующими тенденциями цифровизации экономических отношений и распространяющие свое действие на все или большинство договорных типов. Указанные внешние особенности (детерминанты) становятся определяющими факторами или хотя бы одними из важнейших факторов, обусловливающих правильное и эффективное применение и толкование правовых норм.

Абсолютное большинство известных нам работ, посвященных договорному праву в современных условиях цифровизации общества, ставит во главу угла именно это направление. Так, еще в 2016 г. в одной из первых статей на данную тему обозначена проблема применения базовых концепций договорного права к «умным» контрактам [5]. Практически сразу после выхода этой статьи благодаря деловой и судебной практике стало ясно, что «умными» контрактами сложности договорного права не исчерпываются. Важным для понимания стал и тот факт, что внешние особенности предопределяются не только общими положениями договорного права. Нередко в методологических и практических целях вопросы цифровизации договорных отношений изучаются относительно группы сходных с юридической или экономической точки зрения соглашений. Типичным примером являются потребительские договоры, в рамках которых формируются новые, основанные на экономических процессах правила ведения бизнеса и взаимодействия с клиентами. К ним можно отнести широкое распространение на практике программ лояльности, правовой режим которых непонятен [6, с. 65].

При этом на векторы развития потребительских отношений актуально было бы посмотреть и с обратной стороны: цифровизация позволяет совершенствовать инструменты злоупотребления правами потребителей. Автор из Японии иллюстрирует этот тезис описанием подключения к нескольким сетям (multihoming) [7, p. 17]. В России подобный момент обсуждался применительно к группе дел, в которых потребители пользовались техническим сбоем на сайте продавца[1]. Пред-

[1] См., например, Определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2023 г. № 82-КГ23-5-К7. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

ставляется, что сам по себе факт технического сбоя не должен исключать возможность ссылки на недобросовестность потребителя, прежде всего в случаях, когда последний в установленной обычаем форме (в данном кейсе – на главной странице сайта) был заранее извещен о техническом сбое. Говоря о более общей проблеме, не стоит исключать уточнение правового статуса потребителя, его прав и обязанностей при заключении им договора в цифровой среде.

В то же время следует констатировать, что начиная с 2016 г. внешние особенности договора, осложненного использованием сторонами цифровых технологий, ввиду большого количества трудов разных авторов в определенной степени были довольно подробно раскрыты. Сверх того, законодательство в этот период времени не стояло на месте: появились нормы о цифровых правах, цифровом рубле, дополнены положения о форме сделок, а также внесены положения об исполнении обязательства при применении его субъектами информационных технологий.

Имеющиеся теоретический и эмпирический материалы позволяют пометить детерминанты, которые необходимо учитывать при наличии спора между участниками договорного правоотношения, и дифференцировать их на несколько достаточно простых с точки зрения теории права групп.

Во-первых, любое договорное отношение имеет «цифровую специфику», если его объектом выступает цифровой актив. В частности, речь идет о договорах по поводу цифровых прав, цифровых рублей, нелегализованных активов (криптовалюта, аккаунты и пр.)[2].

Во-вторых, «цифровая» составляющая присутствует ввиду особенностей субъектного состава конкретных отношений. К примеру, владелец агрегатора обладает особым статусом в силу потребительского законодательства.

В-третьих, цифровые технологии детерминируют содержание прав и обязанностей сторон. Так, благодаря практике Верховного Суда Российской Федерации постепенно происходит уяснение стандарта добросовестного поведения субъектов, использующих информационные технологии для решения договорных задач: банков, выдающих кредиты через специальные приложения[3], продавцов интернет-магазинов[4], иных лиц.

В-четвертых, онлайн-технологии создают инновационные формы взаимодействия субъектов договорных отношений, что приводит к неоднозначным ситуациям, касающимся заключения договора. Концептуально вопрос заключается в том, как выявить волю и провести ее соотношение с волеизъявлением в цифровой среде, в том числе при эксплуатации мессенджеров или ведении переписки по электронной почте. Решение неодинаково для всех случаев и должно учитывать все обстоятельства конкретного дела[5]. Параллельно возникают иные практиче-

---

[2] В рамках данной статьи нет смысла рассматривать вопрос о легализованных (например, цифровых финансовых активах) и нелегализованных (например, аккаунтах в социальных сетях) цифровых активах, а также о перспективах установления правовых режимов для последних. В любом случае существование таких объектов предполагает «цифровую» специфику договорного правоотношения и применения специальных норм.

[3] Например, Верховный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что банк должен принимать повышенные меры предосторожности в случае заключения гражданами кредитных договоров с использованием приложений. См., например, Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2023 г. № 67-КГ23-14-К8.

[4] См., например, Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 июня 2023 г. № 16-КГ23-6-К4 (дело ЦУМ).

[5] Показательным является следующее дело. Гражданка заявила, что не заключала договор займа путем введения кода подтверждения. Она утверждала, что номер телефона, с которого осуществлялся вход в онлайн-сервис при заключении договора займа, ей не принадлежит. Однако изучение всех обстоятельств дела (в частности, личное указание самой гражданкой номера телефона в заявлении о присоединении к правилам дистанционного обслуживания, а также в заявке-анкете на предоставление микрозайма) позволило опровергнуть указанный довод. В итоге в признании договора неза-

ские сложности: сопоставление письменной формы и конклюдентных действий в онлайн-среде, определение момента заключения договора, действие подразумеваемых условий и пр.

В-пятых, цифровые технологии позволяют обеспечивать автоматическое исполнение договорных обязательств, юридические гарантии которого содержатся в абз. 2 ст. 309 ГК РФ, введенном несколько лет назад. Указанная норма, как следует из ее буквально толкования, касается смарт-контрактов, а также других технологий и приложений.

Здесь же можно поставить вопрос об изменении сторонами, использующими цифровые технологии, своего договора. Классический пример – договор аренды, по которому автоматически происходит списание арендной платы. В долгосрочных отношениях вероятность изменения обстоятельств высока, а значит, стороны сами могут быть заинтересованы в уточнении своих обязанностей, предположим, по поводу порядка и срока выплаты арендной платы. Однако смарт-контракт технически ограничивает стороны, так как потребуется внесение изменений в код, что не всегда возможно [8, p. 55–56].

В-шестых, применение сторонами договора современных технологий потенциально может приводить к нестандартным последствиям, связанным с процедурами прекращения правоотношений, а также привлечением не исполнившего обязательство должника к ответственности. Положим, в случае технических проблем, зависящих исключительно от информационной системы, труднореализуемым становится требование об исполнении обязательства в натуре, что характеризует само существо отношений сторон. Кроме того, вряд ли на ликвидационной стадии рассматриваемых договорных отношений всегда будет релевантным возвращение полученного.

Обобщив направления дискуссий по поводу внешних особенностей отдельных договорных типов, нельзя не признать, что они в целом хорошо известны специалистам по договорному и цифровому праву. Имеются некоторые теоретические и методологические разногласия, которые не носят существенного характера. Например, часто приходится слышать, что смарт-контракт характеризуется исключительно машинным исполнением договорных обязательств. По мнению ряда авторов, именно автоматизация является тем ключевым признаком, который обусловливает преимущества смарт-контрактов [9, с. 27]. С этим следует согласиться лишь отчасти, хотя бы потому, что изначальное предназначение смарт-контракта было связано не с автоматизацией исполнения, а с невозможностью изменения его условий, записанных на блокчейн[6]. С другой стороны, на ликвидационной стадии договорных отношений, в которых стороны используют смарт-контракт, может возникнуть едва ли не больше теоретических и практических проблем, чем в процессе исполнения. В связи с этим вряд ли автоматизированность исполнения есть ключевой признак. В действительности помимо смарт-контракта технологий, гарантирующих исполнение обязательства посредством компьютерного кода, множество.

Данный спор не имеет решающего значения для целей настоящей статьи. Автору этих строк важно было обобщить особенности, связанные с пониманием общих положений договорного права в современных условиях цифровизации общества, а также показать, что по ряду вопросов в этой области сформированы направления для дальнейшего изучения. Полное разрешение обсуждаемой темы должно учитывать эмпирическую базу, развитие судебной и деловой практики в области договорных отношений.

Более любопытным и неоднозначным является иной предмет обсуждения, который в контексте договорного права исследован не в полной мере: позволяет ли активное внедрение циф-

---

ключенным было отказано. См. определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17 января 2024 г. по делу № 88-1328/2024.

[6] Многие современные работы, описывая смарт-контракт, указывают на автоматизированность исполнения в едином контексте с мгновенной проверкой и автоматическим отслеживанием [10, p. 41]. Фактически речь идет об открытости и транспарентности, без которых преимущества смарт-контрактов не в полной мере очевидны.

ровых технологий говорить о внутренних особенностях отдельных договорных типов. Предварительные задачи включают в себя следующие: необходимо уяснить, существуют ли такие специфические черты договоров, осложненных использованием сторонами цифровых технологий, которые вызваны исключительно типом или видом договора; предопределяются ли они существом правового регулирования конкретного договорного типа.

Некоторые примеры, позволяющие утвердительно ответить на поставленные вопросы, можно привести даже на основании действующего законодательства. Так, в силу п. 4 ст. 454 ГК РФ общие положения о купле-продаже применяются к продаже имущественных, в том числе цифровых, прав, если иное не вытекает из содержания или характера этих прав. Получается, потенциально к сделкам о купле-продаже цифровых финансовых активов с учетом содержания и характера возникших правоотношений могут быть применены правила, скажем, о последствиях передачи товара ненадлежащего качества. Другой пример касается правового регулирования отдельных видов расчетов, осуществляемых с использованием технических средств: установлены предопределяющие правовой режим договора банковского счета специальные нормы, в частности, для расчетов цифровыми рублями или электронными денежными средствами.

Представляется, что процесс формирования новых договорных типов и выделения подвидов для уже имеющихся договоров на законодательном уровне будет продолжен. Любопытными для исследования могут стать договоры о создании технологий искусственного интеллекта, а также договоры, связанные с распоряжением исключительными правами на них [11]. Мнение о том, что для таких соглашений должно быть сформировано специальное регулирование, следует поддержать.

Дальнейшие рассуждения вынуждают вспомнить, что едва ли не первостепенным последствием квалификации любого договора является применение к отношениям контрагентов характерных для определенного договорного типа императивных норм закона[7]. Из этого следуют два практических вопроса: правотворческий и правоприменительный. Первый из них – следует ли дополнять законодательство, устанавливая исключительно «под отношения», осложненные использованием сторонами особых технических средств, специальные нормы о конкретных договорных типах. Ряд авторов, кстати, допускают рассмотрение цифровизации общества в качестве одной из причин смещения подхода законодателя в сторону императивного регулирования договорных отношений [12, с. 120]. Впрочем, указанное предположение еще должно пройти эмпирическую проверку и не может быть основано исключительно на анализе некоторых правовых норм и новелл законодательства, которые могут носит хаотичный характер и не всегда отличаются системностью.

Если говорить о примерах, то показательным становится постепенно формируемое законодательство о маркетплейсах. Уже сегодня установлены определенные императивные нормы, касающиеся договора купли-продажи товаров. В частности, в силу п. 2.1 ст. 12 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»[8] владелец агрегатора, предоставивший потребителю недостоверную или неполную информацию о товаре или продавце, на основании которой потребителем был заключен договор купли-продажи с продавцом, несет ответственность за убытки, причиненные потребителю вследствие предоставления ему такой информации. Данная норма является императивной, так как соглашение с владельцем агрегатора об ином явно будет ничтожно в силу законодательства о защите прав потребителя.

Недавно был принят Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»[9], содержащий положения, которые следует тол-

---

[7] *Громов А. А., Тололаева Н. В.* Обязательственное и договорное право : курс лекций. М. : Статут, 2025. С. 224.

[8] Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.

[9] Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 31. Ст. 4643.

ковать в качестве императивных норм об отдельных договорных типах. В первую очередь речь идет о правах и обязанностях оператора и партнера. Договор между ними может быть заключен в электронной форме на посреднической цифровой платформе (ст. 5), это посреднический договор, точная квалификация которого будет зависеть, видимо, от конкретных обстоятельств дела и специфики отношений сторон. Однако для таких договоров предполагается введение императивных норм закона, например, планируется установление обязанностей для оператора при размещении карточки товара партнером или внесении им изменений в нее (ст. 7).

Помимо положений, непосредственно определяющих права и обязанности контрагентов, к числу императивных норм относят также принцип добросовестности и правила, устанавливающие требования для признания договора заключенным[10]. В группу «преддоговорных» императивных (полуимперативных) норм следует включить специальные правила о форме сделки, которую стороны могут «усилить», но не «ослабить», предусмотрев обязательное нотариальное удостоверение вместо простой письменной формы договора.

Предположим, что названные категории императивных норм наиболее востребованы для целей обеспечения баланса сторон договора, осложненного использованием особых технических средств, и будут в дальнейшем включаться в гражданское законодательство. Речь, в частности, об уточнении стандарта добросовестного поведения (хотя бы в рамках предоставления информации об эксплуатируемых технологиях и приложениях); существенных условиях договора (требования к детализации цифрового объекта, передающегося по договору); детализации порядка заключения договора на платформах и в системах, соответствующих требованиям правовых норм. В настоящее время такие положения включаются в общую часть договорного права, но тенденцию развития законодательства в этой области следует распространить и на отдельные договорные типы[11].

Второй практический вопрос более тонкий. С учетом позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а также постепенно сложившейся судебной практики норма об отдельных договорных типах должна толковаться в качестве диспозитивной, если в ней не указано иное. Вместе с тем норма будет истолкована судом в качестве императивной, если исходя из целей законодательного регулирования это необходимо для защиты особо значимых охраняемых законом интересов[12]. Учитывая цель настоящей работы, напрашивается следующая гипотеза: цифровизация общественных отношений, создавая обстоятельства, влияющие на толкование норм права, и предопределяя существо общественного отношения, потенциально может повлечь такую ситуацию, при которой какую-либо норму об отдельном договорном типе необходимо будет истолковать в качестве императивной.

Попытаемся сформулировать модельный пример. При передаче объектов, существующих в цифровой форме (криптовалюта, NFT-токены, аккаунты в социальной сети и пр.), информация о них в полной мере находится в ведении лица, которое обладает ими на момент передачи (продавец). При квалификации этих отношений в качестве купли-продажи (что, видимо, будет презюмироваться, но зависеть от всех обстоятельств сделки) применяются нормы о качестве товара. Однако во многом их следует толковать в качестве императивных применительно к обязанностям продавца и недопустимости исключения таковых соглашением сторон: ведь продавец

---

[10] *Громов А. А., Тололаева Н. В.* Указ. соч. С. 231.

[11] В России, как уже было показано выше, формируется судебная практика по определению стандарта добросовестного поведения банков при предоставлении ими кредитов онлайн. За рубежом тенденция аналогичная, например, ведутся обсуждения стандарта добросовестного поведения участников P2P-кредитования [13, p. 246].

[12] См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 5.

имеет возможность непосредственного воздействия на объект, а покупатель проверить это фактически не может. В связи с этим, в частности, полное исключение ответственности по ст. 475 ГК РФ даже для непотребительских отношений не соответствует сути отношений, поскольку фактически приведет к переносу на покупателя риска выявления недостатков, которые, учитывая специфику объекта отношений, всегда скрыты от него.

Впрочем, для того, чтобы подтвердить или опровергнуть поставленные гипотезы, следует провести комплексное исследование. В настоящий момент по итогам статьи предлагаются следующие выводы, которые в дальнейшем должны пройти теоретическую и эмпирическую проверки.

**1.** Для целей изучения отдельных договорных типов в условиях цифровизации следует различать внешние и внутренние особенности, предопределяемые общими и специальными нормами договорного права. Под внешними особенностями предлагается понимать детерминанты, сформированные действующими тенденциями цифровизации экономических отношений и распространяющие свое действие на все или большинство договорных типов (субъект, объект, содержание прав и обязанностей сторон, формы взаимодействия контрагентов, процедуры исполнения договорных обязательств и прекращения правоотношений, в том числе поведение сторон на ликвидационной стадии обязательств).

**2.** Внутренние особенности отдельных договорных типов обусловлены специфическими чертами договоров, осложненных использованием сторонами цифровых технологий, и вызваны исключительно типом или видом договора, предопределяются существом правового регулирования договорного типа.

**3.** Конкретизируя внутренние особенности, следует акцентировать внимание на правотворческом и правоприменительном аспектах. Правотворческий аспект заключается в поиске законодательных решений, связанных с установлением специальных норм о договорных типах целенаправленно для отношений, осложненных использованием сторонами особых технических средств. Правоприменительный аспект касается учета цифровизации общественных отношений в качестве фактора, влияющего на толкование норм права об отдельном договорном типе в качестве императивных или диспозитивных.

**Список источников**

1. Ершов В. В., Кулаков В. В. Цифровые правоотношения – современная реальность // Российское правосудие. 2022. Специальный выпуск: 100 лет Верховному Суду Российской Федерации. С. 8–15.

2. Козлова Е. Б. Развитие в условиях цифровизации классификации договоров, направленных на оказание услуг // Цивилист. 2022. № 2. С. 4–10.

3. Микрюков В. А., Микрюкова Г. А. Договор аренды транспортных средств в условиях цифровизации // Цивилист. 2025. № 1. С. 79–85.

4. Овчинникова Ю. С. Цифровизация страховых услуг: защита слабой стороны договора и частной жизни // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 3. С. 73–81.

5. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60.

6. Кирпичев А. Е. Подарочные карты, промоакции, программы лояльности: перспективы применения положений о рамочном договоре к спорам о защите прав потребителя // Российское правосудие. 2024. № 9. С. 65–75.

7. The digital economy and competition law in Asia / ed. T. Kono. Singapore : Springer, 2021. 224 p.

8. Contracting and contract law in the age of artificial intelligence / eds. M. Ebers, C. Poncibo, M. Zou. Oxford : Hard Publishing, 2022. 303 p.

9. Бажина М. А., Щекочихина Е. П. Правовые проблемы применения смарт-контрактов в России // Предпринимательское право. 2024. № 3. С. 27–32.

10. Dalhuisen J. H. Dalhuisen on Transnational and comparative commercial, financial and trade law : in 3 vols. Vol. 3. Oxford : Hart Publishing, 2022. XL, 308 p.

11. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б. Цифровизация гражданского оборота: «искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в механизме договорного регулирования : моногр. : в 5 т. Т. 4 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2022. 336 с.

12. Болдырев В. А., Максимов В. А. Свобода договора: эволюция правового принципа в эпоху цифровизации // Правоприменение. 2025. Т. 9, № 2. С. 118–129.

13. Wardoyo Y. P., Luthfi M., Cahyani T. D. Fulfillment of the principle of good faith in peer-to-peer lending agreements according to the perspective of civil law // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2021. Vol. 590. P. 244–246.

**References**

1. Ershov V. V., Kulakov V. V. Digital legal relations – modern reality. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2022;(Special Issue: 100 years of the Supreme Court of the Russian Federation):8-15. (In Russ.)

2. Kozlova E. B. The development of classification of service contracts in the context of digitalization. *Civilist.* 2022;(2):4-10. (In Russ.)

3. Mikryukov V. A., Mikryukova G. A. Vehicle rental agreement in the conditions of digitalization. *Civilist.* 2025;(1):79-85. (In Russ.)

4. Ovchinnikova Yu. S. Digitalization of insurance services: protection of the weak side of the contract and private life. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federatsii = Property Relations in the Russian Federation.* 2022;(3):73-81. (In Russ.)

5. Savelyev A. I. Contract law 2.0: smart contracts and the beginning of the end of the classic contract law. *Civil Law Review*. 2016;(3):32-60. (In Russ.)

6. Kirpichev A. E. Gift cards, promotions, loyalty programs: prospects for applying the provisions on the framework contract to consumer protection disputes. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2024;(9):65-75. (In Russ.)

7. Kono T., ed. *The digital economy and competition law in Asia.* Singapore: Springer; 2021. 224 p.

8. Ebers M., Poncibo C., Zou M., eds. *Contracting and contract law in the age of artificial intelligence*. Oxford: Hard Publishing; 2022. 303 p.

9. Bazhina M. A., Schekochikhina E. P. Legal problems of using smart contracts in Russia. *Predprinimatel'skoe pravo = Business Law*. 2024;(3):27-32. (In Russ.)

10. Dalhuisen J. H. *Dalhuisen on transnational and comparative commercial, financial and trade law*. In 3 vols. Vol. 3. Oxford: Hart Publishing; 2022. XL, 308 p.

11. Vasilevskaya L. Yu., Poduzova E. B. *Digitalization of civil turnover: "artificial intelligence" and "artificial intelligence" technologies in the mechanism of contractual regulation*. Monograph. In 5 vols. Vol. 4. Ed. L. Yu. Vasilevskaya. Moscow: Prospekt; 2022. 336 p. (In Russ.)

12. Boldyrev V. A., Maksimov V. A. Freedom of contract: the evolution of a legal principle in the era of information. *Law Enforcement Review*. 2025;9(2):118-129. (In Russ.)

13. Wardoyo Y. P., Luthfi M., Cahyani T. D. Fulfillment of the principle of good faith in peer-to-peer lending agreements according to the perspective of civil law. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2021;(590):244-246.

**Информация об авторе**

А. А. Волос – кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента частного права факультета права.

**Information about the author**

A. A. Volos – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Private Law Department of Law Faculty.

**Конфликт интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Conflict of interests**

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 15.07.2025; одобрена после рецензирования 07.10.2025; принята к публикации 25.12.2025.

The article was submitted 15.07.2025; approved after reviewing 07.10.2025; accepted for publication 25.12.2025.

Российское правосудие. 2026. № 3. С. 46–59
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 3. P. 46–59
УДК 347.441, 347.67 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.3.46-59
Научная статья

# Толкование гражданских сделок в российском и зарубежном праве: теория и судебная практика

**Аминат Магомедхабибовна Гаврилова**
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, am.gavrilova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5062-598X

**Аннотация.** Статья посвящена научному анализу российского и зарубежного законодательства, теории и правоприменительной практики о толковании гражданских сделок. Задачи статьи: исследование толкования договора, наследственного договора и завещания, проблем правоприменения.
В ходе исследования использовались методы анализа, формально-юридический, сравнительно-правовой.
Рассматриваются правовое регулирование толкования договора и завещания в отечественном и зарубежных правопорядках, доктринальные позиции, актуальная судебная практика. В результате проведенного исследования автором выявлены как сходство, так и различия в правовых нормах, регулирующих толкование договора и завещания в России, Беларуси, Германии, Испании, Китае, Казахстане, Киргизии, Таджикистане и некоторых других странах; выделены основные различия положений российского законодательства о толковании договора и завещания, которые касаются субъектов и способов толкования. Сделаны выводы о целесообразности: включения в ГК РФ статьи о толковании односторонних сделок и ст. 1140.2 «Толкование наследственного договора», учитывающей двойственную правовую природу данного договора; дополнения ст. 1132 ГК РФ положением о том, что, если правила частей первой и второй данной статьи не позволяют определить буквальный смысл какого-либо положения завещания, оно признается ненаписанным. Автор признает необходимость дальнейших исследований о толковании гражданско-правовых сделок, совершенствовании законодательства и практики применения.

**Ключевые слова:** сделка, толкование договора, contra proferentem, толкование завещания, буквальное толкование, субъекты толкования

**Для цитирования:** Гаврилова А. М. Толкование гражданских сделок в российском и зарубежном праве: теория и судебная практика // Российское правосудие. 2026. № 3. С. 46–59. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.46-59.

Original article

**The Interpretation of the Concept of Civil Transactions in Russian and Foreign Law: Theory and Jurisprudence**

**Aminat M. Gavrilova**
Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, am.gavrilova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5062-598X

**Abstract.** The article is dedicated to the interpretation of transactions. Its purpose is to provide a scholarly analysis of Russian and foreign legislation, legal theory, and law enforcement practice concerning the

© Гаврилова А. М., 2026

interpretation of civil transactions. The article's objectives are: to examine the interpretation of contracts, inheritance agreements, and wills, and to address problems in their legal application.
Research methods: analysis, formal legal, comparative legal.
The article explores the legal framework governing the interpretation of contracts and wills within domestic and foreign legal systems, doctrinal positions, and relevant judicial practice. The study's findings reveal both commonalities and divergences in the legal norms regulating the interpretation of contracts and wills in Russia, Belarus, Germany, Spain, China, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and a number of other countries. The author identifies the principal distinctions within Russian legislation on the interpretation of contracts versus wills, which lie in the subjects entitled to interpret them and the methods of interpretation employed. Consequently, the study concludes by proposing specific amendments to the Civil Code of the Russian Federation. Based on this research, the author concludes that it is advisable to introduce into the Civil Code of the Russian Federation a specific article on the interpretation of unilateral transactions, as well as Art. 1140.2, "Interpretation of an Inheritance Agreement", which accounts for the dual legal nature of this type of contract. Furthermore, it is proposed to supplement Art. 1132 of the Civil Code of the Russian Federation with a clause stating that if the literal meaning of a testamentary provision cannot be determined using the rules established in the first and second parts of this article, that provision shall be deemed non-existent. Finally, the author concludes that further research is needed on the interpretation of civil law transactions, as well as the improvement of legislation and its application in practice.

**Keywords:** transaction, interpretation of contract, *contra proferentem*, interpretation of will, literal interpretation, subjects of interpretation

**For citation:** Gavrilova A. M. The interpretation of the concept of civil transactions in Russian and foreign law: theory and jurisprudence. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(3):46-59. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.46-59.

**В Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) толкование сделок урегулировано двумя статьями: ст. 431 (толкование договора) и ст. 1132 (толкование завещания). Несмотря на наличие законодательного регулирования и немалого количества работ, посвященных исследованию толкования (интерпретации) гражданско-правовых сделок, в доктрине нет единого подхода в вопросах толкования договора и толкования односторонних сделок, включая завещание, а также единообразия применения названных норм права при разрешении судебных споров.**

**Толкование договора**

В статье 431 ГК РФ предусмотрены три способа толкования договорных условий судом: два в части первой (буквальное и систематическое толкование) и один – в части второй, которые применяются в приведенной в данной статье последовательности. То есть каждый последующий способ толкования применяется только в случае, если предыдущий не позволил определить содержание договора. Так, систематическое толкование, при котором значение неясного условия устанавливается путем сопоставления его с другими условиями и смыслом договора в целом, применяется в случае, если смысл условия неясен при буквальном толковании, а выявление действительной общей воли сторон с учетом цели договора (третий способ толкования) – только в случае неясности содержания договора путем буквального и систематического толкования.

В указанной статье, отдающей приоритет буквальному толкованию договорных условий и воспроизводящей основные положения ст. 1538, 1539 Свода гражданских законов Российской империи, ст. 59 Основ гражданского законодательства[1], «…наблюдается некий симбиоз волевой теории и теории волеизъявления»[2].

---

[1] Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1) (документ утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

[2] *Черданцев А. Ф.* Толкование права и договора : учеб. пособие для вузов. М. : Юнити-Дана, 2003. С. 320.

При буквальном толковании условий договора объектом толкования является только текст договора. Как разъяснено в абз. 2 п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»[3] (далее – Постановление № 49), буквальное значение содержащихся в договоре слов и выражений определяется с учетом их общепринятого употребления любым участником гражданского оборота, действующим разумно и добросовестно, если иное значение не следует из деловой практики сторон и иных обстоятельств дела.

*Так, в одном из дел суд отклонил ходатайство ответчика о назначении лингвистической экспертизы, поскольку толкование содержания договора относится к компетенции суда, а договорное условие о валюте платежа изложено ясно, не содержат неоднозначных слов, выражений и понятий, уяснение которых требует специальных познаний либо вызывает сложности в их лексическом понимании[4].*

*По другому делу суд также отклонил ходатайство о назначении лингвистической экспертизы, указав, что вопрос о толковании договорных условий относится к вопросам права и не требует специальных познаний эксперта в вопросах лингвистики[5].*

Как верно отмечают А. Е. Кирпичев и В. А. Кондратьев, буквальное толкование судом договора не допускает дополнения его условий [1, с. 34, 35].

В доктрине положения ст. 431 ГК РФ подвергаются критике и вносятся предложения по совершенствованию норм права и практики их применения. Так, А. К. Байрамкулов предлагает, в частности, использовать подход немецких судов, закрепив на уровне разъяснений высших судебных инстанций презумпцию «буквального значения спорного условия» [2, с. 8, 14].

По мнению Н. В. Степанюк, следует исключить указанную статью из Кодекса, включив в первый параграф главы 9 пять новых статей, которые будут регулировать толкование сделок, односторонних сделок, договора, отдельных видов договоров и договорных условий [3, с. 10, 11].

Полагаем целесообразным более детальное регулирование толкования сделок в законе, как в некоторых зарубежных правопорядках[6], а также предложение о включении в ГК РФ статьи о толковании односторонних сделок [3, с. 10], поскольку в действующем российском законодательстве предусмотрена только статья о толковании такой односторонней сделки, как завещание.

При разрешении споров суды руководствуются содержащимися в п. 11 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах»[7] (далее – Постановление № 16) разъяснениями как в случае толкования договора[8], так и в случае толкования односторонних сделок.

---

[3] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 2.

[4] См. постановление ФАС Дальневосточного округа от 9 октября 2012 г. № Ф03-5090/2011 по делу № А73-13724/2010. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] См. постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 1 ноября 2023 г. № Ф04-5798/2023 по делу № А27-21433/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[6] К странам с подробным правовым регулированием толкования договоров относится, например, Королевство Испания: в Гражданском кодексе Испании от 24 июля 1889 г. толкование договора урегулировано девятью статьями (1281–1289). См.: Código civil Español. URL: https://clc.is/ynNl (дата обращения: 10.04.2024).

[7] Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 5.

[8] См., например: Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 31 июля 2024 г. по делу № 88-23400/2024 // Четвертый кассационный суд общей юрисдикции : [сайт]. URL: https://clc.is/rWkz (дата обращения: 14.08.2024).

*Так, при толковании контракта для уяснения цели контракта суд первой инстанции изучил конкурсную документацию, в рамках которой был заключен контракт между учреждением (заказчик, ответчик по первоначальному иску) и обществом (исполнитель, истец по первоначальному иску), заявившим требования о признании незаконным решения заказчика об одностороннем отказе от исполнения обязательств по государственному контракту, взыскании стоимости выполненных работ и возмещении убытков в виде уплаченной по банковской гарантии суммы. Односторонний отказ заказчика от исполнения обязательств по контракту был мотивирован тем, что обязательства по бесперебойному и безаварийному снабжению электрической энергией от мини-ТЭЦ исполнителем не исполнялись. Однако, проводя толкование описания объекта закупки, суд установил, что в нем нет указания на эксплуатацию мини-ТЭЦ и обязанности общества обеспечивать электроснабжение учреждения исключительно с помощью мини-ТЭЦ. Кроме того, согласно описанию объекта закупки (техническому заданию, приложению к контракту) мини-ТЭЦ могла находиться в выключенном состоянии, что не являлось ненадлежащим исполнением контракта. А поскольку условия контракта и технического задания к нему подготавливались учреждением, суд осуществил их толкование в пользу общества.*

*Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции о том, что предложенное учреждением толкование условий контракта не соответствует действительному содержанию данных условий и направлено исключительно на придание законности немотивированному одностороннему отказу от контракта с истцом, а также отклонил довод учреждения о том, что электроснабжение с помощью мини-ТЭЦ является обычаем между сторонами, поскольку общество ранее не являлось стороной контракта с учреждением. Исходя из этого, судом обоснованно были удовлетворены требования истца (ответчика по встречному иску)*[9].

Метод (правило) contra proferentem («против составителя») содержится в ст. 4.6 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016[10] и некоторых зарубежных правопорядках, например в ст. 345 ГК Грузии[11], ст. 1288 ГК Испании, ч. (1) ст. 1107 ГК Республики Молдова[12], ст. 359 ГК Туркменистана[13], но не предусмотрен в ГК РФ. При разрешении возникающих из договоров споров российские суды руководствуются содержащимися в Постановлении № 16 (п. 11) и Постановлении № 49 (п. 45) разъяснениями, согласно которым правило contra proferentem применяется при неясности условий договора и невозможности установить действительную общую волю сторон иным образом.

В соответствии со ст. 1509 Гражданского закона Латвийской Республики[14] в случае сомнения двусторонние сделки, возлагающие обязанности на обе стороны, толкуются во вред кредитору, обязанному выразиться яснее. Сходное правило установлено в ч. (2) ст. 1107 Гражданского кодекса Республики Молдова: в случае сомнения договор толкуется в ущерб стороне, установившей обязанность.

---

[9] Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 12 августа 2024 г. № 10АП-14445/2024 по делу № А41-8690/2023 // Десятый арбитражный апелляционный суд : [сайт]. URL: https://clc.is/ngDb (дата обращения: 14.08.2024).

[10] UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016. URL: https://clc.is/DJ77 (дата обращения: 14.08.2024).

[11] Гражданский кодекс Грузии от 26 июня 1997 г. № 786-IIс. URL: https://clc.is/Kp2z (дата обращения: 10.04.2024).

[12] Гражданский кодекс Республики Молдова (Книга третья. Обязательства) от 6 июня 2002 г. № 1107-XV. URL: https://clc.is/XmD4 (дата обращения: 10.04.2024).

[13] Гражданский кодекс Туркменистана от 17 июля 1998 г. № 294-I. URL: https://clc.is/VkDE (дата обращения: 10.04.2024).

[14] Гражданский закон Латвийской Республики от 28 января 1937 г. URL: https://clc.is/196z (дата обращения: 08.07.2024).

Положения, аналогичные ст. 431 ГК РФ, содержатся в ст. 426 Модельного ГК СНГ[15], ст. 447 ГК Республики Армения[16], ст. 401 ГК Республики Беларусь[17], ст. 392 ГК Республики Казахстан[18], ст. 392 ГК Кыргызской Республики[19], ст. 496 ГК Республики Таджикистан[20], ст. 364 ГК Республики Узбекистан[21].

В ГК Туркменистана толкование договора урегулировано двумя статьями: ст. 354 «Толкование смешанных договоров» и ст. 359 «Толкование неясного текста в пользу другой стороны». Согласно указанным статьям при толковании смешанных договоров принимаются во внимание нормы о договорах, которые наиболее близки к сути исполнения и ему соответствуют, а при неясности текста стандартных условий договора он истолковывается в пользу другой стороны.

В ГК Грузии толкование договоров урегулировано четырьмя статьями: ст. 337 «Толкование отдельных выражений договора», ст. 340 «Толкование смешанных договоров», которая аналогична по содержанию ст. 354 ГК Туркменистана, ст. 345 «Толкование неясного текста в пользу другой стороны», аналогичной по содержанию ст. 359 ГК Туркменистана, и ст. 350 «Толкование договора, заключенного в пользу других лиц».

Согласно § 157 Германского гражданского уложения (ГГУ) договоры «…следует толковать в соответствии с требованиями веры и доверия с учетом обычаев оборота»[22].

В ГК Республики Молдова толкование договора урегулировано одноименной главой VII раздела II, включающей восемь статей (1100–1107), и ст. 2085 (толкование траста). В частности, условия договора толкуются в контексте договора в целом (ст. 1103); толкование договора производится с учетом общей воли сторон, без ограничения буквальным значением используемых понятий (ч. (1) ст. 1100); многозначные понятия толкуются в смысле, наиболее соответствующем существу договора (ч. (2) ст. 1104). Кроме того, в отличие от положений ст. 431 ГК РФ, одним из факторов, принимаемых во внимание при толковании договора, является придаваемое ему сторонами истолкование.

Мнение о необходимости законодательного расширения субъектов толкования договора сторонами договора в отечественной доктрине высказывает профессор В. С. Белых [4, с. 100].

Следует отметить, что в ГК Китайской Народной Республики[23], Грузии, Республики Молдова, Туркменистана, Гражданском законе Латвийской Республики не указаны субъекты толкования договора, а в ГК РФ, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан субъектом толкования договора указан суд.

---

[15] Гражданский кодекс. Модель. Рекомендательный законодательный акт Содружества Независимых Государств. Часть первая (принят в г. Санкт-Петербурге 29 октября 1994 г. на 5-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ). URL: https://clc.is/dQdn (дата обращения: 10.04.2024).

[16] Гражданский кодекс Республики Армения от 5 мая 1998 г. URL: https://clc.is/Z9Do (дата обращения: 10.04.2024).

[17] Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З. URL: https://clc.is/kPDY (дата обращения: 10.04.2024).

[18] Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) (принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 г.). URL: https://clc.is/mJDN (дата обращения: 10.04.2024).

[19] Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 8 мая 1996 г. № 15 (ч. I). URL: https://clc.is/AE4W (дата обращения: 10.04.2024).

[20] Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 г. № 1918. URL: https://clc.is/97q7 (дата обращения: 10.04.2024).

[21] Гражданский кодекс Республики Узбекистан. Часть первая (утв. Законом Республики Узбекистан от 21 декабря 1995 г. № 163-I). URL: https://clc.is/LoE7 (дата обращения: 10.04.2024).

[22] *Шапп Я.* Система германского гражданского права : учеб. / пер. с нем. С. В. Королева. М. : Междунар. отнош., 2006. С. 339.

[23] Гражданский кодекс Китайской Народной Республики. М. : Проспект, 2025. С. 36, 116, 117.

С 1 июня 2019 г. в отечественный правопорядок введены совместное завещание супругов и наследственный договор[24], однако ГК РФ не дополнен нормами о толковании указанных институтов, и по этому вопросу отсутствуют разъяснения высших судов[25].

В пункте 1 ст. 1118 ГК РФ предусмотрено, что к наследственному договору применяются правила ГК РФ о завещании, если иное не вытекает из существа наследственного договора. При этом Кодексом не регламентирована возможность применения к наследственному договору общих положений об обязательствах и общих положений о договоре (раздел III).

Толкование наследственного договора возможно не только после смерти наследодателя, но и при его жизни, если изменяется, расторгается или оспаривается наследственный договор, а также при рассмотрении судом споров по предусмотренным наследственным договором обязанностям, возникшим до открытия наследства. По нашему мнению, к наследственному договору не могут быть в полной мере применены нормы ст. 431, 1132 ГК РФ, поскольку он имеет двойственную правовую природу (распоряжение имуществом на случай смерти и договор).

Поэтому представляется целесообразным включение в ГК РФ ст. 1140.2 «Толкование наследственного договора», учитывающей природу данного договора, в частности, три способа толкования наследственного договора как в ст. 431 ГК РФ, если его толкование осуществляется при жизни наследодателя, а если после открытия наследства – два способа толкования, как в ст. 1132 ГК РФ. Кроме того, целесообразно регламентировать положения о толковании наследственного договора, в котором участвуют супруги, если совершено последующее совместное завещание супругов в отношении одного и того же имущества.

**Толкование завещания**

Как известно, при наследовании приоритет имеет воля завещателя, выраженная в завещательном распоряжении, а «правовые последствия волеизъявления завещателя наступают после его смерти, т. е. в условиях невозможности проверки и уточнения его воли»[26]. В связи с этим толкование завещания позволяет наиболее полно осуществить завещательные распоряжения и гарантированное законом право наследников на получение принадлежавших наследодателю материальных благ.

Завещание не может быть истолковано при жизни завещателя [6, с. 16]. Полагаем, что после 1 июня 2019 г. толкование завещания возможно и при жизни завещателей, если при жизни супругов по иску любого из них оспаривается совместное завещание супругов (абз. 3 п. 2 ст. 1131, абз. 4 п. 4 ст. 1118 ГК РФ).

Как отмечалось, ГК РФ содержит только одну статью, регулирующую толкование односторонних сделок, – ст. 1132, посвященную толкованию завещания[27]. Так, в соответствии с указанной статьей при толковании завещания нотариусом, исполнителем завещания или судом принимается во внимание буквальный смысл содержащихся в нем слов и выражений, а в случае неясности буквального смысла какого-либо положения завещания он устанавливается путем сопоставления этого положения с другими положениями и смыслом завещания в целом, обеспе-

[24] См.: Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 30. Ст. 4552.

[25] По мнению Д. В. Лоренца, в отношении наследственного договора суды смогут применять разъяснения Пленума № 49, если из положений ст. 1140.1 ГК РФ и существа такого договора не будет следовать иное [5, с. 125].

[26] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2024 г. № 1757-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кулаковской Юлии Александровны и Сазонова Игоря Алексеевича на нарушение их конституционных прав подпунктом 1 пункта 1, пунктами 2 и 3 статьи 1127, а также пунктами 1 и 3 статьи 1129 Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[27] Советское гражданское законодательство не предусматривало норм о толковании завещания.

чивая наиболее полное осуществление предполагаемой воли завещателя. В пункте 11.8 Методических рекомендаций по оформлению наследственных прав[28] указано, что при уяснении буквального значения (смысла) содержащихся в завещании слов и выражений устанавливается их общепринятое значение, а при толковании правовых терминов применяется их значение, данное законодателем в соответствующих правовых актах.

Как показывает правоприменительная практика, в некоторых случаях особую сложность вызывает толкование нескольких совершенных наследодателем завещаний.

*Так, внук наследодателя обратился в суд с иском к другому внуку наследодателя о признании права на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в порядке наследования. По обстоятельствам дела наследодатель составил три завещания. Нотариально удостоверенным завещанием наследодатель завещал внуку (ответчику по делу) все свое имущество, какое ко дню его смерти окажется ему принадлежащим, где бы таковое ни находилось и в чем бы оно ни заключалось, включая долю квартиры. Позднее наследодатель совершил на имя внуков еще два завещания: спорная $^1/_2$ доли в уставном капитале ООО «Альфа» и по $^1/_2$ доли в двух других ООО были завещаны истцу последующим завещанием, а ответчику это же имущество было завещано прежним завещанием. Оба завещания были удостоверены одним нотариусом в один день последовательно одно за другим, а последующее завещание не содержало прямых указаний об отмене прежнего завещания. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением, исковые требования были удовлетворены частично: за истцом было признано право собственности на долю в уставном капитале ООО «Альфа» в размере 25, а не 50%.*

*Кассационная инстанция, обоснованно отменяя вынесенные с нарушением норм материального и процессуального права акты нижестоящих судов и направляя дело на новое рассмотрение, не согласилась, в частности, с выводами судов о том, что завещатель не мог так быстро сменить свою волю, что имело место ошибочное составление нотариусом двух последовательных завещаний на разных наследников вместо одного завещания с указанием в нем обоих наследников, что истинная воля завещателя была направлена на завещание спорной доли в уставном капитале ООО обоим внукам поровну, сославшись в подтверждение выводов на то, что наследодатель на момент составления завещания не являлся владельцем спорной доли в ООО, хотя в силу ст. 1120 ГК РФ завещатель вправе распорядиться и будущим имуществом. Суд кассационной инстанции также указал, что суды не дали должной оценки доводам истца, что в соответствии со ст. 1130 ГК РФ завещание на имя ответчика было полностью отменено последующим завещанием на имя истца; не установили, противоречат ли завещания друг другу и какое из них является последующим. Кроме того, кассационный суд указал, что законодатель предусматривает возможность толкования судом завещания, если неясен буквальный смысл содержащихся в нем слов и выражений, а нижестоящие суды не указали, смысл каких конкретно содержащихся слов и выражений не ясен[29]. При новом рассмотрении дела суд признал за истцом право собственности на долю в уставном капитале ООО «Альфа» в размере 50% от уставного капитала общества в порядке наследования по завещанию[30].*

Важно отметить, что предусмотренные в ст. 1132 ГК РФ два способа толкования завещания (буквальное, или грамматическое, и систематическое) применяются только в последовательности, изложенной в данной статье.

---

[28] Методические рекомендации по оформлению наследственных прав (утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 25 марта 2019 г., протокол № 03/19). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[29] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28 сентября 2023 г. по делу № 88-21551/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[30] Решение Промышленного районного суда г. Самары от 3 апреля 2024 г. по делу № 2-642/2024. URL: https://clc.is/wyV7 (дата обращения: 30.04.2024).

*Так, отказополучатель обратился в суд с иском об обязании исполнить завещательный отказ, указав, что завещатель возложил на наследника по завещанию (ответчика) обязанность выплатить ему денежную сумму в размере 500 тыс. руб. на обучение и денежную сумму, эквивалентную стоимости однокомнатной квартиры, в случае продажи наследником указанного в завещании недвижимого имущества. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным судом, отказано в удовлетворении иска, поскольку, исходя из буквального толкования текста завещания, установленный в пользу истца завещательный отказ подлежит исполнению в случае продажи входящего в состав наследства недвижимого имущества и не возлагает на наследника обязанности по отчуждению указанного имущества, а принятое наследником недвижимое имущество не продано.*

*Истец подал кассационную жалобу об отмене вынесенных судебных актов, ссылаясь в том числе на неправильное толкование ст. 1132 ГК РФ, полагая, что суды должны были установить истинную волю завещателя, которая заключалась, по его мнению, в наделении отказополучателя определенным материальным благом. Кассационная инстанция обоснованно согласилась с выводами нижестоящих судов и оставила обжалуемые судебные акты без изменения*[31].

Аналогичные ст. 1132 ГК РФ положения содержатся в ст. 1167 Модельного ГК СНГ[32], ст. 1210 ГК Республики Армения, ст. 1051 ГК Республики Беларусь, ст. 1055 ГК Республики Казахстан[33], ст. 1136 ГК Кыргызской Республики[34], ст. 1267 ГК Республики Таджикистан, ст. 1129 ГК Республики Узбекистан[35].

В пункте 3 ст. 1267 ГК Республики Таджикистан и ст. 1353 ГК Грузии предусмотрено положение, отсутствующее в ГК РФ и названных выше кодексах: если завещатель определил наследника такими признаками, которые подойдут нескольким лицам, и невозможно определить, кого из них имел в виду завещатель, все они считаются наследниками.

Законодательство некоторых стран не содержит специальных норм о толковании завещания. Например, в ГК Туркменистана закреплена ст. 77 «Толкование волеизъявления», согласно которой при толковании волеизъявления необходимо следовать действительной воле, не придерживаясь при этом буквального смысла выражений. Данная статья, относящаяся не только к завещанию, аналогична по наименованию и содержанию § 133 ГГУ[36]. Сходна по содержанию и ст. 52 ГК Грузии «Толкование выражения воли».

Республика Молдова также относится к числу стран с подробным правовым регулированием наследственного права, включая толкование завещания. Так, в ГК Республики Молдова[37] толкование завещания урегулировано несколькими статьями: ст. 2203 «Неоднозначное определение назначаемых наследников» (аналогична по содержанию п. 3 ст. 1267 ГК Республики Таджикистан); ст. 2213 «Толкование завещательного распоряжения»; ст. 2240 «Общие правила толкования назначения»; ст. 2287 «Правило толкования освобождения». В частности, согласно

---

[31] Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 24 мая 2022 г. по делу № 88-9075/2022.

[32] Гражданский кодекс. Модель. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств. Часть третья (принят в г. Санкт-Петербурге 17 февраля 1996 г. на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ). URL: https://clc.is/4NyL (дата обращения: 12.04.2024).

[33] Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. № 409-I. URL: https://clc.is/OrY2 (дата обращения: 12.04.2024).

[34] Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 5 января 1998 г. № 1 (Ч. II). URL: https://clc.is/Z9Ar (дата обращения: 12.04.2024).

[35] Гражданский кодекс Республики Узбекистан. Часть вторая (утв. Законом Республики Узбекистан от 29 августа 1996 г. № 256-I). URL: https://clc.is/kPEm (дата обращения: 12.04.2024).

[36] Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). URL: https://clc.is/qB3l (дата обращения: 11.04.2024).

[37] Гражданский кодекс Республики Молдова (Книга четвертая. Наследственное право) от 6 июня 2002 г. № 1107-XV. URL: https://clc.is/mJYo (дата обращения: 12.04.2024).

ч. 1 ст. 2213 завещание толкуется в соответствии с действительным волеизъявлением завещателя. В соответствии с ч. 2 указанной статьи, воспроизводящей положения § 2084 ГГУ, если содержание завещательного распоряжения допускает различное толкование, действует приоритет в пользу толкования, при котором распоряжение может быть исполнено.

Интересной представляется ч. 3 ст. 2213 ГК Республики Молдова, согласно которой в случае необходимости ведущий наследственное производство нотариус вправе запросить вынесение судебного решения о толковании завещательного распоряжения. Полагаем, что ГК РФ не содержит аналогичную норму, поскольку по российскому законодательству нотариус относится к субъектам толкования завещания. Если же наследники не согласны с толкованием завещания нотариусом, признание их права на наследство по такому завещанию осуществляется в судебном порядке (п. 11.8 Методических рекомендаций № 03/19). Представляется, такой порядок возможен и в случае различного толкования завещания наследниками и исполнителем завещания.

Н. В. Степанюк предлагает «…закрепить за сторонами право обратиться в суд исключительно с требованием о толковании… любой сделки» [3, с. 8, 17].

М. С. Абраменков обращает внимание на невозможность «…возбудить отдельное производство по делу о толковании завещания, обособленное от производства по иску о праве на наследство» [7, с. 6].

*Например, наследник заявил иск о признании права собственности на квартиру по завещанию, поскольку нотариус разъяснил ему необходимость обратиться в суд для толкования содержания завещания и установления наследственной массы, входящей в наследство по закону и по завещанию[38].*

Однако есть производства по требованиям только о толковании завещания.

*Гражданин обратился в суд с иском к нотариусу о толковании завещания, но в удовлетворении требования было отказано, поскольку суд не установил убедительных доказательств намерений наследодателя распорядиться в пользу наследника принадлежащей ему долей квартиры[39].*
*По другому делу наследник обратился в суд с заявлением об установлении правильного толкования завещания (дело особого производства). Суд первой инстанции удовлетворил требование наследника. Апелляционная инстанция отменила решение, приняв по делу новое решение об отказе в удовлетворении заявления, указав, что воля наследодателя в завещании выражена четко[40].*

Таким образом, в отечественном и некоторых рассмотренных зарубежных правопорядках установлен приоритет буквального толкования завещания, согласно которому принимается во внимание в первую очередь буквальный смысл содержащихся в завещании слов и выражений.

Следует отметить, что общим в российском правовом регулировании толкования договора и толкования завещания является закрепленный в ГК РФ приоритет буквального толкования. Вместе с тем нормы российского законодательства о толковании договора и завещания неидентичны. Можно выделить следующие основные различия. Во-первых, они касаются указанных в законе субъектов толкования сделки: толковать договор вправе суд, а завещание – нотариус, исполнитель завещания (душеприказчик), суд.

*Так, суд кассационной инстанции отклонил доводы кассационной жалобы истца (ответчика по встречному иску) С. Л. Ф. о неправильном толковании завещания судом, согласившись с выводом суда пер-*

[38] Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 21 марта 2024 г. № 8Г-1782/2024 (88-2661/2024). URL: https://clc.is/AEw0 (дата обращения: 27.04.2024).

[39] Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15 апреля 2021 г. № 88-2102/2021 по делу № 2-348/2020. URL: https://clc.is/Lo2X (дата обращения: 27.04.2024).

[40] Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Вологодского областного суда от 8 февраля 2013 г. № 33-496/2013. URL: https://clc.is/b7GZ (дата обращения: 27.04.2024).

*вой инстанции о том, что буквальный смысл содержащихся в завещании слов «из принадлежавшего мне имущества долю в праве на земельный участок завещаю С. Л. Б.» заключается в завещании указанного имущества назначенному им наследнику – ответчику (истцу по встречному иску) С. Л. Б.*[41]

Во-вторых, законодатель предусмотрел, что при толковании договора устанавливают *действительную общую волю* сторон договора, а при толковании завещания – *предполагаемую волю* завещателя. В юридической литературе критикуется положение ГК РФ об обеспечении при толковании завещания предполагаемой, а не действительной (подлинной, точной) воли завещателя [7, с. 7; 8, с. 31]. Некоторые авторы считают, что приоритетным при толковании завещания должен быть учет истинной воли завещателя [9, с. 116; 10, с. 10, 14], как в некоторых зарубежных правопорядках. Как отмечалось, согласно, например, ст. 2213 ГК Республики Молдова завещание толкуется в соответствии с действительным волеизъявлением завещателя.

В-третьих, в ст. 1132 ГК РФ предусмотрено два (буквальный, систематический), а в ст. 431 ГК РФ – три (буквальный, систематический, «исторический») способа толкования [11, с. 42]. Согласно ч. 2 ст. 431 ГК РФ, если буквальное и систематическое толкование не позволяет определить содержание договора, то суд принимает во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон. Что касается субъектов толкования завещания, то они не вправе выйти за рамки завещания для установления смысла завещания.

*Так, суд первой инстанции частично удовлетворил первоначальный иск сына и полностью – встречный иск дочери завещателя, отклонив довод истца о том, что составленным в его пользу последующим завещанием полностью отменено предыдущее завещание, составленное в пользу его сестры. Суд указал, что при толковании нотариусом буквального смысла завещаний неясностей не возникло, спорная квартира завещана обоим наследникам, иного толкования буквальный смысл оспариваемого им завещание не допускает*[42].

Кроме того, согласно п. 11.8 Методических рекомендаций № 03/19 закон не предоставляет нотариусу права использовать для выяснения истинной воли завещателя другие, кроме завещания, документы, например письма завещателя, его дневники и т. п.

М. Ю. Бурдуков и М. В. Бандо предлагают использовать при толковании завещания любые внешние источники информации [10, с. 14], а С. Ю. Болонин – «…все обстоятельства, факты, либо вещественные доказательства, которые в той или иной мере связаны с выражением воли завещателя: личные письма, личное отношение к возможным наследникам и т. д.» [9, с. 116]. Такие доказательства допускаются в некоторых зарубежных правопорядках. Так, Е. Ю. Петров отмечает, что в Англии с 1983 г. при толковании завещания «…допускаются прямые внешние доказательства (direct extrinsic evidence), такие как письма и дневники завещателя, свидетельские показания солиситора, готовившего проект завещания» [12, с. 150].

По мнению Г. Г. Черемных, «иные, помимо завещания, материалы, могут быть приняты во внимание судом исключительно в тех случаях, когда необходимо установить особенности письменной речи завещателя»[43]. Однако, как верно отмечает С. А. Смирнов, в действующем российском законодательстве закреплен «приоритет “буквы” завещания, но не “намерений” завещателя» [13, с. 11].

---

[41] Кассационное определение Белгородского областного суда от 1 ноября 2011 г. по делу № 33-3993. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[42] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 декабря 2023 г. № 88-35396/2023. URL: https://clc.is/NyPb (дата обращения: 30.04.2024).

[43] *Черемных Г. Г.* Наследственное право России : учеб. М. : Эксмо, 2009. С. 172.

М. С. Абраменков обоснованно утверждает, что при толковании завещания никакие другие документы, кроме завещания, в частности переписка, дневники, сохранившиеся наброски, варианты проекта завещания, не могут быть использованы для выводов о смысле завещания [7, с. 6].

Мы разделяем позицию авторов, считающих, что толкование завещания не только на основании текста завещания недопустимо, поскольку это противоречит нормам действующего российского законодательства. В частности, необоснованна практика толкования завещания на основании свидетельских показаний о намерениях завещателя. Однако судебная практика по данному дискуссионному вопросу не единообразна.

*Так, в ранее упомянутом кассационном определении Белгородского областного суда от 1 ноября 2011 г. по делу № 33-3993 обоснованно указано, что ст. 1132 ГК РФ не допускает привлечения свидетелей для установления буквального смысла содержащихся в завещании слов и выражений.*

*В рамках другого дела апелляционный суд, отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в иске, указал на недопустимость использования свидетельских показаний при толковании завещания, а также на то, что воля наследодателя в завещании выражена четко, в связи с чем оснований для толкования завещания иным способом не имелось[44].*

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что при установлении предполагаемой воли завещателя суды не всегда ограничиваются исследованием текста завещания.

*Так, суд отказал наследнику седьмой очереди по закону в иске о признании права собственности на долю в квартире и удовлетворил встречный иск наследника по завещанию о признании права собственности на всю квартиру. Наследник по завещанию полагала, что имеет право на всю спорную квартиру, поскольку в завещании не указан размер доли завещанной квартиры, а на момент открытия наследства доля завещателя составляла сто процентов. Суд первой инстанции пришел к выводу, с которым согласилась апелляционная инстанция, что буквальное толкование содержащихся в завещании слов «из принадлежащего мне имущества принадлежащую мне долю квартиры, расположенной по адресу… я завещаю А. О.» означает, что она полностью завещала квартиру ответчику А. О. Апелляционный суд также указал, что из показаний свидетелей, допрошенных судом первой инстанции, следует, что завещатель не намеревалась завещать квартиру в пользу падчерицы[45].*

На наш взгляд, в данном споре смысл завещания был установлен судами на основании не только текста толкуемого завещания, но и свидетельских показаний, письменных доказательств, исходя из которых был сделан вывод, что наследодатель сделала завещательное распоряжение относительно всей квартиры, поскольку на момент составленного после смерти супруга завещания она фактически приняла наследство в виде принадлежавшей ему доли спорной квартиры.

Таким образом, одним из актуальных вопросов толкования завещания является вопрос, возможно ли наделить субъектов толкования завещания при установлении предполагаемой воли завещателя полномочиями принимать во внимание соответствующие обстоятельства, как установлено в ч. 2 ст. 431 ГК РФ. Если да, то наделить ли ими всех указанных в законе субъектов толкования завещания (нотариус, душеприказчик, суд) или не всех, а также все или не все соответствующие обстоятельства принимать во внимание.

---

[44] См. апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Вологодского областного суда от 8 февраля 2013 г. № 33-496/2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[45] Определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 16 октября 2014 г. № 33-15679/2014. URL: https://clc.is/wyV6 (дата обращения: 28.04.2024).

А. М. Эрделевский считает целесообразным изменить ст. 1132 ГК РФ, расширив полномочия суда в области толкования завещания «за счет возможности применения исторического способа толкования» [11, с. 42], т. е. наделить такими полномочиями суд, но не нотариуса и исполнителя завещания.

Думается, если и наделить такими полномочиями суд, внеся соответствующие коррективы в закон, как предлагает А. М. Эрделевский, то следует предусмотреть в случае сохраняющейся неясности завещания принятие во внимание судом только правоустанавливающих документов, относящихся к наследственному имуществу на момент совершения завещания, но не свидетельских показаний, дневников завещателя, проектов завещания и иных подобных обстоятельств, поскольку намерения завещателя не могут быть основой толкования завещания по действующему российскому законодательству и не должны быть таковыми. Однако, на наш взгляд, целесообразнее предусмотреть в ст. 1132 ГК РФ положение о том, что, если правила частей первой и второй данной статьи не позволяют определить буквальный смысл какого-либо положения завещания, оно признается ненаписанным.

**Заключение**

Таким образом, Российская Федерация не относится к странам с подробным правовым регулированием толкования гражданско-правовых сделок. Российские и зарубежные нормы права о толковании сделок имеют как сходство, так и различия. Так, в отечественном и некоторых зарубежных правопорядках (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан) установлен приоритет буквального толкования договора и завещания; в отличие от российского законодательства метод (правило) contra proferentem закреплен в гражданском законодательстве Грузии, Испании, Молдавии, Туркменистана, что полагаем целесообразным. Нормы российского законодательства о толковании договора и завещания неидентичны – основные различия состоят в субъектах (субъекты толкования завещания шире субъектов толкования договора) и способах толкования (способов толкования договора три, а толкования завещания – два). Кроме того, в ГК РФ отсутствуют предписания о толковании волеизъявления стороны односторонней сделки, но такие положения содержатся, например, в ГГУ, ГК Грузии, ГК Туркменистана.

Рассмотрев некоторые дискуссионные вопросы о толковании сделок, доктринальные позиции по ним и актуальную правоприменительную практику, автор пришел к выводам о необходимости дальнейших исследований в данной сфере, совершенствования практики применения. Обоснована целесообразность дополнения ст. 1132 ГК РФ положением о том, что, если правила частей первой и второй данной статьи не позволяют определить буквальный смысл какого-либо положения завещания, оно признается ненаписанным, включения в ГК РФ статьи о толковании односторонних сделок и ст. 1140.2 «Толкование наследственного договора», учитывающей двойственную правовую природу данного договора, в частности, три способа толкования наследственного договора, как в ст. 431 ГК РФ, если его толкование осуществляется при жизни наследодателя, а если после открытия наследства – два способа толкования, как в ст. 1132 ГК РФ. Кроме того, сделан вывод о целесообразности регламентировать положения о толковании наследственного договора, в котором участвуют супруги, если ими совершено последующее совместное завещание в отношении одного и того же имущества.

**Список источников**

1. Кирпичев А. Е., Кондратьев В. А. Буквальное толкование договора судом и квалификация опечаток в тексте договора // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 2. С. 31–38.

2. Байрамкулов А. К. Особенности толкования договора в российском гражданском праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 22 с.

3. Степанюк Н. В. Толкование гражданско-правового договора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 30 с.

4. Белых В. С. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование : моногр. М. : Проспект, 2017. 208 с.

5. Лоренц Д. В. Наследственный договор: подход континентального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 105–129.

6. Гаврилов В. Н. Особенности нотариально удостоверенного завещания // Нотариус. 2010. № 4. С. 14–20.

7. Абраменков М. С. Толкование и исполнение завещания // Наследственное право. 2011. № 2. С. 5–10.

8. Слободян С. А. Правовой порядок толкования завещания // Гражданин и право. 2017. № 1. С. 23–39.

9. Болонин С. Ю. Особенности правотолкования при автономном индивидуально-правовом регулировании // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 2. С. 112–116.

10. Бурдуков М. Ю., Бандо М. В. Проблемы толкования односторонних сделок в российском правопорядке // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 2 (23). С. 10–15.

11. Эрделевский А. М. Об обеспечении нотариусом осуществления воли завещателя // Нотариус. 2016. № 1. С. 41–42.

12. Петров Е. Ю. Толкование завещания. Перспективы развития российского наследственного права // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17, № 2. С. 147–157.

13. Смирнов С. А. «Не буквальное» толкование завещания судом: казусы из практики // Нотариус. 2018. № 1. С. 7–11.

**References**

1. Kirpichev A. E., Kondratyev V. A. Literal interpretation of the contract by the court and qualification of the overprints in the text of the contract. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga = Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District.* 2019;(2):31-38. (In Russ.)

2. Bayramkulov A. K. *Features of the interpretation of the contract in Russian civil law*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2015. 22 p. (In Russ.)

3. Stepanyuk N. V. *Interpretation of civil law contract*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2008. 30 p. (In Russ.)

4. Belykh V. S. *Contract law of England: a comparative legal study.* Monograph. Moscow: Prospekt; 2017. 208 p. (In Russ.)

5. Lorents D. V. Inheritance contract: a continental law approach. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2020;(2):105-129. (In Russ.)

6. Gavrilov V. N. Features of a notarized will. *Notary.* 2010;(4):14-20. (In Russ.)

7. Abramenkov M. S. Interpretation and execution of the will. *Inheritance Law.* 2011;(2):5-10. (In Russ.)

8. Slobodyan S. A. Legal order of the interpretation of the will. *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law.* 2017;(1):23-39. (In Russ.)

9. Bolonin S. Yu. Features of legal interpretation in autonomous individual-legal regulation. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Current Problems of Economics and Law.* 2010;(2):112-116. (In Russ.)

10. Burdukov M. Yu., Bando M. V. Problems of interpretation of unilateral transactionsin Russian legal order. *Ural Journal of Legal Research.* 2023;(2):10-15. (In Russ.)

11. Erdelevsky A. M. On notarial support of implementing the testator's will. *Notary*. 2016;(1):41-42. (In Russ.)

12. Petrov E. Yu. Construction of will. Development prospects of inheritance law in the Russian Federation. *Civil Law Riview.* 2017;17(2):147-157. (In Russ.)

13. Smirnov S. A. Liberal interpretation of a will by court: exceptional cases from practice. *Notary*. 2018;(1):7-11. (In Russ.)

**Информация об авторе**

А. М. Гаврилова – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права.

**Information about the author**

A. M. Gavrilova – Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Civil Law Department.

**Конфликт интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Conflict of interests**

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 22.08.2025; одобрена после рецензирования 03.09.2025; принята к публикации 25.12.2025.

The article was submitted 22.08.2025; approved after reviewing 03.09.2025; accepted for publication 25.12.2025.

Российское правосудие. 2026. № 3. С. 60–69
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 3. P. 60–69
УДК 347.9 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.3.60-69
Научная статья

# Обязательные примирительные процедуры в арбитражном процессе: на пути к снижению судебной нагрузки

**Полина Александровна Горшкова**
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация, pgalawyer@mail.ru

**Аннотация.** Высокая судебная нагрузка на арбитражные суды Российской Федерации негативным образом сказывается на деятельности судов, эффективности и своевременности рассмотрения правового спора. Институт примирительных процедур является действенным средством снижения судебной нагрузки, однако рассмотренные показатели статистики указывают на неэффективность существующего механизма.
Цель работы заключается в формировании возможной модели обязательных примирительных процедур в арбитражном процессе для снижения судебной нагрузки.
В работе были использованы статистический метод, сравнительно-правовой метод, метод диалектического конструирования.
Проанализирована возможность использования примирительных процедур в качестве обязательного досудебного этапа в арбитражном судопроизводстве в целях снижения судебной нагрузки. Рассмотрен зарубежный опыт использования указанного механизма. Описаны основные возможные риски для участников правового спора. Проанализированы преимущества примирительных процедур. Предложены категории споров, для которых следует предусмотреть обязательные примирительные процедуры. Изучена возможность использовать искусственный интеллект в целях примирения сторон.
Примирительные процедуры в арбитражном процессе способны не только снизить судебную нагрузку, но и сэкономить материальные ресурсы сторон. Обязательные примирительные процедуры могут стать действенным механизмом снижения судебной нагрузки. Однако неминуемо будет затронут основной принцип примирительных процедур – добровольность.
В качестве категорий дел, для которых следует установить обязательный досудебный порядок обращения к процедурам примирения перед обращением в суд, выступают споры, вытекающие из договора. Стороны не должны быть ограничены в выборе примирительных процедур. Вопрос финансирования примирительных процедур зависит от конкретного вида процедуры, к которому решили прибегнуть стороны. Также стоит рассмотреть вопрос использования искусственного интеллекта в целях примирения сторон, урегулирования возникших разногласий, составления проекта соглашения.

**Ключевые слова:** примирительные процедуры в арбитражном процессе, медиация, судебное примирение, переговоры, снижение судебной нагрузки, принцип добровольности примирительных процедур

**Для цитирования:** Горшкова П. А. Обязательные примирительные процедуры в арбитражном процессе: на пути к снижению судебной нагрузки // Российское правосудие. 2026. № 3. С. 60–69. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.60-69.

© Горшкова П. А., 2026

Original article

**Mandatory Conciliation Procedures in the Arbitration Process: Towards Reducing the Judicial Burden**

**Polina A. Gorshkova**

Perm State National Research University, Perm, Russian Federation, pgalawyer@mail.ru

**Abstract.** The high judicial burden on the arbitration courts of the Russian Federation has a negative impact on the activities of the courts, the effectiveness and timeliness of the consideration of a legal dispute. The institution of conciliation procedures is an effective means of reducing the judicial burden, however, the statistical indicators considered indicate the inefficiency of the existing mechanism.
The purpose of the work is to form a possible model of mandatory conciliation procedures in the arbitration process in order to reduce the judicial burden.
The statistical method, the comparative legal method, and the method of dialectical construction were used in the work.
The possibility of using conciliation procedures as a mandatory pre-trial stage in arbitration proceedings in order to reduce the judicial burden is analyzed. The foreign experience of using this mechanism is considered. The main possible risks for participants in a legal dispute are described. The advantages of conciliation procedures are analyzed. The categories of disputes for which mandatory conciliation procedures should be provided are proposed. The possibility of using artificial intelligence in order to reconcile the parties has been studied.
Conciliation procedures in the arbitration process can not only reduce the judicial burden, but also save the material resources of the parties. Mandatory conciliation procedures can become an effective mechanism for reducing the judicial burden. However, the basic principle of conciliation procedures – voluntariness – will inevitably be affected.
Disputes arising from the contract act as categories of cases for which a mandatory pre-trial procedure should be established for applying to reconciliation procedures before going to court. The parties should not be limited in the choice of conciliation procedures. The issue of financing conciliation procedures depends on the specific type of procedure that the parties have decided to resort to. It is also worth considering the use of artificial intelligence in order to reconcile the parties, resolve differences that have arisen, and draft an agreement.

**Keywords:** conciliation procedures in the arbitration process, mediation, judicial reconciliation, negotiations, reduction of the judicial burden, the principle of voluntary conciliation procedures

**For citation:** Gorshkova P. A. Mandatory conciliation procedures in the arbitration process: towards reducing the judicial burden. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(3):60-69. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.60-69.

**Согласно данным, представленным Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, в 2024 г. количество поступивших исковых заявлений (заявлений) в арбитражные суды Российской Федерации составило 2 065 683 (+1,67% по сравнению с 2023 г.), тогда как в 2020 г. количество составляло 1 764 745 поступивших исковых заявлений (заявлений)[1]. Рост количества рассматриваемых дел неизбежно увеличивает нагрузку на судей. В 2024 году нагрузка дел на судью в Арбитражном суде Пермского края в месяц составила 153,6 рассмотренных дела[2] (при оптимальном количестве 16 дел в месяц)[3].**

Нельзя не согласиться с тем, что высокая загруженность судей негативным образом сказывается на качестве рассмотрения отдельного спора, времени его рассмотрения, снижает эффективность правосудия в целом.

---

[1] Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 18.01.2026).

[2] Сведения о работе Арбитражного суда Пермского края за 2024 год // Rutube. URL: https://rutube.ru/video/e890729097c65c024969feb0bb0fc9f9/ (дата обращения: 18.01.2026).

[3] Нагрузка на судей арбитража Пермского края почти в 7 раз превышает норму // РБК. URL: https://perm.rbc.ru/perm/freenews/6214a2e09a79478ead99a33d#:~:text= (дата обращения: 01.10.2024).

Институт примирения является действенным средством снижения судебной нагрузки. Между тем примирительные процедуры не пользуются большим спросом. Количество заключенных мировых соглашений в 2024 г. составило 35 353[4]. Указанный показатель является катастрофически низким.

Тенденция роста судебной нагрузки на арбитражные суды Российской Федерации заставляет задуматься о необходимости реформирования действующих механизмов снижения. Рассмотренные показатели статистики указывают на существующую проблему судебной нагрузки и неэффективность примирительных процедур как правового средства ее снижения.

**Преимущества использования примирительных процедур**

Использование примирительных процедур способно не только снизить судебную нагрузку, но и сэкономить временны́е и материальные ресурсы сторон.

В частности, заключение мирового соглашения служит основанием для возврата государственной пошлины (ст. 333.40 НК РФ). Более того, лица, участвующие в деле, сэкономят на иных судебных расходах (например, представительских).

Главным преимуществом примирительных процедур для сторон остается предсказуемость исхода правового спора. Стороны приходят к компромиссу. Предприниматели смогут сохранить деловые отношения для дальнейшего сотрудничества.

Однако, несмотря на выгоды для сторон, примирительные процедуры не пользуются популярностью. Отметим, что существующие финансовые выгоды для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, не способны, на наш взгляд, вызвать достаточный спрос в использовании примирительных процедур.

Между тем с учетом недавнего повышения размера государственной пошлины тенденция может измениться. Так, с 9 сентября 2024 г. государственная пошлина по имущественным спорам до 100 000 руб. составляет 10 000 руб., до указанных изменений размер составил бы 4% цены иска, но не менее 2000 руб. Насколько будет оптимальным размер государственной пошлины для субъектов предпринимательской деятельности, чтобы обратиться к альтернативным формам рассмотрения дела, а не в суд, покажет время.

Думается, увеличение суммы государственной пошлины не способно в полной мере снизить судебную нагрузку. В целях сохранения разумной судебной нагрузки на арбитражные суды механизмы ее снижения должны действовать в совокупности.

**Обязательная медиация в силу договора**

В доктрине на протяжении нескольких лет рассматривается вопрос использования примирительных процедур в качестве обязательного досудебного этапа. Действующее законодательство уже содержит возможность принятия на себя обязательства обращения к процедуре медиации перед инициированием судебного разбирательства.

Так, стороны имеют право заключить соглашение о применении медиации (п. 5 ст. 2 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[5] (далее – Закон о медиации). Вместе с тем на практике такое соглашение не препятствует стороне сразу обратиться в суд.

Часть 5 ст. 4 АПК РФ устанавливает обязанность соблюдения досудебного порядка урегулирования по гражданско-правовым спорам, возникшим из сделок, неосновательного обо-

[4] Данные судебной статистики. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 18.01.2026).

[5] Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета. 2010. 30 июля.

гащения, а также для иных споров, если такой порядок предусмотрен законом или договором.

Согласно абз. 4 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства»[6] медиация становится обязательным досудебным урегулированием спора в случае, если стороны заключили соглашение о применении процедуры медиации и в течение оговоренного для ее проведения срока обязались не обращаться в суд.

Между тем согласно п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ возвращению подлежит исковое заявление в случае несоблюдения досудебного порядка урегулирования, если такой порядок является **обязательным в силу закона**.

На основании п. 1 ст. 4 Закона о медиации суд или третейский суд признает силу обязательства не обращаться за судебной защитой, если стороны заключили соглашение о медиации, до тех пор, пока условия этого обязательства не будут выполнены, за исключением случая, если одной из сторон необходимо, по ее мнению, защитить свои права.

Систематическое толкование норм указывает на возможность лица уклониться от проведения процедуры медиации, даже если было заключено соглашение о применении процедуры медиации. Нормы АПК РФ предусматривают основания для возвращения, только если досудебный порядок является обязательным в силу закона, а нормы Закона о медиации в то же время содержат расплывчатую оговорку «если одной из сторон необходимо, по ее мнению, защитить свои права».

Думается, в целях необходимости добросовестного исполнения принятого стороной на себя обязательства обращения к процедуре медиации следует внести изменения в действующее законодательство. А именно: дополнить п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ словами «или договора». Исключить из ст. 4 Закона о медиации формулировку «по ее мнению». Доработки требует и ст. 7 Закона о медиации, а именно: следует исключить п. 3 ст. 7 Закона о медиации, дабы не противоречить ст. 4 этого Закона. Только тогда добросовестная сторона сможет защитить условия соглашения о медиации путем пресечения действий недобросовестной стороны. О. А. Кузнецова под пресечением действий, нарушающих право, понимает оперативное требование управомоченного лица о немедленном и окончательном прекращении совершаемого действия, нарушающего право или создающего угрозу его нарушения, имеющее целью восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение правонарушения [1, с. 69].

Так, сторона может указать суду на наличие оснований для возвращения искового заявления или оставления заявления без рассмотрения.

**Принцип добровольности примирительных процедур**

Одним из принципов примирительных процедур в цивилистическом судопроизводстве Российской Федерации является их добровольность, что в полной мере не коррелирует с введением обязательных примирительных процедур. Однако отступление от указанного принципа, на наш взгляд, возможно при соблюдении ряда условий, которые обеспечат права участников судопроизводства.

Обязательность примирительных процедур должна быть распространена лишь на часть экономических споров, которые рассматриваются в арбитражных судах, а именно на споры, вытекающие из договора, о чем речь пойдет позже.

Стороны при выборе примирительных процедур не могут быть ограничены видом примирительных процедур. Статья 138.2 АПК РФ предусматривает *открытый перечень возможных процедур примирения*. В силу этого очевидно, что стороны могут обратиться к примирительным

[6] Российская газета. 2021. 2 июля.

процедурам, которые неизвестны российскому законодательству (мини-суд, независимая экспертиза по установлению фактических обстоятельств дела).

Отметим, что ограничивать стороны в результате процедуры примирения также не стоит. Для достижения цели эффективности результата примирительных процедур, на наш взгляд, законодателю следует обратить внимание на недостатки медиативного соглашения.

Медиативное соглашение может лишь косвенным образом быть связано со спорным правоотношением [2, с. 75] в отличие от мирового соглашения. Наряду с этим суд по итогам проведения процедуры медиации (если дело уже находится на стадии судебного разбирательства) утверждает именно мировое соглашение. Гибкость условий медиативного соглашения не согласуется с требованиями закона к мировому соглашению.

Более того, суды зачастую отказывают в принудительном исполнении условий медиативного соглашения. Например, истцам отказывают в принудительном исполнении медиативного соглашения в части обязательства заключить договор, отмечая добровольный характер исполнения условий медиативного соглашения[7].

Несомненно, указанная проблема должна найти свое разрешение перед тем, как закрепить в законе обязательные примирительные процедуры, иначе эффективность использования института примирения будет значительно ниже ожидаемой.

**Опыт других стран**

Зарубежному законодательству известны обязательные примирительные процедуры. Например, в Италии и Турции действует институт обязательной медиации для отдельных категорий гражданско-правовых споров. Сторонам перед обращением в суд необходимо использовать процедуру медиации.

С. А. Алексеева в ходе анализа судебной медиации в *Турции*, где обязательные примирительные процедуры предусмотрены для трудовых споров, отмечает, что законодатель Турции планирует расширить действие обязательной медиации также на семейные споры. Автор освещает существующую проблему обращения работодателей к одному и тому же медиатору, что ставит под вопрос беспристрастность посредника [3, с. 48].

В *Италии* в рамках процедуры медиации рассматривается около 8% споров, основу составляют споры в сфере банковского права и жилищно-правовые споры. Однако в Италии действует несколько вариаций медиации: добровольная, обязательная (досудебная) в силу закона или по соглашению сторон, назначенная судом.

В качестве основных особенностей медиации в Италии в литературе отмечают:

• обязательное участие юристов-представителей;

• личное присутствие сторон, несмотря на наличие представителей;

• срок процедуры, по общему правилу составляющий 3 месяца;

• ставки оплаты услуг медиатора, которые устанавливаются законом;

• территориальное расположение организации, проводящей медиацию, там же, где находится компетентный суд;

• возможность принудительного исполнения медиативного соглашения (если медиация является обязательной в силу закона) [4, с. 59].

Отметим, что заимствование особенностей Италии в реалиях арбитражного процесса России нецелесообразно. В России процедура медиации носит достаточно гибкий характер, большую часть условий порядка проведения процедуры устанавливают сами стороны. Именно диспозитивность процедуры отличает медиацию от судебного примирения. Стороны правового

[7] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 24 декабря 2018 г. по делу № А33-4382/2018, постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28 февраля 2019 г. № Ф02-376/2019 по делу № А33-9996/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

спора – профессиональные участники рыночных отношений. В таком случае обязательно личное присутствие, несмотря на наличие представителей, обязательное участие юристов-представителей излишне.

Интересен также опыт *Германии*, где обязательные примирительные процедуры просуществовали с начала XX в. по 1944 г., затем были отменены в связи с тем, что необходимость примирения закрепилась в сознании общества [5, с. 51].

Вероятно, обязательные примирительные процедуры в России будут носить также временный характер, если в правовой культуре общества закрепится необходимость использования альтернативных форм рассмотрения спора.

Несмотря на то что рассмотренные примеры относятся в большей мере к гражданскому процессу, удачный опыт их использования непрофессиональными субъектами экономических отношений указывает на возможность применения обязательных процедур в арбитражном процессе, где стороной выступает участник рыночных отношений, профессиональное лицо. Использование обязательных процедур первоначально в арбитражном процессе позволит уменьшить негативные последствия при выработке оптимальной модели обязательных примирительных процедур в цивилистическом процессе в целом.

**Обязательные примирительные процедуры в современных российских реалиях**

Порядок реализации обязательных примирительных процедур в арбитражном процессе представляется нам следующим. Сторона, являющаяся предполагаемым заявителем по делу, должна направить предложение предполагаемому ответчику провести процедуру примирения и предоставить варианты процедур примирения в целях обеспечения права противоположной стороны на выбор процедуры.

Если предложение заявителя останется без ответа или же заявитель получит отказ в проведении процедуры примирения в течение 30 календарных дней, так же как и в ситуации обязательного претензионного порядка, обязанность обращения к процедурам примирения будет считаться соблюденной. В качестве санкции для ответчика следует предусмотреть право суда отнести судебные расходы на сторону вне зависимости от исхода дела.

В качестве доказательств того, что обязательная примирительная процедура была соблюдена, заявитель должен приложить к исковому заявлению доказательства соблюдения указанной обязанности (п. 7.1 ч. 1 ст. 126 АПК РФ).

Возникает вопрос организации судебного примирения до обращения в суд. Процедура судебного примирения в настоящий момент может быть осуществлена, только если дело уже находится на стадии судебного разбирательства. В случае введения обязательных примирительных процедур возможно несколько вариантов реформирования процедуры.

1. Сторона или стороны совместно должны заявить ходатайство в арбитражный суд, соответствующий подсудности спора, о желании провести процедуру судебного примирения перед обращением в суд. Возможность заявления ходатайства и порядок его разрешения необходимо закрепить в АПК РФ.

2. Возможность обращения к процедуре судебного примирения сохраняется только после инициирования судебного разбирательства, что, в свою очередь, сократит выбор примирительных процедур перед обращением в суд.

В целях снижения судебной нагрузки стоит обратить внимание на предложение В. В. Яркова и И. Г. Ренца по развитию нотариальной медиации и внедрению процедуры медиации в деятельность нотариуса. Как справедливо подчеркивают авторы, нотариус в своей деятельности, как и медиатор, соблюдает принципы конфиденциальности и независимости [6, с. 15]. В случае обязательных примирительных процедур будет целесообразно реализовать указанное предложение, предусмотрев при этом право нотариуса использовать медиацию в своей профессиональной деятельности. Вместе с тем образовательным учреждениям следует разра-

ботать курсы повышения квалификации для нотариусов, желающих внедрить в свою работу медиацию.

На наш взгляд, наиболее эффективными обязательные примирительные процедуры были бы при рассмотрении споров, вытекающих из договора (расторжение договора, изменение его условий, взыскание неустойки, убытков и т. д.). Объясняется предложенное следующим.

1. Стороны сделки добровольно вступили в договорные отношения. Принцип свободы договора, закрепленный в ст. 421 ГК РФ, распространяется не только на содержательные элементы заключаемого соглашения, но и на право вступить в правоотношения, право выбора контрагента. Было бы несправедливо распространять обязательные примирительные процедуры на отношения, в которых лицо не имело возможности выбора противоположной стороны.

2. Преимущества примирительных процедур в договорных отношениях очевидны: стороны экономят на государственной пошлине (государственная пошлина в договорных спорах обычно выше, нежели в спорах, возникающих из неимущественных отношений), способны сохранить деловые отношения, стороны не зависят от публичного интереса при поиске оптимального итога разрешения конфликта.

**Финансирование обязательных примирительных процедур**

А. И. Зайцев обращает внимание на разрешение вопроса распределения издержек в случае обязательных примирительных процедур. Автор отмечает, что, если стороны самостоятельно будут нести расходы, сложится ситуация, при которой ответчик не будет добровольно уплачивать издержки, а истцу придется инициировать рассмотрение указанного спора в суде [7, с. 59].

Думается, указанный вопрос следует разрешить следующим способом. Если стороны будут использовать процедуру медиации в отсутствие медиативной оговорки и медиативного соглашения, в которых обычно урегулирован вопрос издержек, оплату услуг медиатора при неблагоприятном исходе разрешения спора должно взять на себя лицо, выдвинувшее кандидатуру медиатора. Вместе с тем стороны могут беспрепятственно обратиться в суд и взыскать издержки по оплате услуг медиатора в качестве судебных расходов.

В случаях, когда законом либо договором предусмотрен претензионный или иной обязательный досудебный порядок урегулирования спора, расходы, вызванные соблюдением такого порядка, в том числе расходы по оплате юридических услуг, признаются судебными издержками и подлежат возмещению исходя из того, что у истца отсутствовала возможность реализовать право на обращение в суд без несения таких издержек[8].

На основании указанного положения, если примирительные процедуры станут обязательным этапом перед обращением в суд, издержки, связанные с проведением процедур применения, будут относиться к судебным расходам, что, несомненно, упростит процедуру их взыскания.

Если процедура медиации приведет к разрешению правового спора, стороны самостоятельно разрешают вопрос оплаты издержек.

При обращении к судебному примирению сторона (или стороны совместно) вместе с ходатайством в арбитражный суд должны внести заранее определенный размер денежных средств в депозит суда. Размер должен быть рассчитан Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации с учетом оплаты труда судьи в отставке.

Между тем возможен вариант, при котором оплату услуг судебного примирителя возьмет на себя государство. В настоящее время судебное примирение является для сторон бесплатной процедурой.

---

[8] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» (п. 4) // Российская газета. 2016. 1 марта.

Не стоит забывать о менее затратной примирительной процедуре – переговорах. В случае переговоров стороны не несут издержек на работу посредника, иные затраты должны возлагаться на лицо, которое их несет. Однако если же спор дойдет до суда, сторона будет иметь право на взыскание судебных расходов в связи с обязательностью использования процедуры примирения.

Стоит отметить, что подобный порядок распределения издержек будет характерен исключительно для тех споров, для которых примирительные процедуры будут обязательными.

Должно ли государство взять на себя расходы по возмещению обязательных примирительных процедур? Думается, это возможно лишь в случае, если:

1) в судах будет организовано постоянное присутствие профессиональных медиаторов, чья работа будет оплачиваться исключительно из федерального бюджета или бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации;

2) оплата процедуры судебного примирения будет производиться из федерального бюджета.

На наш взгляд, предоставление возможности использования процедуры примирения бесплатно эквивалентно обязанности обращения к процедурам примирения.

**Использование искусственного интеллекта в примирительных процедурах**

Информационный прогресс в развитии общества неминуемо проникает и в сферу судопроизводства. Правильное использование искусственного интеллекта (далее – ИИ) будет способствовать снижению судебной нагрузки, совершенствованию уже привычных процессуальных действий.

Примеры использования ИИ в целях примирения известны юридической практике. Например, еще в 2019 г. в Великобритании ИИ смог разрешить имущественный спор, проведя анализ требований и возражений сторон: ИИ представил оптимальный вариант соглашения. Спор длился 3 месяца, но ИИ смог его разрешить менее чем за час[9].

Думается, целесообразно внедрение ИИ в уже существующую информационную систему kad.arbitr.ru. В результате стороны получат возможность использования ИИ в целях:

1) определения круга вопросов, по которым возможно примирение;

2) анализа основных требований и возражений сторон для выработки возможных соглашений;

3) предоставления вариантов урегулирования правового спора;

4) составления проекта соглашения.

**Заключение**

Обязательные примирительные процедуры смогут снизить судебную нагрузку. Однако требуется немало усилий для эффективного использования института примирения в арбитражном судопроизводстве. Реформирование должно учитывать интересы предпринимательского сообщества. Законодателю необходимо найти баланс между сокращением судебной нагрузки и соблюдением основных принципов института примирения в арбитражном процессе. Внедрение обязательных примирительных процедур в гражданский процесс несет более серьезные риски для участников судопроизводства, поэтому заслуживает отдельного исследования.

На наш взгляд, модель обязательных примирительных процедур может выглядеть следующим образом. Целесообразно дополнить ч. 5 ст. 4 АПК РФ абзацем: *«Споры, связанные с заключением, изменением, нарушением гражданско-правового договора, могут быть переданы на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер по урегулированию спора путем использования примирительных процедур».* В АПК РФ следует включить ст. 138.1.1 «По-

[9] Legal Futures: Robot mediator settles first ever court case. URL: https://www.legalfutures.co.uk/latest-news/robot-mediator-settles-first-ever-court-case (дата обращения: 14.09.2024).

рядок обязательного использования сторонами примирительных процедур» в следующей редакции:

*«1. В случаях, указанных в части 5 статьи 4 настоящего Федерального закона, истец перед обращением в арбитражный суд должен направить предложение ответчику провести процедуру примирения с возможными вариантами процедур примирения.*

*2. Стороны не могут быть ограничены в выборе процедуры примирения.*

*3. Обязанность предварительного использования примирительных процедур считается соблюденной вне зависимости от того, достигли ли стороны соглашения в ходе процедуры примирения, а также в случае, если ответчик отказался, не ответил или иным образом уклонился от предложения истца провести процедуру применения.*

*4. В случае, если ответчик отказался, не ответил или иным образом уклонился от соблюдения обязательного досудебного порядка примирения, суд вправе возложить на ответчика судебные расходы вне зависимости от исхода дела или применить штраф в порядке, предусмотренном главой 11 настоящего Кодекса».*

Таким образом, соблюдение баланса прав участников правового спора, принципа добровольности примирительных процедур и необходимости снижения судебной нагрузки станет действенным механизмом повышения эффективности судопроизводства.

**Список источников**

1. Кузнецова О. А. Понятие пресечения действий, нарушающих право, как способа защиты гражданских прав // Современное право. 2013. № 12. С. 66–70.

2. Голубцов В. Г., Сятчихин А. В. Медиативное соглашение: правовая природа, форма, вопросы обеспечения исполнения // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы гражданского права» : науч. журн. 2014. № 1 (4). С. 76–87.

3. Алексеева С. А. Добровольная и обязательная медиация: опыт Турции // Нотариус. 2022. № 7. С. 46–48.

4. Загайнова С. К., Чудиновская Н. А., Шереметова Г. С. Обязательная медиация в Италии: проблемы реализации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 6. С. 56–62. URL: http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1094.

5. Михель Д. Е. Развитие медиации в Германии как социального и правового института // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 4. С. 50–58.

6. Ярков В. В., Ренц И. Г. Нотариат и медиация: ключевые вопросы взаимодействия // Нотариальный вестникъ. 2019. № 3. С. 12–28.

7. Зайцев А. И. Обязательная медиация: аргументы «за» и «против» // Вестник гражданского процесса. 2012. № 6. С. 57–65.

**References**

1. Kuznetsova O. A. Preventing acts infringing the right as a method for the civil right protection. *Sovremennoe pravo = Modern Law.* 2013;(12):66-70. (In Russ.)

2. Golubtsov V. G., Syatchikhin A. V. Mediation agreement: legal nature, form, issues of enforcement. *Sbornik nauchnykh trudov "Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava" = Collection of Scientific Papers "Actual Problems of Civil Law".* Scientific journal. 2014;(1):76-87. (In Russ.)

3. Alekseeva S. A. Voluntary and obligatory mediation: the experience of Turkey. *Notary.* 2022;(7):46-48. (In Russ.)

4. Zagainova S. K., Chudinovskaya N. A., Sheremetova G. S. Mandatory mediation in Italy: the problems of implementation. *Electronic supplement to the Russian Law Journal.* 2017;(6):56-62. (In Russ.) URL: http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1094.

5. Michel D. E. Development of mediation in Germany as a social and legal institution. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2018;(4):50-58. (In Russ.)

6. Yarkov V. V., Renc I. G. Notariate and mediation: key issues of interaction. *Notarial'nyj vestnik = Notary's Bulletin.* 2019;(3):12-28. (In Russ.)

7. Zaitsev A. I. Mandatory mediation: arguments “for” and “against”. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Procedure*. 2012;(6):57-65. (In Russ.)

**Информация об авторе**

П. А. Горшкова – аспирант кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса.

**Information about the author**

P. A. Gorshkova – Postgraduate Student at the Business Law, Civil and Arbitration Procedure Department.

**Конфликт интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Conflict of interests**

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 15.10.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 25.12.2025.

The article was submitted 15.10.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 25.12.2025.

Российское правосудие. 2026. № 3. С. 70–82
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 3. P. 70–82
УДК 347, 347.9, 341.9 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.3.70-82
Научная статья

# Особенности признания и исполнения решений арбитражей Китайской Народной Республики в России

**Александр Викторович Колосов**
Юридический институт, Иркутский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация, lex.x@mail.ru, https://orcid.org/0009-0005-5850-2091

**Аннотация.** Юридическая обязательность решения международного коммерческого арбитража не означает его автоматического действия за пределами страны вынесения. Для применения на территории Российской Федерации требуются признание и исполнение иностранного арбитражного акта в порядке, предусмотренном международными договорами и национальным законодательством. Проблема признания и исполнения подобных решений приобретает остроту при взаимодействии с арбитражными институтами КНР в условиях роста российско-китайского товарооборота и увеличения числа трансграничных споров.
Исследование направлено на выявление актуальных аспектов и факторов, влияющих на успешность признания решений арбитражей из КНР в российской юрисдикции. В задачи входят анализ положений международных соглашений, двусторонних договоров между Россией и КНР, норм национального законодательства, а также изучение судебной практики, включая дела, связанные с CIETAC и HKIAC, в которых выявлены типовые проблемы доказательственного и процедурного характера.
Методология исследования опирается на сравнительно-правовой анализ международных и национальных нормативных источников, а также на интерпретацию правовых норм и судебной практики. В рамках данного подхода особое внимание уделяется выявлению правоприменительных трудностей, возникающих при толковании арбитражных оговорок, несоответствии переводов, нарушении норм публичного порядка, а также при установлении компетентного суда в условиях наличия смешанных договорных конструкций. Такой методологический подход позволяет системно выявить устойчивые тенденции в судебной практике, типовые ошибки сторон в арбитражном процессе и факторы, влияющие на отказ в признании и исполнении иностранных арбитражных решений.
Сделаны выводы о необходимости более точной формулировки арбитражных оговорок, соблюдения требований к переводам, укрепления взаимного доверия к институтам арбитража. Подчеркивается значимость унификации процедур и обеспечения соблюдения принципа добросовестности сторон и юридической определенности для устойчивого признания решений, вынесенных арбитражами КНР в России.

**Ключевые слова:** международный коммерческий арбитраж, признание и исполнение решения, КНР, CIETAC, HKIAC, арбитражное соглашение, публичный порядок

**Для цитирования:** Колосов А. В. Особенности признания и исполнения решений арбитражей Китайской Народной Республики в России // Российское правосудие. 2026. № 3. С. 70–82. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.70-82.

© Колосов А. В., 2026

Original article

**Peculiarities of Recognition and Enforcement of Arbitral Awards of the People's Republic of China in the Russian Federation**

**Aleksandr V. Kolosov**

Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, lex.x@mail.ru, https://orcid.org/0009-0005-5850-2091

**Abstract.** The legal binding force of an international commercial arbitration award does not imply its automatic enforceability beyond the jurisdiction where it was rendered. In order for such an award to be applied within the territory of the Russian Federation, it must be recognized and enforced in accordance with international treaties and domestic legislation. This issue becomes particularly acute in the context of interaction with Chinese arbitral institutions, given the increasing volume of trade between Russia and the People's Republic of China and the growing number of cross-border disputes.

The purpose of this study is to identify the key issues and factors affecting the successful recognition of Chinese arbitral awards within Russian jurisdiction. The research tasks include analyzing provisions of international agreements, bilateral treaties between Russia and China, relevant national legal norms, and examining judicial practice, including cases involving CIETAC and HKIAC, which have revealed recurring evidentiary and procedural challenges.

The methodology is based on a comparative legal analysis of international and domestic regulatory sources, as well as the interpretation of legal norms and judicial decisions. This approach places particular emphasis on identifying difficulties in the application of law, including the interpretation of arbitration clauses, inconsistencies in translations, violations of public policy norms, and uncertainties concerning jurisdiction in complex contractual arrangements. Such a methodology enables the systematic identification of prevailing trends in judicial practice, common procedural errors by the parties, and the factors leading to refusal in the recognition and enforcement of foreign arbitral awards.

The study concludes with the need for more precise drafting of arbitration clauses, adherence to translation requirements, and strengthening mutual confidence in arbitral institutions. It underscores the importance of procedural harmonization and the observance of good faith and legal certainty as essential conditions for the stable recognition of Chinese arbitral decisions in Russia.

**Keywords:** international commercial arbitration, recognition and enforcement of arbitral awards, PRC, CIETAC, HKIAC, arbitration agreement, public policy

**For citation:** Kolosov A. V. Peculiarities of recognition and enforcement of arbitral awards of the People's Republic of China in the Russian Federation. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(3):70-82. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.70-82.

**Одной из фундаментальных черт международного коммерческого арбитража (далее – МКА) выступает окончательная и обязательная природа арбитражного решения, исключающая возможность его пересмотра по существу в судебных органах. Однако правовой характер таких решений таков, что они не обладают автоматически юридической силой на территории других государств, включая Российскую Федерацию. Арбитражное решение приобретает обязательную силу лишь в случае его признания и приведения в исполнение компетентными государственными органами. В связи с этим вопрос признания и исполнения арбитражных решений занимает ключевое место в системе МКА, отражая как правовую основу арбитража, так и степень взаимодействия между частными механизмами разрешения споров и государственной юрисдикцией.**

Учитывая активизацию торгово-экономических связей России с Китайской Народной Республикой, эффективное функционирование МКА становится важнейшим элементом обеспечения правовой определенности в международной торговле и фундаментальным компонентом системы разрешения трансграничных споров.

**Факторы, определяющие правомерность и эффективность исполнения решений китайских арбитражных учреждений в российской юрисдикции**

В целях установления особенностей признания и исполнения решений МКА, выносимых компетентными органами Китая на территории Российской Федерации, необходимо провести

всесторонний анализ ключевых факторов, непосредственно влияющих на эффективность данного процесса. Среди подобных факторов можно выделить следующие.

1. *Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.*[1] (далее – Конвенция) как универсальный механизм признания и исполнения арбитражного решения. Одной из основных целей принятия Конвенции стало стремление к гармонизации международных правовых систем в условиях глобализации и углубляющейся интеграции мировых экономик, что обусловило растущую роль МКА как эффективного механизма разрешения споров, включающих иностранный элемент. Основным принципом Конвенции является создание правовых условий, способствующих беспрепятственному признанию и исполнению арбитражных решений, что способствует усилению роли арбитража в международной правоприменительной практике [1, с. 104; 2, p. 126].

Важным элементом этой концепции является выраженная так называемая проарбитражная направленность (pro-enforcement bias), заключающаяся в снижении возможности оспаривания или отмены арбитражных решений [3, p. 3].

Как отмечает Г. Борн, Конвенция играет ключевую роль в развитии МКА, однако ее эффективность во многом обусловлена особенностями национального законодательства [4, с. 362]. В этом контексте присоединение России к Конвенции и последовательное исполнение ею взятых на себя обязательств свидетельствуют о приверженности международным стандартам в сфере признания и исполнения арбитражных решений.

2. *Обязательная сила арбитражного решения*. Арбитражное решение представляет собой акт, обладающий обязательной юридической силой для сторон, участвовавших в арбитражном разбирательстве, что является прямым следствием их осознанного и добровольного волеизъявления на передачу возникшего спора в юрисдикцию МКА. Данная правовая позиция находит свое основание в арбитражном соглашении – двустороннем договоре между участниками правоотношения, выражающем их согласие на исключение компетенции государственных судов и подчинение спора компетенции МКА.

3. *Добровольность исполнения арбитражного решения*. Исходя из природы арбитража как договорного и автономного по своей сути способа урегулирования конфликтов, предполагается, что сторона, признанная проигравшей, примет вынесенное решение МКА к исполнению без необходимости принудительного вмешательства государственных судебных органов. Правовая основа добровольного исполнения формируется на этапе заключения арбитражного соглашения, в рамках которого стороны не просто изъявляют согласие на передачу потенциального или уже возникшего спора в юрисдикцию арбитражного органа, но также добровольно принимают на себя обязанность соблюдать и исполнять решение, которое будет вынесено по итогам арбитражного разбирательства.

4. *Право на принудительное исполнение*. В случае, если сторона, признанная проигравшей, уклоняется от добровольного исполнения арбитражного решения, противоположная сторона, в чью пользу это решение было вынесено, приобретает право на обращение в компетентный государственный суд с ходатайством о признании и приведении данного решения в исполнение в принудительном порядке. Указанное право базируется на фундаментальных принципах международного арбитражного регулирования, в числе которых особое значение имеют принцип содействия арбитражу (favor arbitrandum) и принцип ограниченного вмешательства со стороны государственной судебной власти.

5. *Ограниченность судебного контроля*. Контроль, осуществляемый государственными судами в рамках процедур признания и приведения в исполнение арбитражных решений, харак-

[1] Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.) // Официальный сайт ООН. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/new-york-convention-r.pdf (дата обращения: 22.07.2025).

теризуется строго ограниченными пределами и сводится исключительно к проверке их соответствия формально-юридическим критериям, установленным положениями Конвенции и соответствующими нормами внутреннего законодательства государств-участников. Главной задачей государственного суда при оценке решения МКА является соблюдение принципа справедливости, который заключается, как верно отмечает У. Б. Филатова, в обеспечении баланса интересов и равенства сторон в процессе правоприменения [5, с. 131].

**Правовое регулирование признания и исполнения арбитражных решений**

Механизм признания и исполнения иностранных арбитражных решений представляет собой сложную юридическую конструкцию, функционирующую на основе взаимодействия норм международного права с положениями национального законодательства.

Как отмечалось ранее, центральным международно-правовым инструментом, регулирующим вопросы признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений, является Конвенция. Данный документ обладает фундаментальным значением для функционирования глобальной арбитражной системы, поскольку устанавливает унифицированные процессуальные и материальные критерии, на основании которых государства-участники обязуются признавать и исполнять арбитражные решения, вынесенные за пределами их юрисдикции.

В отдельных ситуациях основания для признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений могут быть закреплены не только в многосторонних международных соглашениях, но и в рамках двусторонних международных договоров, заключенных Российской Федерацией с конкретными зарубежными государствами. Наличие таких договоров свидетельствует о стремлении государств к укреплению правовой предсказуемости и упрощению процедур трансграничного взаимодействия в сфере разрешения коммерческих споров. Кроме того, подобные соглашения способствуют формированию устойчивого международного правового режима, основанного на принципе взаимности. Суть данного принципа заключается в том, что государство, на территории которого запрашивается исполнение арбитражного решения, рассматривает возможность его признания при условии, что аналогичные действия совершаются и в отношении решений его собственных арбитражей.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что правовая природа взаимности остается дискуссионной в научной литературе. Ряд исследователей указывают на ее гибридный характер, в котором сочетаются как юридические, так и политико-правовые элементы. Так, Ф. Ф. Мартенс подчеркивал сложность и многоаспектность данного принципа, который может варьироваться в зависимости от политической воли государств и особенностей их внешнеполитических приоритетов [6, с. 191].

Национальное регулирование исполнения решений международных коммерческих арбитражей в Российской Федерации осуществляется прежде всего на основании положений Закона от 7 июля 1993 г. «О международном коммерческом арбитраже» (далее – Закон о МКА)[2]. Указанный Закон является ключевым звеном в системе арбитражного регулирования и определяет базовые принципы признания и приведения в исполнение арбитражных решений на территории Российской Федерации. Вместе с тем Закон о МКА содержит преимущественно рамочные и обобщенные нормы, касающиеся порядка исполнения арбитражных решений, оставляя конкретизацию процедуры на усмотрение общих норм процессуального законодательства, к которым он прямо отсылает.

Согласно ст. 35 Закона о МКА арбитражное решение независимо от юрисдикции, в которой оно было вынесено, признается обязательным к исполнению на территории Российской

[2] Закон Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 32. Ст. 1240.

Федерации. Для инициирования процедуры приведения такого решения в исполнение заинтересованная сторона должна обратиться с соответствующим письменным ходатайством в компетентный государственный суд. При этом применяется совокупность положений Закона о МКА, а также норм АПК РФ или ГПК РФ, в зависимости от характера спорного правоотношения. В случае, если спор возник в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности, дело подлежит рассмотрению в системе государственных арбитражных судов. Если же правовой конфликт не затрагивает сферу экономических отношений, например связан с гражданско-правовыми обязательствами, не имеющими признаков предпринимательской деятельности, то компетенция возлагается на суды общей юрисдикции.

Юридическая конструкция ст. 35 Закона о МКА преследует цель оптимизировать и упростить механизм исполнения международных арбитражных решений, минимизируя процессуальные барьеры и снижая доказательственное бремя, возлагаемое на сторону, добивающуюся принудительного исполнения решения. Как справедливо отмечает В. В. Хвалей, данное положение направлено на облегчение позиции заявителя в рамках процедуры исполнения арбитражного решения за счет более либерального подхода к вопросам признания и допуска к исполнению[3].

**Материальные и процессуальные аспекты признания и исполнения иностранных арбитражных решений**

Анализ материальных и процессуальных аспектов признания и исполнения иностранных арбитражных решений представляет собой ключевую задачу, необходимую для формирования целостного понимания механизма их реализации в национальной юрисдикции.

Одним из принципиально важных вопросов, возникающих в контексте реализации процедуры признания и исполнения решения МКА на территории Российской Федерации, является определение субъектного состава лиц, обладающих правом на инициирование соответствующего судебного производства. Согласно положениям ч. 1 ст. 242 АПК РФ правом обращения в арбитражный суд Российской Федерации с заявлением о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения наделяется исключительно сторона, в пользу которой данное решение было вынесено. Статус заявителя должен быть подтвержден как процессуально, так и содержательно, т. е. лицо должно обладать законным интересом, вытекающим из соответствующего арбитражного акта.

Кроме того, законодательно установлен срок, в пределах которого возможно обращение за судебной защитой по вопросу принудительного исполнения иностранного арбитражного решения. Указанный срок составляет три года и исчисляется с момента вступления соответствующего решения в законную силу.

Следующим этапом после установления правомочности субъекта, обладающего правом на обращение в суд, является возбуждение производства по делу о признании и приведении в исполнение решения международного коммерческого арбитража. Данная процедура представляет собой начальную стадию процессуального механизма, в рамках которого осуществляется обращение в компетентный государственный суд с соответствующим заявлением. Важно подчеркнуть, что данный процесс включает в себя не только подачу ходатайства, но и правильное определение суда, обладающего юрисдикцией для рассмотрения подобного рода дел. Согласно действующему российскому законодательству вопросы признания и исполнения решений международных коммерческих арбитражей отнесены к компетенции арбитражных судов, если предмет соответствующего спора затрагивает сферу предпринимательской либо иной экономической деятельности.

---

[3] *Хвалей В. В.* Научно-практический комментарий к законодательству о третейских судах. М. : РАА, 2017. С. 178.

Территориальная подсудность по данной категории дел определяется на основании норм, закрепленных в АПК РФ. Заявление о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения подается в арбитражный суд субъекта Российской Федерации по месту нахождения или месту жительства должника. В случае, если сведения о местонахождении должника отсутствуют или недоступны, заявление направляется в суд по месту нахождения принадлежащего ему имущества.

Особое внимание в правоприменительной практике уделяется соблюдению процессуальных сроков. В частности, в соответствии с ч. 2 ст. 246 АПК РФ установлен предельный срок для предъявления иностранного арбитражного решения к принудительному исполнению. Он составляет три года со дня вступления соответствующего решения в законную силу.

Формальные требования к подаваемому заявлению, а также перечень документов, обязательных к представлению, урегулированы ст. 242 АПК РФ. Если представленные документы составлены на иностранном языке, к ним должен быть приложен нотариально удостоверенный перевод на русский язык, что является обязательным условием.

Следующим после возбуждения производства по делу о признании и приведении в исполнение решения МКА процессуальным этапом выступает непосредственное судебное рассмотрение соответствующего заявления. Согласно ст. 243 АПК РФ дело рассматривается арбитражным судом в порядке единоличного судопроизводства, что соответствует общим принципам упрощенности и оперативности разрешения данной категории дел. Законодательно установлен срок рассмотрения – не более одного месяца со дня поступления заявления в суд. Указанное временное ограничение направлено на обеспечение своевременного реагирования судебной системы на запросы сторон по исполнению решений, принятых за пределами национальной юрисдикции.

По результатам рассмотрения дела арбитражный суд выносит процессуальный акт в форме определения. Документ оформляется с соблюдением требований АПК РФ и должен содержать все необходимые реквизиты и мотивировочную часть, раскрывающую правовые основания для признания и (или) исполнения иностранного арбитражного решения. В случае удовлетворения заявления суд официально признает соответствующее арбитражное решение и наделяет его обязательной силой для исполнения на территории Российской Федерации. Таким образом, процедура исполнения переходит в стадию принудительного исполнения. На данном этапе реализация признанного иностранного арбитражного решения осуществляется в рамках исполнительного производства. Исполнительный лист, выданный судом по итогам рассмотрения дела, приобретает силу обязательного документа, подлежащего реализации в установленном законом порядке.

Вместе с тем арбитражный суд вправе отказать в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения. Такая возможность прямо предусмотрена российским законодательством, практически дословно воспроизводящим положения статьи Конвенции.

Совокупность этих оснований можно условно разделить на две концептуально различающиеся группы: основания, касающиеся процессуальных аспектов и статуса сторон, а также основания, направленные на защиту публичных интересов государства исполнения.

К первой группе относятся основания, акцентированные на соблюдении процессуальных гарантий и действительности арбитражного соглашения. К примеру, если сторона, против которой вынесено решение, не была надлежащим образом уведомлена о назначении арбитра или о самом арбитражном процессе либо была по иным причинам объективно лишена возможности реализовать свое право на защиту.

Вторая группа оснований имеет особую правовую природу и направлена на охрану публично-правовых интересов государства, в юрисдикции которого запрашивается исполнение арбитражного решения. Например, государственный суд вправе отказать в признании и исполнении арбитражного решения, если предмет спора по внутреннему законодательству Российской Фе-

дерации не подлежит рассмотрению в арбитраже или признание и исполнение арбитражного решения противоречат публичному порядку страны.

На практике отказ в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения встречается сравнительно редко, однако его правовая возможность играет важную роль в обеспечении суверенитета национальной юрисдикции и защите основополагающих правовых интересов государства.

**Международный коммерческий арбитраж КНР и его правовое признание в России**

Рассмотрение правовых особенностей признания и исполнения решений МКА невозможно без анализа практики отдельных государств, активно участвующих в международном торговом обороте. В этой связи особый интерес представляет опыт КНР, учитывая стремительный рост ее экономического взаимодействия с Российской Федерацией и укрепление позиций на международной арбитражной арене.

*Согласно статистическим данным, обнародованным Главным таможенным управлением КНР, в 2024 г. объем двустороннего товарооборота между Российской Федерацией и КНР достиг исторического максимума – 244,8 млрд долл. США*[4].

Цифры наглядно демонстрируют интенсивное развитие российско-китайских экономических отношений и свидетельствуют о значительном увеличении трансграничной коммерческой активности, сопровождающейся ростом числа споров, возникающих в международной предпринимательской сфере.

Рост масштабов двустороннего экономического взаимодействия логично ведет к более частому использованию механизмов международного коммерческого арбитража как наиболее гибкой и универсальной формы разрешения коммерческих споров. Основой для эффективного правового взаимодействия в этой сфере между Россией и Китаем служит тот факт, что обе страны являются участницами Конвенции. Участие в этом международно-правовом инструменте обеспечивает взаимную юридическую признанность арбитражных решений, вынесенных в одной из стран, на территории другой стороны, что создает стабильную нормативную основу для обеспечения правовой предсказуемости и защиты интересов участников внешнеэкономических сделок.

Важным дополнительным элементом международного правового взаимодействия между Российской Федерацией и КНР в рассматриваемой области выступает Договор о правовой помощи по гражданским и уголовным делам[5], подписанный в Пекине 19 июня 1992 г. Данный двусторонний международный договор закрепляет обязательства обеих сторон по признанию и исполнению арбитражных решений на своей территории в соответствии с положениями Конвенции, тем самым усиливая гарантийные механизмы для частных лиц и организаций в процессе трансграничного арбитражного взаимодействия.

Особый интерес представляет институциональная организация арбитража в КНР. К числу наиболее авторитетных арбитражных центров Китая, обладающих международным статусом и признанием, относятся: Китайская международная экономическая и торговая арбитражная комиссия (China International Economic and Trade Arbitration Commission, CIETAC), Международный арбитражный суд Шэньчжэня (Shenzhen Court of International Arbitration, SCIA), Пекинская

---

[4] Товарооборот между Китаем и Россией обновил рекорд. URL: http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302275/6312783/index.html (дата обращения: 22.07.2025).

[5] Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (Пекин, 19 июня 1992 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 7. Ст. 612.

арбитражная комиссия (Beijing Arbitration Commission, BAC), Шанхайский международный арбитражный центр (Shanghai International Arbitration Center, SHIAC).

Рассмотрим практику отдельных арбитражных институтов Китая, осуществляющих деятельность в сфере международного коммерческого арбитража, и особенности признания и исполнения их арбитражных решений на территории России.

Особого внимания заслуживает деятельность Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии (CIETAC), которая по праву считается одним из наиболее авторитетных и устойчиво функционирующих арбитражных учреждений не только в Китае, но и в масштабе всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Основанная в апреле 1956 г. при содействии Китайского совета по содействию международной торговле, CIETAC является одним из старейших арбитражных институтов на Азиатском континенте и играет ключевую роль в разрешении как трансграничных, так и внутренних коммерческих споров.

CIETAC демонстрирует высокую степень адаптивности к изменяющимся условиям глобального экономического взаимодействия и вызовам цифровой эпохи. Так, с 1 января 2024 г. вступила в силу новая редакция Арбитражного регламента CIETAC[6], в которую были интегрированы положения, направленные на обеспечение эффективности арбитражного процесса в условиях цифровизации, трансформации коммуникационных технологий и расширения трансграничных форм деловой активности.

Исследование механизма признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений в Российской Федерации невозможно без анализа конкретной судебной практики, демонстрирующей особенности применения нормативных положений к трансграничным спорам.

Один из наиболее характерных и часто встречающихся вызовов, с которым сталкиваются участники арбитражного процесса, можно условно обозначить как проблемы лингвистического характера. Несмотря на то что данная проблема не затрагивает непосредственно сущность процедуры признания и исполнения арбитражного решения, ее практическое значение выходит далеко за пределы технических вопросов, поскольку она оказывает существенное влияние на процессуальное восприятие и правовую оценку представленных материалов судом.

На практике российские арбитражные суды неоднократно сталкиваются с ситуациями, в которых документы, составленные в КНР, включая тексты арбитражных решений, арбитражных соглашений и других доказательств, представлены в виде переводов, выполненных с нарушениями норм юридического языка либо с использованием терминологии, не соответствующей российской правовой системе. Следствием этого могут стать отказ в признании и приведении в исполнение решения либо затягивание судебного процесса.

Ярким примером вышеописанной проблемы является дело, в котором юридическое лицо из КНР инициировало судебное разбирательство в Арбитражном суде г. Санкт-Петербурга[7].

*В центре правовой коллизии оказалось арбитражное соглашение, сформулированное в двуязычном – китайском и английском – договоре, что уже само по себе создает потенциальную почву для лингвистических и юридических разночтений, способных повлиять на юрисдикционную определенность. Ключевой правовой вопрос сводился к квалификации арбитражной оговорки в пункте договора между сторонами: является ли она действительной и достаточной для исключения компетенции российского государственного суда. При этом сторонами были представлены различающиеся пере-*

[6] CIETAC Arbitration Rules 2024. URL: https://jusmundi.com/en/document/rule/en-cietac-china-international-economic-and-trade-arbitration-commission-arbitration-rules-2024-cietac-arbitration-rules-2024-monday-1st-january-2024 (дата обращения: 22.07.2025).

[7] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 января 2022 г. по делу № А56-9590/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/OCXT68Qef8LX/?ysclid=mddc9r9kz5577942295 (дата обращения: 22.07.2025).

*воды указанного положения, каждый из которых допускал неоднозначное толкование в части указания на арбитражный орган, которому стороны якобы доверили разрешение возможных споров. Ни одна из версий не содержала четкого указания на конкретное наименование арбитражного института – CIETAC, равно как и на его местоположение или применимое арбитражное регулирование.*

*Такая правовая неопределенность стала основанием для противоположных правовых позиций судов первой и апелляционной инстанций. Суд первой инстанции, исходя из презумпции действительности арбитражного соглашения и принципа уважения воли сторон, пришел к выводу, что наличие арбитражной оговорки исключает возможность рассмотрения дела в российском суде. Однако суд апелляционной инстанции подошел к вопросу более формально и технично, сконцентрировав внимание на недостаточной определенности текста оговорки, отсутствии упоминания CIETAC и его местонахождения, а также отсутствии ссылок на Арбитражный регламент данной комиссии. В результате арбитражное соглашение было признано не соответствующим требованиям юридической определенности, действительности и исполнимости, причем подобные вопросы, наряду с выбором применимого права, являются «узловым элементом» в системе арбитражного регулирования [7, с. 85].*

Сформулированный судом апелляционной инстанции подход демонстрирует высокую значимость точности и ясности в формулировке арбитражных оговорок, особенно когда речь идет о трансграничных договорах, составленных на нескольких языках. В таких условиях даже незначительное расхождение в терминологии, отсутствие стандартизированных наименований арбитражных институтов или неточное указание на их местоположение могут привести к отказу в признании арбитражного соглашения как исключительного механизма разрешения спора.

Одним из значимых примеров, отражающих актуальные вопросы признания и исполнения решений МКА в российской судебной практике, является дело, рассмотренное в 2019 г., связанное с попыткой признания двух взаимосвязанных решений CIETAC[8]. Подобное дело стало показательным в аспекте толкования норм о надлежащем уведомлении сторон в МКА и обозначило правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации относительно стандартов добросовестного поведения участников внешнеэкономических сделок.

*В рамках данного дела коммерческая организация, зарегистрированная в КНР, обратилась в Арбитражный суд г. Москвы с заявлением о признании и приведении в исполнение арбитражного решения CIETAC, вынесенного в связи с неисполнением российской стороной обязательств по договорам поставки строительной техники. Заявитель ссылался на наличие действующего арбитражного соглашения, надлежащее рассмотрение спора в CIETAC и соблюдение всех процессуальных процедур, предусмотренных регламентом комиссии и применимыми нормами международного права.*

*Однако суд первой инстанции, поддержанный судом кассационной инстанции, отказал в удовлетворении заявления, сославшись на нарушение требований о надлежащем уведомлении ответчика о дате и месте рассмотрения дела в CIETAC. Аргументация заключалась в том, что почтовые отправления были направлены по адресу, который не совпадал с адресом, зафиксированным в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ) на момент разбирательства, и не соответствовал сведениям, содержащимся в договорных документах. Также суды усомнились в легитимности подтверждений доставки, указывая на отсутствие подписей получателей на извещениях.*

*Тем не менее данная позиция была пересмотрена Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации. Отменяя судебные акты нижестоящих инстанций, Верховный Суд Российской Федерации опирался на положения ст. 3 Закона о МКА РФ, а также нормы*

[8] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31 мая 2019 г. по делу № А40-217058/2018. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/SiilKuDakUd8/?ysclid=mddcd5u42499152487 (дата обращения: 22.07.2025).

*Конвенции, регулирующей порядок уведомления сторон. Согласно данным положениям уведомление считается надлежащим, если оно направлено по последнему известному адресу при отсутствии соглашения сторон об ином порядке корреспонденции.*

*Суд установил, что CIETAC направляла процессуальные документы по адресу, указанному в договоре между сторонами – именно этот адрес являлся известным китайской компании и использовался в деловой переписке. Верховный Суд Российской Федерации указал на отсутствие доказательств, свидетельствующих о том, что российское юридическое лицо уведомило китайского партнера либо сам арбитраж о смене юридического адреса, а также на то, что риск неинформирования контрагента о подобных изменениях несет сторона, осуществившая такие изменения без должного уведомления.*

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу о наличии существенных нарушений норм как материального, так и процессуального права в актах нижестоящих судов и указал на необходимость признания и исполнения арбитражного решения CIETAC. Правовая значимость данного дела заключается в закреплении следующих ключевых положений.

Во-первых, направление арбитражных уведомлений по последнему известному или договорному адресу признается надлежащим при отсутствии доказательств обратного.

Во-вторых, риск несвоевременного получения корреспонденции несет та сторона, которая не уведомила контрагента о смене адреса.

В-третьих, отсутствие формальных признаков получения (например, подписи на извещении) не может служить самостоятельным основанием для отказа в признании решения при наличии иных доказательств фактического получения уведомления.

В-четвертых, российские суды обязаны учитывать как международные стандарты, так и принцип добросовестного поведения сторон при оценке обстоятельств арбитражного производства.

Таким образом, приведенный пример наглядно иллюстрирует интеграцию международных правовых подходов в национальную судебную практику, подтверждая приверженность Российской Федерации принципам правовой определенности, добросовестности и уважения к решениям международных арбитражных органов, что, как справедливо отмечает В. В. Кулаков, соотносится с особой ролью правовых принципов, которые, в отличие от иных форм права, выполняют функцию организации правового регулирования [8, с. 186].

Интересна практика взаимодействия с Гонконгским международным арбитражным центром (Hong Kong International Arbitration Centre, HKIAC), который в последние годы стал одним из ключевых институтов альтернативного разрешения споров в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в том числе для российских участников международного оборота. HKIAC зарекомендовал себя как арбитражный институт, обладающий высокой степенью процедурной нейтральности, что имеет принципиальное значение в условиях геополитической напряженности, усилившегося санкционного давления и повышения числа арбитражных разбирательств с участием российских юридических и физических лиц [9, с. 3; 10, с. 11].

В рамках правоприменительной практики, связанной с признанием и исполнением иностранных арбитражных решений, участники арбитражных процедур, предусматривающих рассмотрение споров в HKIAC, нередко сталкиваются с аналогичными трудностями лингвистического и терминологического характера, которые ранее нами были выявлены при анализе дел, где сторонами был предусмотрен арбитраж CIETAC[9].

---

[9] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 1 марта 2023 г. по делу № А40-21421/2022. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/bnEDS4iXYDLW/?ysclid=mddchiq4z9675361360 (дата обращения: 22.07.2025).

Следующий пример демонстрирует сложность взаимодействия между международным арбитражем HKIAC и национальной судебной системой России[10].

*Сторона, зарегистрированная за пределами Российской Федерации, обратилась в Арбитражный суд г. Москвы с заявлением о признании и исполнении указанного арбитражного решения. Согласно этому решению с российского юридического лица подлежали взысканию значительные суммы, включая компенсацию убытков, а также судебные расходы в пользу заявителя. Однако российский арбитражный суд отказал в удовлетворении данного заявления, мотивировав это рядом существенных правовых обстоятельств.*

*Прежде всего, суд установил, что арбитражное соглашение, послужившее основанием для обращения в HKIAC, содержалось исключительно в договоре залога, тогда как предмет спора, рассмотренного в арбитраже, непосредственно вытекал из договора займа. При этом условия последнего содержали иную арбитражную оговорку: текст договора займа указывал на исключительную компетенцию Лондонского международного третейского суда. Следовательно, суд пришел к выводу о том, что МКА, рассмотревший спор, не обладал необходимой юрисдикцией, поскольку спор подлежал рассмотрению иным арбитражным органом.*

*Кроме того, Арбитражный суд г. Москвы обратил внимание на нарушение норм валютного законодательства Российской Федерации, что также стало ключевым аргументом в отказе. Согласно российскому праву движение денежных средств, связанное с международными сделками, должно осуществляться через банковские счета, открытые в уполномоченных банках, расположенных либо в Российской Федерации, либо на территории государств – членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) или Финансовой группы по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ). Поскольку в рамках разбирательства были установлены факты, указывающие на возможное нарушение указанных валютных норм, суд пришел к выводу о противоречии исполнения арбитражного решения основам публичного порядка Российской Федерации.*

*Дополнительным аргументом, подтверждающим сомнение суда в правомерности исполнения решения иностранного арбитража, послужило отсутствие в материалах дела оригинала договора залога, на котором основывалась арбитражная оговорка. Суд отметил, что российская сторона не признала наличие задолженности, а также оспаривала действительность самого договора займа, что ставило под сомнение правовую основу возникшего спора.*

*Кассационная инстанция, рассмотрев жалобу заявителя, оставила в силе выводы суда первой инстанции. Таким образом, отказ в признании и приведении в исполнение решения HKIAC стал окончательным.*

Проанализированный случай позволяет сделать ряд обобщающих правовых выводов, имеющих практическое значение. Во-первых, он демонстрирует исключительную важность юридической точности и согласованности арбитражных оговорок, содержащихся в различных связанных контрактах. Несовпадение условий юрисдикционной подведомственности, формально закрепленной сторонами, с фактически примененным арбитражным механизмом способно стать непреодолимым препятствием для исполнения иностранного арбитражного решения на территории Российской Федерации. Во-вторых, приведенное выше решение иллюстрирует значимость соблюдения норм публичного порядка, включая валютное регулирование. Российские суды традиционно подходят к этим вопросам с высокой степенью формализма, придавая большое значение контролю за легитимностью трансграничных финансовых операций.

[10] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 августа 2022 г. по делу № А40-281802/2021. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ZiJstN97vZbO/?ysclid=mddchw4f3b552040229 (дата обращения: 22.07.2025).

**Заключение**

Подводя итоги, следует отметить, что признание и исполнение решений МКА играет ключевую роль в обеспечении правовой определенности и предсказуемости при регулировании трансграничных коммерческих отношений. Российская Федерация и КНР выстроили устойчивую нормативно-договорную основу, позволяющую обеспечивать эффективность и легитимность процедур исполнения арбитражных актов, принятых в юрисдикции другой стороны. Подобное сближение будет способствовать не только укреплению правового сотрудничества между странами, но и созданию устойчивой платформы для долгосрочного взаимодействия в сфере международной торговли.

**Список источников**

1. Вилкова Н. Г. Значение Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 года для развития международного коммерческого арбитража // Хозяйство и право. 2018. № 9 (500). С. 95–110.

2. Van den Berg A. J. The New York Arbitration Convention of 1958. The Hague : T.M.C. Asser Institute, 1981. 480 p.

3. Moses M. L. The principles and practice of international commercial arbitration. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 340 p.

4. Борн Г. Б. Международный арбитраж: право и практика : пер. с англ. / под ред. Н. А. Бабаджаняна. М. : Рос. ин-т современ. арбитража, 2020. 928 с.

5. Филатова У. Б. Принцип справедливости в российском гражданском праве // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 280-летию со дня рождения Г. Р. Державина, Иркутск, 2023 г. / отв. ред. С. И. Суслова. Иркутск : ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023. С. 129–133.

6. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб. : Тип. М-ва путей сообщения, 1882. 418 с.

7. Розенберг М. Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. М. : Кн. мир, 2003. 1071 с.

8. Кулаков В. В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4 (22). С. 185–192.

9. Катровская Е. А. Санкционные вызовы в сфере международного коммерческого арбитража в 2022 году и способы их преодоления // Международное право. 2023. № 1. С. 1–9.

10. Сафонов А. В. Проблема выбора международного коммерческого арбитража в условиях санкций // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. 2024. Т. 9, вып. 2. С. 10–13.

**References**

1. Vilkova N. G. The significance of the 1958 UN Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards for the development of international commercial arbitration. *Economy and Law.* 2018;(9):95-110. (In Russ.)

2. Van den Berg A. J. *The New York Arbitration Convention of 1958.* The Hague: T.M.C. Asser Institute; 1981. 480 p.

3. Moses M. L. *The principles and practice of international commercial arbitration.* Cambridge: Cambridge University Press; 2008. 340 p.

4. Born G. B. *International arbitration: law and practice.* Transl. from Engl. Ed. N. A. Babadzhanyan. Moscow: Russian Institute of Modern Arbitration; 2020. 928 p. (In Russ.)

5. Filatova U. B. The principle of justice in Russian civil law. In: S. I. Suslova, ed. *Problems of modern legislation of Russia and foreign countries.* Materials of the XII International Scientific and Practical Conference dedicated to the 280th anniversary of G. R. Derzhavin. Irkutsk, 2023. Irkutsk: All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia); 2023. Pp. 129–133. (In Russ.)

6. Martens F. F. *Modern international law of civilized nations.* St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Railways; 1882. 418 p. (In Russ.)

7. Rozenberg M. G. *International purchase and sale contract. Modern practice of imprisonment. Dispute resolution.* Moscow: Knizhnyj mir; 2003. 1071 p. (In Russ.)

8. Kulakov V. V. Basic principles of civil law as a special form of law. *Perm University Herald*. Juridical Science. 2013;(4):185-192. (In Russ.)

9. Katrovskaya E. A. The 2022 sanction challenges for international commercial arbitration and methods of resolving them. *International Law.* 2023;(1):1-9. (In Russ.)

10. Safonov A. V. The problem of choosing international commercial arbitration in the conditions of sanctions policy. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law.* 2024;9(2):10-13. (In Russ.)

**Информация об авторе**

А. В. Колосов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения.

**Information about the author**

A. V. Kolosov – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the International Law and Comparative Law Department.

**Конфликт интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Conflict of interests**

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 30.07.2025; одобрена после рецензирования 15.10.2025; принята к публикации 25.12.2025.

The article was submitted 30.07.2025; approved after reviewing 15.10.2025; accepted for publication 25.12.2025.

Российское правосудие. 2026. № 3. С. 83–89
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 3. P. 83–89
УДК 347.21 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.3.83-89
Научная статья

# Имущественные права как объекты гражданских прав

**Екатерина Владимировна Лебедева**
Уральский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Челябинск, Российская Федерация, lebedeva-ekateri@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9413-3319

**Аннотация.** В статье исследуется правовая категория «имущественные права» как объект гражданских прав, анализируется трансформация места имущественных прав в системе объектов гражданских прав с учетом изменений нормы права, закрепленной в ст. 128 ГК РФ. Задачи исследования представляют собой выявление позиций законодателя и правоприменителя относительно понимания сущности правовой категории «имущественные права», определение правовой природы имущественных прав с доктринальной точки зрения, проведение анализа соотношений таких понятий, как «имущественное право» и «вещное право», определение содержания категории «имущество». Цель исследования заключается в установлении соответствия/несоответствия однообразного понимания законодателем, правоприменителем рассматриваемых правовых категорий (в том числе категории «имущественные права») во всех нормах ГК РФ.
Исследование проводилось с использованием формально-логического метода и метода анализа.
Результат исследования представляет собой краткий анализ правовой природы имущественных прав как объекта гражданских прав. Согласно позиции автора необходимо приведение в соответствие друг другу норм права, регулирующих правоотношения с имущественными правами, недопустимо отождествление категорий «имущество» и «имущественное право», неправомерно смешение дефиниций «имущественное право» и «право на имущество».

**Ключевые слова:** имущественные права, иное имущество, имущество, объект гражданских прав, объекты права

**Для цитирования:** Лебедева Е. В. Имущественные права как объекты гражданских прав // Российское правосудие. 2026. № 3. С. 83–89. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.83-89.

Original article

**Property Rights as Objects of Civil Rights**

**Ekaterina V. Lebedeva**
Ural Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Chelyabinsk, Russian Federation, lebedeva-ekateri@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9413-3319

**Abstract.** The article examines the legal category “property rights” as an object of civil rights, analyzes the transformation of the place of property rights in the system of objects of civil rights, taking into account changes in the rule of law enshrined in Art. 128 of the Civil Code of the Russian Federation.
The objectives of this study are to identify the positions of legislators and law enforcement officials regarding the essence of the legal category “property rights”, define the legal nature of property rights from

© Лебедева Е. В., 2026

a doctrinal perspective, analyze the relationships between concepts such as “property rights” and “property rights”, and define the content of the category “property”. The goal of the study is to establish the consistency or inconsistency of the legislator’s and law enforcement officials’ uniform understanding of the legal categories under consideration (including the category “property rights”) across all provisions of the Civil Code of the Russian Federation.
The study was carried out using a formal logical method and an analysis method.
The result of the study is a brief analysis of the legal nature of property rights as an object of civil rights. The author adheres to the position of the need to harmonize the rules of law governing legal relations with property rights, the inadmissibility of identifying the categories “property” and “property rights”, and the illegality of mixing the definitions “property law” and “right to property”.

**Keywords:** property rights, other property, property, object of civil rights, objects of law

**For citation:** Lebedeva E. V. Property rights as objects of civil rights. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(3):83-89. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.83-89.

**Согласно ст. 128 ГК РФ объекты гражданских прав могут быть условно распределены на четыре группы: первая группа – имущество (вещи (в том числе наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество (в том числе имущественные права, включая безналичные денежные средства); вторая группа – результаты работ и оказание услуг; третья группа – интеллектуальная собственность; четвертая группа – нематериальные блага.**

В статье 128 ГК РФ категория «объекты гражданских прав» понимается в узком смысле – как объекты гражданских правоотношений[1]. Однако объект права может пониматься и в широком смысле – как предмет правового регулирования [1, с. 9]. Некоторые исследователи утверждают, что корректно выделение субъективных гражданских прав, а не объектов гражданских прав[2].

По какому критерию можно отграничить объекты гражданских прав один от другого? Е. А. Суханов подчеркивает, что объекты гражданских прав можно разграничить не по их физическим свойствам, а по правовому режиму, что ведет к различию в содержании правоотношений, которые возникают по поводу определенных объектов[3]. К примеру, С. А. Хохлов относительно правового режима такого объекта, как имущественные права, отмечает, что в отличие от вещных прав они вытекают из конкретных обязательств [2, с. 218]. Е. А. Суханов обоснованно полагает, что вещи являются объектами вещных прав, а имущественные права – объектами обязательственных, корпоративных либо исключительных прав[4].

Некоторые ученые отмечают, что в рамках правоприменительной деятельности имеется необоснованное смешение правовых режимов различных объектов: например, акционера рассматривают как собственника имущества акционерного общества [3, с. 52–53]. Однако имеется и другая точка зрения относительно, к примеру, правового режима такого объекта, как «иное имущество». Д. В. Мурзин указывает, что, исходя из отнесения категории «иное имущество» к системе абсолютных прав, можно применить к данному объекту виндикационную модель защиты, в том числе истребовать это имущество из чужого незаконного владения [4, с. 23]. Данная позиция представляется спорной, поскольку, к примеру, правовая природа имущественных прав не является вещной, а относится к обязательственным, корпоративным или исключительным правам.

---

[1] Российское гражданское право : учеб. : в 2 т. Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М. : Статут, 2011. С. 297.

[2] *Бевзенко Р. С.* Объекты гражданских прав и статья 128 Гражданского кодекса РФ: в поисках оптимальной системы // Zakon.ru : [сайт]. URL: https://zakon.ru/blog/2024/3/13/obekty_grazhdanskih_prav_i_statya_128_grazhdanskogo_kodeksa_v_poiskah_sistemy.

[3] Российское гражданское право. С. 298.

[4] Там же. С. 303.

Действующая к настоящему времени норма права, закрепленная в ст. 128 ГК РФ (первоначальная редакция данной статьи 1994 г.), неоднократно подвергалась изменениям: в 2006 г.[5], 2013 г.[6], 2019 г.[7], 2023 г.[8]

Изначально в ст. 128 ГК РФ (редакция 1994 г.) к первой группе объектов гражданских прав относилось имущество, в которое были включены, во-первых, вещи (в том числе деньги и ценные бумаги), во-вторых, иное имущество. Изменения данной статьи в 2006 г. не коснулись первой группы объектов гражданских прав – имущества.

В 2013 году имущество как объект гражданских прав было представлено следующим образом: с одной стороны, вещами (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), а с другой стороны, иным имуществом, включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права). Таким образом, законодателем расширен перечень видов имущества, которые могут быть объектом гражданских прав. Изменения рассматриваемой нормы права в 2013 г. положительным образом отразились на разграничении правовых режимов наличных и безналичных денежных средств. Как указано выше, законодатель наличные деньги отнес к вещам, а безналичные денежные средства – к иному имуществу.

Конституционный Суд Российской Федерации в 2014 г. подчеркнул, что по своей природе безналичные денежные средства, существующие в виде записи на банковском счете кредитора (их обладателя), представляют собой его обязательственное требование на определенную сумму к кредитной организации, в которой открыт данный счет[9].

Однако безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги прямо не были отнесены к имущественным правам. Указанное обстоятельство признается некоторыми учеными грубейшей ошибкой законодателя ввиду того, что указанный объект всегда по своей правовой природе признавался имущественными правами [5, с. 112].

Существенные изменения, затронувшие имущество как объект гражданских прав (в контексте ст. 128 ГК РФ), осуществлены в 2019 г. В данном случае была исправлена ранее указанная правовая ошибка, а имущество как объект гражданских прав представлено в виде вещей (включающих наличные деньги и документарные ценные бумаги) и иного имущества (в том числе имущественных прав, включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права). В 2023 году к безналичным денежным средствам отнесены цифровые рубли.

В целом в доктрине неоднократно подчеркивалось, что правовая категория «имущество» является собирательной, имущество рассматривается как совокупность принадлежащих субъекту

---

[5] Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5497.

[6] Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 27. Ст. 3434.

[7] Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 12. Ст. 1224.

[8] Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5765.

[9] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2014 г. № 31-П по делу «О проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества “Глория”». Здесь и далее доступ из СПС «Гарант», если не указано иное.

гражданского права вещей, имущественных прав и обязанностей[10]. Данную позицию поддержал и Высший Арбитражный Суд Российской Федерации[11].

Вместе с тем исследователи справедливо отмечают, что имущество не представляет собой самостоятельный объект гражданских прав. Понятие «имущество» чаще используется для обозначения совокупности различных по своему правовому режиму объектов гражданских прав. Так, Е. А. Суханов[12] соглашается с позицией В. М. Хвостова[13], в соответствии с которой имущество как самостоятельный объект гражданских прав может быть представлено лишь в двух случаях: при переходе имущества от наследодателя к наследнику или при реорганизации юридического лица. Возможно также дополнить данный ряд и примером о передаче предприятия как имущественного комплекса, при которой происходит передача имущества (в том числе вещей, имущественных прав, обязанностей и пр.).

Несмотря на разумность и обоснованность такого доктринального подхода, законодатель рассматривает в одних случаях категорию «имущество» в широком смысле, например, в ст. 128 ГК РФ имущество признается как самостоятельный объект гражданских прав, а в других случаях – в узком смысле, отождествляется с вещью. Например, в ст. 209 ГК РФ указано, что собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Однако, по сути, имеется в виду не имущество, а вещь. Право собственности может быть только в отношении вещи, в отношении иного имущества установлено не вещное право, а обязательственное, корпоративное, исключительное (как было отмечено ранее).

Научно-практический интерес вызывает категория «имущественные права» как объект гражданских прав. Сложно не согласиться с тем, что имущественное право представляет собой некую абстракцию [6, с. 60], которая не имеет в настоящий момент выражения в материальном мире (однако через определенный период времени, безусловно, имущественные права могут быть выражены в материальном эквиваленте).

Конституционный Суд Российской Федерации рассматривает имущественные права как права владения, пользования и распоряжения имуществом[14]. Видами имущественных прав, например, могут быть право получения дивиденда по акциям, право требования возврата заемных денежных средств[15].

ГК РФ, безусловно, осуществляется регулирование правоотношений с имущественными правами. Так, в ст. 123.4 указано, что участники общественной организации не сохраняют имущественные права на переданное ими в собственность организации имущество, в том числе членские взносы. В статье 123.18 отмечается, что учредители фонда не имеют имущественных прав в отношении созданного ими фонда. В статье 123.20-5 перечислены некоторые виды имущественных прав в отношении управления личным фондом, например право пользования имуществом, право на оплату работ, услуг и др. На основании ст. 132 в состав предприятия как имущественного комплекса входят все виды имущества, включая права требования, долги. Представляется, что указанные объекты являются имущественными правами (требованиями). Согласно ст. 336 предметом залога может быть всякое имущество, в том числе вещи и имущественные права. В силу

---

[10] Российское гражданское право. С. 301.

[11] Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2002 г. № 69 «Обзор практики разрешения споров, связанных с договором мены».

[12] Российское гражданское право. С. 301.

[13] *Хвостов В. М.* Система римского права : учеб. М., 1996. С. 124.

[14] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 2000 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой открытого акционерного общества “Тверская прядильная фабрика”» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2000. № 4.

[15] Российское гражданское право. С. 301.

ст. 447 в качестве организатора торгов могут выступать собственник вещи, обладатель иного имущественного права на нее. На основании ст. 572 даритель передает или обязуется передать одаряемому вещь в собственность или имущественное право (требование). В статье 656 отмечается, что по договору аренды предприятия как имущественного комплекса передаются в том числе имущественные права. Согласно ст. 1112 в состав наследства входят не только вещи, но и иное имущество (включая имущественные права и обязанности). В статье 1226 к имущественному праву отнесены исключительные права.

При этом в некоторых случаях законодатель использует некорректные, по нашему мнению, правовые дефиниции касательно указания объектов гражданских прав, входящих в группу «имущество».

Так, в силу п. 2 ст. 561 ГК РФ имущество, права и обязанности (в составе предприятия как имущественного комплекса) должны быть переданы продавцом покупателю с соблюдением определенных условий. Вместе с тем представляется, что если речь идет об имущественных правах, то они конструктивно уже включены в понятие «имущество» и нецелесообразно в данном случае указывать данные объекты отдельно друг от друга.

Подобный диссонанс наблюдается и в норме права, закрепленной в п. 3 ст. 817 ГК РФ, согласно которому договор государственного займа заключается путем приобретения займодавцем выпущенных государственных облигаций, удостоверяющих право займодавца на получение от заемщика предоставленных ему взаймы денежных средств или иного имущества либо иных имущественных прав. Представляется необходимым исключить фразу «либо иных имущественных прав», поскольку категория «имущественные права» уже включена в категорию «иное имущество».

Кроме того, в отдельных случаях законодатель смешивает, не разделяет между собой такие понятия, как «право на имущество» и «имущественное право». Так, на основании п. 2 ст. 447 ГК РФ в качестве организатора торгов может выступать собственник вещи, обладатель иного имущественного права на нее. Вероятно, речь идет не об имущественном праве на вещь, а о вещном праве. Раздел II ГК РФ именуется «Право собственности и другие вещные права». Под вещными правами понимаются, к примеру, сервитуты, право пожизненного наследуемого владения земельным участком (ст. 265), право хозяйственного ведения имуществом (ст. 294) и право оперативного управления имуществом (ст. 296) и др. Таким образом, в п. 2 ст. 447 ГК РФ целесообразнее отразить, что в качестве организатора торгов может выступать собственник вещи, обладатель иного вещного права на нее.

Неточности в формулировании законодателем своей позиции относительно понимания природы такого объекта гражданских прав, как имущество (в контексте разграничения имущества на вещи и иного имущества), порождает неоднородность судебной практики. Так, в одних случаях суды правомерно квалифицируют рассматриваемые объекты гражданских прав. К примеру, к имущественному праву отнесены дебиторская задолженность[16], паенакопления[17], право на получение встречного предоставления с контрагента[18], аренда[19]. Однако, например, не совсем ясна позиция правоприменителя, когда право недропользования рас-

[16] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25 февраля 2019 г. № Ф09-313/19 по делу № А60-45664/2018, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 9 октября 2018 г. № Ф04-4267/18 по делу № А45-6267/2017.

[17] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда от 4 апреля 2019 г. по делу № 33-3406/2019.

[18] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 октября 2019 г. № 78-КГ19-41.

[19] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2017 г. № 60-КГ17-1.

сматривается (со ссылкой на ст. 128 ГК РФ) как имущественное право[20]. Кроме того, представляется неправомерным рассмотрение имущественных прав не как составного элемента такого объекта, как «иное имущество»[21]. Некорректным также является рассмотрение денег, имущественных прав, иного имущества как однопорядковых, равнозначных объектов гражданских прав[22].

Такого рода правовая ошибка наблюдается также и в уголовном законодательстве. Так, в ст. 195 УК РФ запрещается сокрытие имущества, имущественных прав. В статье 290 УК РФ запрещается получение должностных лицом «денег… иного имущества… имущественных прав». При этом, как упоминалось ранее, понятия «имущественные права» и «имущественные обязанности» логически входят в категорию «имущество».

Административное законодательство также содержит в нормах права подобные некорректные формулировки. В статье 14.13 КоАП РФ категории «имущество» и «имущественные права» рассматриваются как однопорядковые, не связанные между собой. В статье 15.46 вышеназванного Кодекса категория «имущественные права» также рассматривается некорректно, категорию «имущественных прав» здесь следует заменить на иную правовую категорию – «вещных прав».

**Заключение**

Таким образом, в правотворческой и правоприменительной деятельности наблюдаются смешение категорий «имущественное право» и «право на имущество», «имущественные права» и «вещные права»; некорректное использование категории «имущество», несмотря на фактическое регулирование правоотношений с вещью; использование категорий «имущество» и «имущественные права» как равнозначных дефиниций (несмотря на необходимость рассмотрения их как «общее» и «частное»). С учетом изложенного представляется важным привести в соответствие нормы права, содержащиеся в гражданском законодательстве (а лучше – и в других видах законодательства), с нормой права, изложенной в ст. 128 ГК РФ, что позволит создать благоприятную почву для единообразного, корректного применения права при разрешении споров. Важность и необходимость правильного понимания места имущественных прав в системе объектов гражданского права требует в правоотношениях с ними применять не нормы, относящиеся к вещным правам, а нормы, регулирующие обязательственные, корпоративные, исключительные права.

**Список источников**

1. Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чикильдина А. Ю. Объекты гражданских прав: новые векторы правового регулирования // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2013. № 4 (21). С. 8–13.

2. Хохлов С. А. Избранное / сост. и науч. ред. П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2012. 280 с.

3. Подшивалов Т. П. Объект гражданских прав и правовой режим: проблемы определения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2013. Т. 13, № 3. С. 49–54.

4. Мурзин Д. В. Иное имущество в гражданском праве: объекты абсолютных и относительных прав // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 18–28.

5. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 111–119.

[20] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 февраля 2018 г. № Ф05-414/18 по делу № А40-245242/2016.

[21] Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 16 февраля 2021 г. № 49-АД21-1-К6.

[22] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2024 г. № 310-ЭС23-27829 по делу № А23-9744/2020.

6. Лукьянцева И. А. Правовая природа электроэнергии как объекта гражданских прав // Журнал российского права. 2008. № 3. С. 53–61.

**References**

1. Anisimov A. P., Ryzhenkov A. Ya., Chikildina A. Yu. Objects of the civil rights: new vectors of legal regulation. *Science Journal of Volgograd State University. Series. 5. Jurisprudence.* 2013;(4):8-13. (In Russ.)

2. Khokhlov S. A. *Favorites.* Comp. and scientific ed. P. V. Krasheninnikov. Moscow: Statut; 2012. 280 p. (In Russ.)

3. Podshivalov T. P. Object of civil rights and legal regime: problem of definition. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law.* 2013;13(3):49-54. (In Russ.)

4. Murzin D. V. “Other property” in civil law: objects of absolute and relative rights. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Researches*. 2021;(5):18-28. (In Russ.)

5. Vasilevskaya L. Yu. Token as a new civil rights object: issues of legal classification of digital law. *Aktual’nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2019;(5):111-119. (In Russ.)

6. Lukyantseva I. A. Legal nature of electricity as an object of civil rights. *Journal of Russian Law.* 2008;(3):53-61. (In Russ.)

**Информация об авторе**

Е. В. Лебедева – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин.

**Information about the author**

E. V. Lebedeva – Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Civil Law Disciplines Department.

**Конфликт интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Conflict of interests**

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 08.07.2024; одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 25.12.2025.

The article was submitted 08.07.2024; approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 25.12.2025.

Российское правосудие. 2026. № 3. С. 90–103
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 3. P. 90–103
УДК 343.12 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.3.90-103

Научная статья

# Процессуальные издержки в структуре расходов государства на уголовное судопроизводство и в ее динамике

**Сергей Рэмович Зеленин**
Верховный Суд Российской Федерации, Москва, Российская Федерация,
zelenin_sr@vsrf.ru

**Аннотация.** Финансирование государством уголовного судопроизводства осуществляется в двух видах. Первый вид расходов обеспечивает создание и поддержание инфраструктуры государственных органов, осуществляющих производство по уголовным делам и вовлеченных в эту деятельность. Эти расходы государства имеют характер институциональных и могут быть определены как судоустройственные. Другой вид расходов государства обеспечивает производство конкретных следственных и процессуальных действий путем возмещения расходов их участников и выплаты им вознаграждения. Это судопроизводственные, или процессуальные, издержки. Различия между ними важны как для законодательного процесса, так и для научных исследований.

Результаты проведенных в последнее время исследований направлены на обоснование перевода ряда расходов, традиционно относящихся к судоустройственным, в процессуальные. Однако использование общенаучных методов анализа правоприменения и статистики, а также исследование нормативного регулирования уголовного процесса и смежных отраслей позволили получить данные о реальных тенденциях изменения структуры расходов государства на уголовное судопроизводство.

Выявлено и проанализировано влияние ряда факторов нормативного, институционального и функционального свойства на сокращение процессуальных издержек. К таким факторам можно отнести: развитие видео-конференц-связи для дистанционного участия в производстве по уголовному делу, сокращение участия понятых в проведении некоторых следственных действий, развитие системы государственных судебно-экспертных учреждений и увеличение количества видов экспертиз, проводимых в них, установление повышенных гарантий некоторым категориям работников в случае отстранения их от должности и другие. При этом сокращение определенных процессуальных издержек, очевидно, должно сопровождаться увеличением расходов соответствующего государственного аппарата.

Действительной тенденцией изменения структуры государственных расходов на уголовный процесс является переход части средств, ранее расходуемых в качестве процессуальных издержек, в категорию судоустройственных расходов, что требует внимания со стороны законодателя и ученых-процессуалистов.

**Ключевые слова:** процессуальные издержки, судопроизводственные издержки, судоустройственные издержки, расходы на уголовное судопроизводство, расходы участников уголовного процесса, государственные судебно-экспертные учреждения, видео-конференц-связь

**Для цитирования:** Зеленин С. Р. Процессуальные издержки в структуре расходов государства на уголовное судопроизводство и в ее динамике // Российское правосудие. 2026. № 3. С. 90–103. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.90-103.

© Зеленин С. Р., 2026

Original article

**Procedural Costs in the Structure of State Expenditures on Criminal Proceedings and in Its Dynamics**

**Sergey R. Zelenin**

Supreme Court of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, zelenin_sr@vsrf.ru

**Abstract.** State funding of criminal justice occurs in two forms. The first type of expenditure is aimed at creating and maintaining the infrastructure of state bodies conducting criminal proceedings and participating in these activities. These state expenditures are institutional in nature and can be defined as judicial. The other type of state expenditure is related to the implementation of specific investigative and procedural actions by reimbursing the costs of their participants and paying them compensation. These are called legal or procedural costs. The distinction between them is important for both the legislative process and academic research.

A recent study aimed to justify the reclassification of certain expenses traditionally associated with the administration of justice as procedural costs. However, the use of general scientific methods for analyzing law enforcement practices and statistics, as well as research into the legal framework for criminal proceedings and related areas, allowed us to obtain data on actual trends in the changing structure of public spending on criminal proceedings.

The impact of a number of regulatory, institutional, and functional factors on reducing procedural costs was identified and analyzed. These factors include: the development of videoconferencing for remote participation in criminal proceedings, a reduction in the use of witnesses in certain investigative actions, the development of a system of state forensic institutions and an increase in the number of examinations conducted there, the establishment of enhanced guarantees for certain categories of employees in the event of their removal from office, and others. Furthermore, the reduction of these procedural costs should obviously be accompanied by increased spending on the relevant state apparatus and its expenditures.

A real trend in the changing structure of public expenditure on criminal proceedings is the transition of some funds previously spent as procedural costs to the category of legal costs, which requires the attention of legislators and procedural scholars.

**Keywords:** procedural costs, legal costs, ship maintenance costs, criminal proceedings costs, expenses of participants in criminal proceedings, state forensic institutions, video conferencing

**For citation:** Zelenin S. R. Procedural costs in the structure of state expenditures on criminal proceedings and in its dynamics. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(3):90-103. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.90-103.

## Введение

Расходы государства на уголовное судопроизводство можно разделить на два вида. Первый из них, наиболее значительный по объему, обеспечивает создание и функционирование всей системы государственных органов, участвующих в производстве по уголовным делам, – судов, органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, осуществляющей надзор за предварительным расследованием и обеспечивающей участие прокуроров в различных уголовно-судебных процедурах. Это, например, расходы государства на строительство и поддержание соответствующей инфраструктуры (здания, оборудование, транспорт, связь, расходные материалы и пр.), на заработную плату, социальные гарантии и на иные выплаты работникам соответствующих органов и учреждений, например, командировочные расходы. По сути, это расходы государства «на самого себя», т. е. на ту часть государственного аппарата, которая реализовывает возложенную на государство обязанность поддержания правопорядка и уголовного преследования лиц, совершивших преступления. Сложность организации и деятельности человеческого общества предопределяет необходимость постоянного функционирования таких органов, а не создания разовых структур для расследования каждого конкретного преступления по мере их совершения и рассмотрения оконченных расследованием дел. Именно поэтому указанные расходы не связаны с производством по конкретному делу и не обусловлены им. Конечно, статистика преступности может повлиять на штатные мероприятия правоохранительных органов

или, гораздо реже, на изменения в их структуре, однако речь при этом идет именно о статистических проявлениях преступности, а не о фактах расследования отдельных преступлений. Таким образом, характерные черты этого вида расходов государства на уголовное судопроизводство – их направленность на функционирование государственных органов, участвующих в производстве по уголовным делам, и несвязанность этих расходов с производством по конкретному уголовному делу. Такие расходы на уголовное судопроизводство логично назвать судоустройственными, поскольку они имеют характер институциональных.

Другой «поток» средств призван обеспечивать функциональный аспект уголовного судопроизводства. Это расходы государства на участие лиц, вовлекаемых в производство по делу, а не должностных лиц, уполномоченных проводить расследование или судебное разбирательство. Такие расходы появляются лишь в связи с расследованием или рассмотрением конкретного уголовного дела и направлены на обеспечение производства конкретных следственных действий путем возмещения расходов их участникам и выплаты причитающегося им вознаграждения. Эти расходы, поскольку они прямо предусмотрены уголовно-процессуальным законом и порождены правоприменением в ходе судопроизводства, можно называть общим термином «судопроизводственные расходы». По Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и в советском уголовно-процессуальном законе они именовались судебными издержками, а в современном УПК РФ определены как процессуальные издержки. При определенных законом условиях эти издержки могут быть взысканы с осужденных и иных определенных законом лиц в пользу бюджета, профинансировавшего производство по делу.

Вопрос о разграничении этих двух видов государственного финансирования расходов на уголовное судопроизводство содержательно важен, поскольку позволяет правильно распределить расходы по видам, установить границы между ними, что могло бы предотвратить ошибочное их смешение. Попытки законодателя ввести такое регулирование, которое игнорирует изложенное понимание разграничения между судоустройственными и судопроизводственными издержками, могут привести к появлению в законе «мертвых» норм. Так произошло, например, с предусмотренными п. 10 ч. 2 ст. 131 УПК РФ расходами на уведомление близких родственников, родственников или близких лиц подозреваемого о его задержании и месте нахождения. Неудачное законодательное регулирование заключается, во-первых, в отсутствии какого-либо механизма учета таких расходов. Во-вторых, и это главное, в реальности предусмотренное ч. 1 ст. 96 УПК РФ уведомление производится путем телефонного разговора из помещения правоохранительного органа и порождает для этого органа скорее судоустройственные (использование служебного телефона), а не процессуальные издержки [1, с. 83–84]. Указание в одной из работ на то, что самыми частыми случаями, подпадающими под процессуальные издержки, при расследовании уголовного дела являются именно суммы, связанные с уведомлением о задержании подозреваемого [2, с. 233], видимо, констатация *должного*, а не реального положения дел, тем более что примеров из следственной практики в статье не приведено. Правильная классификация расходов решает задачу определения, какие из них должны быть отнесены к процессуальным издержкам и, таким образом, в дальнейшем могут быть компенсированы бюджету через механизм, предусмотренный ст. 132 УПК РФ, а какие, в силу публичного характера функции государства по поддержанию правопорядка в целом и по преследованию совершивших преступление лиц в частности, остаются бременем федерального бюджета.

**Результаты**

Установление объективно предопределенных тенденций этого разграничения важно для развития доктринальных представлений о процессуальных издержках. В связи с этим нельзя не отметить, что в науке сформировалось направление исследований, обосновывающих расширение перечня процессуальных издержек за счет тех, которые традиционно относились к судоустройственным расходам государства.

Так, в литературе отмечается необходимость взыскания с лиц, уклоняющихся от отбывания лишения свободы, расходов, связанных с их розыском [3], обсуждается вопрос о возмещении осужденным вреда, причиненного исправительному учреждению побегом [4]. При этом введение такого вида процессуальных издержек, как затраты на розыск конкретного лица, видится авторам оправданным в целях восстановления социальной справедливости как основы стабильности в обществе и поддержания доверия к закону [5, с. 115].

Предложение А. В. Чуркина включить в перечень процессуальных издержек суммы, израсходованные в связи с розыском подозреваемого или обвиняемого, скрывшегося от органа уголовного преследования или суда, а также суммы, выплачиваемые лицам, участвующим в проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий [6, с. 82–83], не только поддерживается, но и расширяется до издержек, «возникающих в связи с преодолением противодействия уголовному преследованию» [7, с. 208]. С. В. Бажанов считает, что та часть процессуальных издержек, которая возникает в ходе выявления, раскрытия и расследования преступлений, а также судебного разбирательства уголовных дел в связи с розыском скрывшихся участников уголовного процесса, должна охватываться институтом розыскных издержек [8, с. 145].

Такие предложения, касающиеся расходов самого государства, т. е. органов, осуществляющих розыскную и оперативно-розыскную деятельность, учитывая логику приведенных выше соображений о характере различий между двумя видами финансирования уголовно-процессуальной деятельности, будет весьма затруднительно реализовать в рамках института процессуальных издержек, которыми признаются суммы, выплачиваемые государством на возмещение расходов лиц, привлекаемых к производству по делу.

Высказываются также идеи, приводящие к «скрытому» перенесению отдельных видов процессуальных издержек в категорию расходов государства, сравнимых с судоустройственными. Так, предложение считать ежемесячное пособие, назначаемое обвиняемому (подозреваемому), временно отстраняемому от должности в соответствии со ст. 114 УПК РФ, одним из видов социальной поддержки или компенсации за ограничение конституционного права на свободный труд и выбор рода деятельности и в силу этого не подлежащим последующему взысканию с осужденного [9], по существу, направлено на вывод предусмотренных п. 8 ч. 2 ст. 131 УПК РФ выплат из состава процессуальных издержек и приравнивание их к социальным пособиям, лишь косвенно связанным с уголовным процессом.

Между тем трансформация перечня процессуальных издержек является объективным процессом, продиктованным иными причинами: расширением гарантий лицам, вовлекаемым в уголовное судопроизводство, что предполагает возмещение государством тех расходов, которые прежде оставались «убытками» лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство (например, дополнение п. 1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ расходами адвоката, участвующего в уголовном деле по назначению, на явку к месту производства процессуальных действий и проживание[1]), но чаще выявившимися «пробелами» законодательства, с учетом открытого перечня издержек – мнимыми [1, с. 73–76], что привело скорее к детализации уже предусмотренного законом их перечня, а не к появлению новых видов издержек. Поэтому имевшее место увеличение количества видов процессуальных издержек, входящих в перечень ч. 2 ст. 131 УПК РФ, не затрагивало «границы» между видами финансирования уголовного процесса и не влияло на соотношение судоустройственных и судопроизводственных издержек государства.

Установив в структуре расходов государства на уголовное судопроизводство два их вида, а также границу между ними, определим целью исследования ее динамику, выявление того, в какую сторону эта граница сдвигается в действительности под влиянием различных факторов как

[1] Федеральный закон от 9 марта 2010 г. № 20-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу возмещения процессуальных издержек» // Российская газета. 2010. 12 марта.

институционального, так и функционального свойства. Для этого проанализируем, что происходит в реализации норм ч. 2 ст. 131 УПК РФ, предусматривающих конкретные виды расходов, возмещаемых государством, с учетом изменений в уголовно-процессуальном и смежном законодательстве и трансформации инфраструктуры судопроизводства.

Пункты 1–3 ч. 2 ст. 131 УПК РФ (за исключением п. 1.1) предусматривают, обобщая, возмещение расходов, связанных с явкой вызываемых в орган расследования или в суд лиц для участия в следственных (процессуальных) действиях либо в судебных заседаниях (проезд, проживание, недополученная заработная плата и выплаты за отвлечение от обычных занятий).

Очевидно, что на количество таких вызовов и, следовательно, обращений за возмещением расходов прямо влияет расширение применения в уголовном судопроизводстве видео-конференц-связи (далее – ВКС). Внедрение такой связи в судопроизводство, в том числе уголовное, происходит весьма активно. На то, что это не просто модный «тренд», а устойчивая тенденция, указывает закрепление такой возможности в законодательстве (ст. 242.1 УПК РФ) и разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации[2]. Отмечается, что в настоящее время ежедневно проводятся дистанционные судебные заседания, количество которых во всех судах Российской Федерации превышает 6 тыс. за сутки[3], а за первое полугодие 2025 г. ВКС применялась судами при рассмотрении 41 189 уголовных дел и материалов[4]. Причем достигнутый уровень признается недостаточным: Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации рекомендует расширять практику проведения проверочных и следственных действий (допроса, очной ставки с участием потерпевшего) с помощью ВКС[5].

Возможность дистанционного участия лиц в производстве следственных или судебных действий определенно приводит к сокращению процессуальных издержек, что означает переход соответствующих расходов из процессуальных в судоустройственные.

Действительно, до широкого распространения ВКС в распоряжении следователя был лишь один инструмент, позволяющий несколько упростить проведение следственных действий с лицами, находящимися на значительном удалении от места расследования дела, – отдельные поручения. В связи с этим следует согласиться с мнением С. А. Табакова о том, что «следователь (дознаватель) обладает возможностью минимизировать процессуальные издержки, воспользовавшись правом на дачу поручений должностным лицам органа дознания или следователю о производстве допроса свидетелей, проживающих в местности, удаленной от органа предварительного расследования» [10, с. 50]. Отметим, что такая «минимизация» не исключает расходов вовсе, предполагая появление почтовых, а значит, судоустройственных расходов государства, однако несколько сокращает их по сравнению с необходимостью возмещения стоимости билетов, проживания и недополученной заработной платы вызываемого лица. Другая альтернатива – выезд следователя (дознавателя) к допрашиваемому лицу также приводит

---

[2] См., например: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» (п. 8) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 3.

[3] *Герман А. С.* Четверть века применения видео-конференц-связи в Верховном Суде Российской Федерации // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.vsrf.ru/files/34348/ (дата обращения: 26.08.2025).

[4] Раздел 15 Отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 6 месяцев 2025 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291 (дата обращения: 27.10.2025).

[5] Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год. С. 302 // Сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2024.pdf (дата обращения: 22.10.2025).

к появлению вместо процессуальных издержек судоустройственных (командировочных) расходов.

Аналогичные обстоятельства выявляются и при применении ВКС. При уменьшении расходов, выплачиваемых лицам, от вызова которых можно отказаться, значительно возрастают затраты государства на поддержание существующей инфраструктуры ВКС и ее развитие, включая содержание и обучение кадров, эксплуатирующих сложное оборудование.

Таким образом, развитие применения ВКС при производстве по уголовным делам приводит к сокращению процессуальных издержек, предусмотренных п. 1, 2 и 3 ч. 2 ст. 131 УПК РФ, при неизбежном росте судоустройственных расходов государства на такую связь.

Заметим, что сокращение процессуальных издержек является не единственным последствием развития ВКС. Целью внедрения рассматриваемого способа удаленного участия в производстве по делу являлось, конечно, не сокращение процессуальных издержек, а прежде всего оптимизация сроков уголовного судопроизводства. Положительно сказывается применение этих систем и на полноте, объективности и всесторонности исследования обстоятельств дела в суде первой инстанции[6]. В литературе обращалось внимание и на иные положительные, хотя и попутные, эффекты от использования ВКС, например ограничение возможности оказания на несовершеннолетнего потерпевшего внепроцессуального давления, что способствует повышению уровня его психологической защиты [11, с. 138–139].

Отдельно следует обратить внимание на включение в перечень издержек, выплачиваемых согласно п. 1, 2 и 3 ч. 2 ст. 131 УПК РФ, соответствующих расходов понятых.

Для нашего исследования важно, что введение в ст. 170 УПК РФ п. 1.1, предоставляющего следователю (дознавателю) возможность заменить участие понятых фиксацией хода и результатов следственного действия (таких, как наложение ареста на имущество, осмотр, следственный эксперимент, выемка, проверка показаний на месте) техническими средствами[7], очевидно сокращает участие понятых в предварительном расследовании уголовного дела и, следовательно, значительно сужает предпосылки для возмещения такого вида процессуальных издержек[8]. После внедрения этих процедур в следственную практику сколько-нибудь значительное применение указанных пунктов ч. 2 ст. 131 УПК РФ в отношении понятых не ожидается.

Этот вывод подтверждается и научными исследованиями: по данным В. С. Латыпова, «в ходе проведенного опроса фактов оплаты участия понятых в уголовном судопроизводстве не выявлено ни в одном уголовном деле» [12, с. 324]. Одновременно эта законодательная новелла предполагает увеличение расходов бюджета на приобретение и эксплуатацию соответствующей фото- и видеотехники, предназначенной для фиксации следственных действий, увели-

---

[6] Использование категории, от которой буква современного уголовно-процессуального законодательства отказалась, предполагает уместным напомнить, применительно к упомянутому принципу уголовного процесса, времена, когда судам прямо рекомендовалось отказаться от вызова в заседание экспертов и свидетелей, проживающих удаленно от суда, ввиду недостаточности средств для возмещения им расходов по явке. См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР с постатейно-систематизированными материалами / сост. консультанты НКЮ С. Аскарханов, А. Иодковский. М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. С. 62.

[7] Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 9. Ст. 875.

[8] На это прямо указывается в пояснительной записке к законопроекту: «Предлагаемый порядок привлечения к производству следственных действий понятых… направлен на повышение эффективности производства следственных действий и снижение расходов из федерального бюджета за счет сокращения процессуальных издержек, возмещаемых понятым» (Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/33012-6 (дата обращения: 18.02.2025).

чивая таким образом судоустройственные издержки на содержание органов дознания и следствия.

Что касается издержек, предусмотренных п. 1.1 (суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего), то введение в закон этого пункта в 2013 г.[9] само по себе повлияло на расходы государства незначительно. Указанные расходы подлежали возмещению потерпевшему и ранее, на основании п. 9 ч. 2 ст. 131 УПК РФ[10]. Но принятие дополнения к ст. 45 УПК РФ, в соответствии с ч. 2.1 которой государство взяло на себя оплату участия представителя потерпевшего (адвоката) в определенных случаях, прямо предусмотренных законом, могло повлечь некоторое снижение расходов государства на выплаты потерпевшим, поскольку размер оплаты услуг адвоката в этих случаях не определяется соглашением сторон, а приравнивается к оплате труда адвоката, осуществляющего защиту по назначению.

Переходя к анализу применения п. 4 и 7 ч. 2 ст. 131 УПК РФ, предусматривающих вознаграждение, выплачиваемое эксперту за исполнение им своих обязанностей в ходе уголовного судопроизводства, за исключением случаев, когда эти обязанности исполнялись в порядке служебного задания, и суммы, израсходованные на производство судебной экспертизы в экспертных учреждениях (за исключением государственных), сосредоточимся на тенденциях, характерных для развития современной судебно-экспертной инфраструктуры.

В соответствии со ст. 195 УПК РФ судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями. С точки зрения предмета нашего исследования основное различие между этими экспертами состоит в том, что производство экспертизы государственными судебными экспертами не порождает процессуальных издержек, поскольку их деятельность финансируется за счет средств федерального бюджета или бюджетов субъектов Российской Федерации[11]. Вознаграждение иных экспертов, участвующих в производстве по уголовному делу вне служебного задания, и расходы на производство такой экспертизы относятся к процессуальным издержкам. Таким образом, производство экспертизы по уголовному делу в обоих случаях финансируется государством, но различным образом: в первом случае это судоустройственные издержки, во втором – судопроизводственные, процессуальные. Соотношение видов государственных расходов на экспертизы, таким образом, зависит от того, какому эксперту, государственному или иному, поручается производство экспертизы.

Анализ статистики назначения экспертиз показывает устойчивую тенденцию сокращения числа экспертиз, проводимых в ходе судебного разбирательства уголовного дела в негосударственных экспертных учреждениях. Если в 2016 г. таких экспертиз было проведено 873, то в 2024 г. – уже 386[12].

Указанная тенденция предопределена:

---

[9] Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2013. 30 дек.

[10] См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (п. 34) // Российская газета. 2010. 7 июля.

[11] Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» (в ред. от 15.12.2022). Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

[12] См. данные судебной статистики на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 22.10.2025).

– расширением сети государственных экспертных учреждений, реализованным, например, путем создания Судебно-экспертного центра СК РФ, который по существу представляет собой систему государственных судебно-экспертных учреждений, состоящую из Центра и его восьми филиалов, имеющих территориальные отделы, что предполагает сокращение количества платных экспертиз соответствующих видов, поскольку эти экспертизы теперь будут оплачены государством через финансирование вновь созданных государственных экспертных учреждений;

– увеличением количества экспертиз, поручаемых только государственным экспертным учреждениям в соответствии с перечнем, утвержденным Правительством. Этот перечень[13] и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые, по мнению комментаторов, устанавливают приоритет государственных экспертов перед иными, указывая, что производство судебной экспертизы может быть поручено обладающему специальными знаниями лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении, в тех случаях, когда в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем определенную территорию, производство судебной экспертизы невозможно в связи с отсутствием условий для ее производства, либо отсутствием эксперта конкретной специальности, или при наличии оснований для отвода всех имеющихся на данной территории государственных судебных экспертов[14], толкуются доктриной как установление преимущественного положения государственных судебно-экспертных учреждений [13, с. 11], в которых производство экспертизы должно назначаться по общему правилу, а иные эксперты рассматриваются как дополнительный институт, к которому следователь или суд могут обращаться лишь при наличии определенных в законе оснований;

– созданием в ведомственных экспертных подразделениях новых видов экспертиз с учетом их востребованности практикой [14]. Так, за двадцать последних лет количество родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел, возросло на девять[15], а за десять последних лет выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России – на восемь[16], что свидетельствует о расширении перечня экспертиз, выполняемых государственными экспертными учреждениями, осваивающими новые виды экспертных исследований (появляются такие их виды,

---

[13] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р «О перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» (в ред. от 31.10.2023).

[14] См. п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (в ред. от 29.06.2021).

[15] См. Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (утв. приказом МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (в ред. от 29.06.2005 и от 27.09.2023).

[16] См. Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России (утв. приказом Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России») и Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России (утв. приказом Минюста России от 20 апреля 2023 г. № 72 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России») (в ред. от 31.01.2024).

как, например, политологическое исследование информационных материалов, исследование объектов лесной таксации и лесоустроительной документации, исследование стоимости строительства, финансируемого с привлечением бюджетных средств, психологическое исследование информационных материалов и др.).

Кроме того, высказываемые в литературе предложения о сертификации негосударственных судебно-экспертных учреждений [15, с. 135] могут привести к повышению требований к ним и повлечь сокращение таких учреждений за счет не прошедших сертификацию, а потому – к уменьшению количества случаев назначения оплачиваемых процессуальными издержками экспертиз.

Описанная в литературе практика оплаты некоторых экспертиз на основании гражданско-правового договора, заключенного между органом дознания, предварительного следствия или судом с одной стороны и судебно-экспертным учреждением – с другой [16, с. 273], также способствует переводу сумм, выплачиваемых экспертам в качестве процессуальных издержек, в категорию судоустройственных расходов государства[17].

Отмеченные изменения в сфере экспертной деятельности позволяют с достаточной уверенностью предположить, что развитие системы государственных судебно-экспертных учреждений и расширение видов экспертиз, которые они имеют возможность проводить, будут со временем сужать поле деятельности для иных экспертов, оставляя им лишь редко востребованные и уникальные виды экспертиз. Заметим, что эксперты, работающие вне государственных судебно-экспертных учреждений, совсем не исчезнут, поскольку всегда остается вероятность применения для установления обстоятельств дела настолько специфических и малораспространенных специальных знаний, что создание под такую потребность соответствующей государственной структуры не будет оправдано ни логически, ни финансово.

В целом выявленная тенденция определенно повлечет сокращение расходов государства на тот вид издержек, который связан с оплатой деятельности «иных» (негосударственных) экспертов, но потребует роста финансирования государственных судебно-экспертных учреждений в целях совершенствования их оснащения, разработки новых научно обоснованных методик, поддержания должного уровня заработной платы экспертов и пр., т. е. фактически будет означать переход процессуальных издержек в категорию судоустройственных.

Из издержек, предусмотренных п. 6 ч. 2 ст. 131 УПК РФ, рассмотрим те, что расходуются на перевозку (транспортировку) трупов и их частей. Перечисленные в этом же пункте суммы на демонтаж, хранение, пересылку и перевозку (транспортировку) вещественных доказательств могут быть отнесены к процессуальным издержкам лишь тогда, когда они израсходованы не государственными органами, уполномоченными на производство по уголовному делу, а иными лицами и организациями, вовлеченными в производство по делу в порядке, предусмотренном соответствующим постановлением Правительства Российской Федерации[18].

---

[17] Нельзя не отметить, что источником финансирования в обоих случаях могут быть одни и те же средства, выделенные органам предварительного расследования и судам на оплату расходов по назначенным ими экспертизам.

[18] Постановление Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2023 г. № 1589 «Об утверждении Правил учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, и арестованного имущества, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, а также возврата вещественных доказательств по уголовным делам в виде денег их законному владельцу и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 41. Ст. 7316.

Расходы на транспортировку тел признаются процессуальными издержками с их возмещением в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 131 УПК РФ, в случаях, если они понесены родственниками умершего. Иные ситуации требуют специального исследования, но уже сейчас в литературе отмечается нарастание тенденции альтернативных вариантов возмещения понесенных расходов с привлечением к транспортировке муниципальных предприятий или специализированных организаций путем заключения органами местного самоуправления соответствующих договоров или принятия специальных правил по возмещению указанных расходов [17]. Эти примеры свидетельствуют о том, что расходы на транспортировку тел, в том числе связанную с необходимостью проведения проверки сообщения о преступлении или проведения экспертизы по уже возбужденном уголовному делу, в большинстве случаев не рассматриваются в качестве процессуальных издержек, постепенно «переходя» в категорию невозмещаемых расходов муниципальных бюджетов.

Пункт 8 ч. 2 ст. 131 УПК РФ предусматривает, что к процессуальным издержкам относится ежемесячное государственное пособие в размере прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации, выплачиваемое обвиняемому или подозреваемому (далее – обвиняемому), временно отстраненному от должности. Порядок временного отстранения и право на пособие предусмотрены ст. 114 УПК РФ, в соответствии с которой все обвиняемые, независимо от их места работы и связи инкриминируемого преступления с должностным положением, в случае временного отстранения от должности имеют право ходатайствовать о выплате им указанного пособия. Само пособие, исходя из смысла закона и своей цели, назначается в случае, когда отстранение от должности лишает обвиняемого средств к существованию вследствие невозможности исполнения им своих трудовых обязанностей и, таким образом, отсутствия заработной платы[19]. Процессуальные издержки в этом случае частично компенсируют потерю лицом заработной платы выплатами из средств федерального бюджета, выделенных органу, в производстве которого находится уголовное дело.

Нельзя не отметить в связи с этим, что развитие законодательства о различных видах государственной службы идет по пути создания повышенных гарантий для сотрудников, чья служба связана с особыми требованиями и условиями труда. В число таких гарантий включается и сохранение выплат при отстранении от должности. Например, за время отстранения от должности прокурору выплачивается денежное содержание (денежное довольствие) в размере должностного оклада, доплаты за классный чин (оклада по воинскому званию) и доплаты (надбавки) за выслугу лет[20]; аналогичное содержание сохраняется за работником в случае отстранения от должности сотрудника Следственного комитета Российской Федерации[21]; сотрудникам органов принудительного исполнения, временно отстраненным от исполнения должностных обязанностей, предусмотрена выплата денежного довольствия на условиях и в порядке, установленных законодательством[22].

---

[19] См., например, письмо Федеральной таможенной службы Российской Федерации от 11 октября 2010 г. № 01-11/49495 «О размере пособия при временном отстранении от должности по решению суда»: «Ежемесячное государственное пособие призвано компенсировать потери в денежном содержании (денежном довольствии) соответствующих должностных лиц».

[20] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 25.12.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» (ст. 42) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.

[21] Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (в ред. от 12.12.2023) «О Следственном комитете Российской Федерации» (ст. 29) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 15.

[22] Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ (в ред. от 26.02.2024) «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законода-

Установление таких гарантий очевидно влечет утрату необходимости в чрезмерном, сверх установленного отраслевым законодательством, финансовом обеспечении временно отстраненных от должности лиц, что подтверждается судебной практикой.

*Апелляционным постановлением из постановления нижестоящего суда исключено указание о назначении П. ежемесячного государственного пособия с указанием на следующие основания такого решения. Подозреваемый П. был временно отстранен от должности командира войсковой части. До вынесения окончательного решения по уголовному делу П. подлежал зачислению в распоряжение командования с сохранением за ним на основании норм отраслевого законодательства, в том числе Положения о порядке прохождения военной службы[23], права на денежное довольствие (оклад по воинскому званию, оклад по последней занимаемой должности и ежемесячная надбавка за выслугу лет). Сославшись на правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации об отсутствии приоритета уголовно-процессуального закона в случаях, когда «в иных (помимо Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, закрепляющего общие правила уголовного судопроизводства) законодательных актах устанавливаются дополнительные гарантии прав и законных интересов отдельных категорий лиц, обусловленные в том числе их особым правовым статусом»[24], суд апелляционной инстанции сделал убедительный вывод о том, что у гарнизонного суда не имелось оснований для применения положений уголовно-процессуального законодательства о выплате П. ежемесячного государственного пособия[25].*

Таким образом, развитие социально-трудовых гарантий отдельным категориям работников, предусматривающее сохранение большей части заработной платы даже при отстранении от должности, делает выплату ежемесячного пособия бессмысленным и противоречащим его назначению. Иное приводило бы к двойному денежному обеспечению лица, обвиняемого или подозреваемого в совершении преступления, за счет как процессуальных издержек, так и выплат, предусмотренных иными отраслями права, фактически за счет бюджета в обоих случаях.

В приведенных ситуациях издержки государства по поддержанию минимально необходимого обеспечения временно отстраненного от должности подозреваемого или обвиняемого переходят из процессуальных в судоустройственные – средства, выплачиваемые государством по месту его работы. Таким образом, гарантированные ряду должностных лиц и служащих выплаты «замещают» такой вид процессуальных издержек, как предусмотренное ч. 6 ст. 114 УПК РФ ежемесячное государственное пособие, что с учетом проводимой государством социальной политики будет означать дальнейшее смещение расходов государства в сторону судоустройственных издержек и сокращения процессуальных издержек, предусмотренных п. 8 ч. 2 ст. 131 УПК РФ.

**Заключение**

Подводя итоги исследования, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что действительной тенденцией соотношения предусмотренных УПК РФ издержек и иных расхо-

---

тельные акты Российской Федерации» (ст. 71) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 40. Ст. 5488.

[23] Подпункт «в» п. 2 ст. 13 Положения о порядке прохождения военной службы (утв. Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 (в ред. от 26.02.2024) «Вопросы прохождения военной службы»).

[24] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 г. № 439-О «По жалобе граждан С. В. Бородина, В. Н. Буробина, А. В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

[25] Апелляционное постановление Центрального окружного военного суда от 27 октября 2023 г. № 22к-327/2023.

дов государства на уголовное судопроизводство является постепенный переход части процессуальных издержек в судоустройственные.

Это предопределяет необходимость для государства планировать увеличение финансирования институциональных элементов уголовно-процессуальной деятельности, ведущих к отказу от процедур, порождающих образование процессуальных издержек.

«Сдвиг» границы между разными видами финансирования уголовного судопроизводства означает усиление гарантий судопроизводства в целях повышения эффективности доступа граждан к правосудию за счет того, что обеспечение их участия в производстве по уголовному делу предоставляется государством напрямую, минуя этап расходов самого гражданина.

В целом выявляется тенденция укрепления публичных начал уголовного процесса за счет расширения таких процедур и полномочий, которые минимизируют необходимость регулирования расходов государства уголовно-процессуальными средствами, зависящего порой от усмотрения правоприменителя.

Актуальным направлением научных исследований в таких условиях является разработка оснований и проблем реализации описанных феноменов в области бюджетных затрат на производство по уголовным делам и их влияния на уголовно-процессуальные отношения, связанные с возмещением процессуальных издержек.

**Список источников**

1. Зеленин С. Р. Законодательное регулирование перечня расходов, относимых к процессуальным издержкам в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2024. № 1. С. 69–88.

2. Фомичев О. А. Обеспечение возмещения процессуальных издержек, как одна из задач органов предварительного следствия // Правопорядок в России: проблемы совершенствования : сб. тез. и ст. Междунар. науч.-практ. конф., Симферополь, 26 июня 2019 г. / ред. С. Ю. Бирюков, Д. В. Кайргалиев. Волгоград : Сириус, 2019. С. 231–234.

3. Гусева И. И., Халак О. Н. Проблемы самостоятельного следования осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в колонии-поселении, исправительном центре // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2 (24). С. 65–67.

4. Глебова Е. В., Китаева А. В. К вопросу о подготовке и содержании исковых материалов о возмещении вреда, причиненного осужденным при побеге, исправительному учреждению // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 1 (37). С. 22–26.

5. Синельникова В. С. Взыскание процессуальных издержек при прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям судом первой инстанции: необходимость современных реалий // Закон и право. 2020. № 8. С. 113–116.

6. Чуркин А. В. Процессуальные издержки как стимул для добросовестного пользования процессуальными правами // Lex russica. 2017. № 4 (125). С. 74–88.

7. Дехерт А. А. Сравнительно-правовой анализ регламентации процессуальных издержек по законодательству России, Беларуси и Казахстана // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2 (76). С. 203–208.

8. Бажанов С. В. Понятие розыскных издержек и их нормативное правовое регулирование // Вопросы правоведения. 2015. № 6. С. 144–149.

9. Каштанова Н. С. К вопросу об особенностях взыскания (возмещения) процессуальной издержки по уголовному делу в виде ежемесячного государственного пособия, выплачиваемого подозреваемому (обвиняемому), временно отстраненному от должности (п. 8 ч. 2 ст. 131 УПК РФ) // Российский судья. 2017. № 4. С. 33–37.

10. Табаков С. А. Применение норм УПК РФ о процессуальных издержках в решении Верховного Суда Российской Федерации // Законодательство и практика. 2014. № 1. С. 49–52.

11. Самсонов П. А. Дистанционное участие потерпевшего в процессуальных действиях на стадии предварительного расследования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5. С. 132–141.

12. Латыпов В. С. Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России: концептуальные и нормативно-правовые основы : моногр. М. : Юрлитинформ, 2024. 376 с.

13. Тарасов А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России : моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2022. 128 с.

14. Новикова Т. Ю., Пименов Д. М. Внедрения оценочной экспертизы в систему МВД России. Теоретические аспекты // Учетно-аналитическое обеспечение – информационная основа экономической безопасности хозяйствующих субъектов : межвуз. сб. науч. тр. и результатов совмест. науч.-исследоват. проектов : в 2 ч. Ч. 1. / сост. Н. А. Проданова, Л. А. Чайковская, А. Е. Сивкова. М. : Аудитор, 2017. С. 260–265.

15. Таричко И. Ю., Кондратьев А. Е. Лицензирование и сертификация негосударственных судебно-экспертных учреждений: теория, законодательство, правоприменительная практика (уголовно-процессуальный аспект) // Правоприменение. 2017. Т. 1, № 1. С. 129–138.

16. Россинский С. Б. О некоторых вопросах, возникающих в практике назначения судебных экспертиз по уголовным делам // Криминалистика и судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее : материалы ежегод. междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 1–2 июня 2017 г.) / ред. Д. С. Коровкин, Э. В. Лантух, О. С. Лейнова. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2017. С. 266–273.

17. Батова О. С. О проблемах правового регулирования организации комплекса ритуальных услуг в муниципальных образованиях на примере Вологодской области // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. № 4. С. 7–10.

**References**

1. Zelenin S. R. Legislative regulation of the list of expenses related to procedural costs in criminal proceedings. *Lomonosov Law Journal. Series: Law*. 2024;(1):69-88. (In Russ.)

2. Fomichev O. A. Ensuring reimbursement of procedural costs as one of the tasks of preliminary investigation bodies. In: S. Yu. Biryukov, D. V. Kayrgaliev, eds. *Law and Order in Russia: Problems of Improvement.* Collection of abstracts and articles International Scientific and Practical Conference, Simferopol, June 26, 2019. Volgograd: Sirius; 2019. Pp. 231–234. (In Russ.)

3. Guseva I. I., Khalak O. N. Problems of independent travel of convicts sentenced to imprisonment to serve their sentence in a penal colony or correctional center. *Penal Law*. 2016;(2):65-67. (In Russ.)

4. Glebova E. V., Kitaeva A. V. The issue of preparation and materials content of about the harm compensation caused by the convicted on while escape penal institution. *Bulletin of the Samara Law Institute*. 2020;(1):22-26. (In Russ.).

5. Sinelnikova V. S. Procedure costs recovery by 1st instance court within criminal proceedings termination for non-rehabilitating grounds: modern reality needed. *Law & Legislation.* 2020;(8):113-116. (In Russ.)

6. Churkin A. V. Procedural costs as an incentive to faithful enjoyment of procedural rights. *Lex Russica.* 2017;(4):74-88. (In Russ.)

7. Dekhert A. A. Comparative law analysis of the regulation of procedural costs under the legislation of Russia, Belarus and Kazakhstan. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice.* 2024;(2):203-208. (In Russ.)

8. Bazhanov S. V. The concept of investigation costs and legal regulation. *Voprosy pravovedeniya = Legal Issues* 2015;(6):144-149. (In Russ.)

9. Kashtanova N. S. On peculiarities of collection (indemnification) of criminal case proceedings costs in form of a monthly state allowance paid to a suspect (accused) suspended from office (Clause 8 Part 2 Article 131 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). *Rossijskij sud'ya = Russian Judge*. 2017;(4):33-37. (In Russ.)

10. Tabakov S. A. Application of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on procedural costs in the decision of the Supreme Court of the Russian Federation. *Zakonodatel'stvo i praktika = Legislation and Practice.* 2014;(1):49-52. (In Russ.)

11. Samsonov P. A. Remote participation of the victim in the proceedings at the stage of preliminary investigation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law.* 2023;(5):132-141. (In Russ.)

12. Latypov V. S. *Assistance to the administration of justice in criminal procedure in Russia: conceptual and regulatory framework.* Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2024. 376 p. (In Russ.)

13. Tarasov A. A. *Expert and specialist in criminal proceedings in Russia.* Monograph. Moscow: Prospekt; 2022. 128 p. (In Russ.).

14. Novikova T. Yu., Pimenov D. M. Implementation of evaluation expertise in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Theoretical aspects. In: N. A. Prodanova, L. A. Chaikovskaya, A. E. Sivkova, comp. *Accounting and analytical support is the information basis for the economic security of business entities*. Interuniversity collection of scientific papers and results of joint research projects. In 2 pts. Pt. 1. Moscow: Auditor; 2017. Pp. 260–265. (In Russ.)

15. Tarichko I. Yu., Kondratyev A. E. Licensing and certification activities of non-state forensic institutions: theory, legislation, law enforcement practice (criminal procedural aspect). *Law Enforcement Review*. 2017;1(1):129-138. (In Russ.)

16. Rossinskiy S. B. On some issues arising in the practice of appointing forensic examinations in criminal cases. In: D. S. Korovkin, E. V. Lantukh, O. S. Leinova, eds. *Criminalistics and forensic examination: past, present and a look into the future*. Proceedings of the annual International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, 1–2 June 2017). St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2017. Pp. 266–273. (In Russ.)

17. Batova A. S. On the issues of the legal regulation of arrangement of a burial services complex in municipal structures on the example of the Vologda region. *Municipal Service: Legal Issues*. 2018;(4):7-10. (In Russ.)

**Информация об авторе**

С. Р. Зеленин – кандидат юридических наук, судья.

**Information about the author**

S. R. Zelenin – Candidate of Science (Law), Judge.

**Конфликт интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Conflict of interests**

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025; одобрена после рецензирования 16.12.2025; принята к публикации 25.12.2025.

The article was submitted 11.11.2025; approved after reviewing 16.12.2025; accepted for publication 25.12.2025.

Российское правосудие. 2026. № 3. С. 104–112
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 3. P. 104–112
УДК 343.1 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.3.104-112

Научная статья

# Соотношение категорий «независимость», «беспристрастность», «объективность» и «справедливость» в уголовном судопроизводстве

**Александр Васильевич Петров**
Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, petrov_av2012@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-65963762

**Аннотация.** Фундаментальные категории предельной общности в уголовно-процессуальном праве – независимость, беспристрастность, объективность и справедливость – имеют свое уникальное содержание и общие области, где эти категории пересекаются. Уяснение содержания этих категорий, соотношения их между собой и выделение общего в их содержании имеют значение для правоприменительной практики в процессе разрешения уголовных дел и материалов.

Целью исследования является необходимость очерчивания собственного содержания данных категорий и определения «полей» их пересечения. Для этого эти категории проанализированы в работах российских ученых, в международно-правовых актах и в интерпретации международных органов при рассмотрении индивидуальных сообщений, а также в решениях Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации.

Применен сравнительно-правовой метод, с помощью которого сделаны выводы о совпадении интерпретаций независимости и беспристрастности в международно-правовых документах и российском законодательстве и правоприменительной практике; о различных интерпретациях категории «справедливость» в уголовном судопроизводстве и отсутствии в международно-правовых документах и российском законодательстве категории объективности, которую можно отнести к научным категориям и категориям правоприменительной практики. С помощью анализа определены внутреннее содержание каждой из категорий и пересечение их между собой. Метод обобщения позволил выявить общее в этих категориях и их взаимосвязь друг с другом.

Сделаны выводы о содержании каждой из категорий и о соотношении их между собой. Независимость (объективная, внешняя) относится в большей степени к судоустройству и обеспечивает независимость судебной системы от влияния органов и должностных лиц иных видов власти. Независимость судей (внутренняя) предполагает отсутствие влияния на судей внутри судебной системы со стороны участников уголовного судопроизводства. Беспристрастность характеризует внутреннюю независимость личности судьи. Эти категории выступают основаниями справедливого уголовного судопроизводства, являются характеристиками судебной системы, судов и судей. Справедливость и объективность лежат в основе процесса рассмотрения и разрешения уголовных дел и его результата.

**Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, независимость, беспристрастность, справедливость, объективность, рассмотрение и разрешение уголовных дел

**Для цитирования:** Петров А. В. Соотношение категорий «независимость», «беспристрастность», «объективность» и «справедливость» в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2026. № 3. С. 104–112. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.104-112.

© Петров А. В., 2026

Original article

**The Relationship Between the Categories of "Independence", "Impartiality", "Objectivity" and "Fairness" in Criminal Proceedings**

**Alexander V. Petrov**

North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, petrov_av2012@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6596-3762

**Abstract.** The fundamental categories of ultimate generality, independence, impartiality, objectivity and fairness in criminal proceedings have their own content and common areas where these categories intersect. Clarification of the content of these categories, their relationship with each other and highlighting the common in their content is important for law enforcement practice in the process of resolving criminal cases and materials.

The purpose of the study is the need to outline the content of these categories and determine the "fields" of their intersection. For this purpose, these categories were analyzed in the interpretation of Russian scientists, in international legal acts and international bodies when considering individual communications, as well as the interpretation of Russian criminal procedure legislation and law enforcement practice.

The comparative legal methods were applied, with the help of which the conclusion was made about the coincidence of interpretations of independence and impartiality in international legal documents and Russian legislation and law enforcement practice; about different interpretations of the category of "justice" in criminal proceedings and the absence in international legal documents and Russian legislation of the category of objectivity, which can be attributed to scientific categories and categories of law enforcement practice. With the help of analysis, the internal content of each of the categories and their intersection with each other were determined, the generalization method made it possible to identify the common in these categories and their relationship with each other.

Conclusions were made about the content of each of the categories and their relationship with each other. Independence (objective, external) relates to a greater extent to the judicial system and ensures the independence of the judicial system from the influence of bodies and officials of other branches of government. Independence of judges (internal) implies the absence of influence on judges within the judicial system and from the parties. Impartiality characterizes the internal independence of the judge's personality. These categories are the foundations of fair criminal proceedings, are the characteristics of the judicial system, courts and judges. Fairness and objectivity are the characteristics of the process of consideration and resolution of criminal cases and its outcome.

**Keywords:** criminal proceedings, independence, impartiality, fairness, objectivity, consideration and resolution of criminal cases

**For citation:** Petrov A. V. The relationship between the categories of "independence", "impartiality", "objectivity" and "fairness" in criminal proceedings. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(3):104-112. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.3.104-112.

**Независимость, беспристрастность, объективность и справедливость суда являются гарантиями постановления законного, обоснованного и мотивированного судебного решения. Данные категории провозглашены в международно-правовых актах, устанавливающих стандарты правосудия в правовом государстве: «Все лица равны перед судами и трибуналами. Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо процессе на справедливое публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона»[1]. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека также закрепляет право на справедливое и публичное разбирательство в течение разумного срока независимым беспри-**

[1] Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (принят Резолюцией 2200 на Пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) (п. 1 ст. 14) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

**страстным судом[2]. Независимость судов и судей и подчинение их только закону является важнейшей гарантией самостоятельности судебной власти и подержания в государстве правовых принципов, правопорядка и законности.**

Международно-правовые документы, устанавливающие требования к правовому статусу судов, судей в демократических правовых государствах, оперируют категориями «независимость», «беспристрастность» и «справедливость». Содержание данных категорий в интерпретации международных актов не всегда полностью совпадает с трактовкой содержания этих категорий в национальном российском законодательстве.

*Независимость* в целом судебной системы в объективном понимании предполагает ее независимость от иных видов власти, закреплена в конституциях государств и при определении того, является ли суд независимым, предполагает оценку следующих критериев: процедуры назначения судей; продолжительности нахождения в должности судьи; существования правового запрета на вмешательство в деятельность судьи со стороны органов и должностных лиц иных видов власти и внутреннего вмешательства со стороны должностных лиц судов, имеющих влияние на назначение судей и привлечение их к ответственности, наличия у суда внешних атрибутов независимости.

Эти критерии отвечают на вопрос, обеспечена ли государством независимость судебной системы от органов законодательной и исполнительной власти. Внешняя объективная составляющая независимости носит в большей степени судоустройственный характер и определяет место и роль судебной системы и судей по отношению к возможному влиянию на них со стороны органов и должностных лиц иных ветвей власти и должностных лиц самой судебной системы.

Объективная составляющая независимости судов означает такое построение судебной системы по отношению к органам исполнительной и законодательной власти, которое делает невозможным или сводит к минимуму давление и влияние с их стороны на председателей судов, отдельных судей и всю судебную систему в целом. Объективный аспект независимости гарантируется требованиями создания судов только на основании закона и осуществления правосудия только судом. В рамках такого понимания независимости обсуждается степень участия исполнительных и законодательных органов власти в назначении судей на должность.

Субъективная составляющая независимости судей и подчинения их только закону предполагает независимость конкретного состава суда, судьи от должностных лиц и от сторон и своим содержанием переплетается с категорией «беспристрастность» суда.

*Беспристрастность* суда означает отсутствие заинтересованности и предубеждения у судьи или состава суда при рассмотрении конкретного дела. Заинтересованность судьи может быть обусловлена тем, что судья имеет родственные или иные личные отношения с какой-либо из сторон, или его возможным предубеждением, когда судья выступал по данному делу в роли иного участника процесса, или уже рассматривал эти же обстоятельства дела ранее (например, рассматривая жалобы в рамках судебного контроля согласно ст. 125 УПК РФ), или разрешал дело по существу в отношении соучастников по выделенному делу, или выступал в качестве судьи иной инстанции. Предубеждение может быть вызвано также получением информации об этом деле из непроцессуальных источников.

Если независимость суда предполагает отсутствие внешнего и внутреннего воздействия, то беспристрастность апеллирует к свойствам и качествам самого судьи. Беспристрастность как требование к внутренним качествам самого судьи является гарантией объективности рассмотрения дел в судах и предполагает отсутствие пристрастности, предубеждений и рассмотрение дела в условиях состязательности и противоборства сторон, с целью выработки такой оценки

---

[2] Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26 мая 1995 г. (с изм. от 14 октября 2022 г.) (п. 1 ст. 6) // Российская газета. 1995. 23 июня.

судом позиций тяжущихся, которая исключала бы любое предубеждение и возможность принятия решений судьей исходя из любых иных критериев, кроме изучения фактической стороны дела на основе представленных доказательств и применения закона.

В беспристрастности принято выделять беспристрастность в объективном и субъективном аспекте. Так, под объективной беспристрастностью понимают отсутствие обстоятельств, которые закреплены в законе в качестве оснований для отвода судьи (ст. 61–63 УПК РФ, ст. 16 ГПК РФ). Под субъективной беспристрастностью понимают ситуацию, когда как такового обстоятельства, являющегося основанием для отвода и указанного в законе, не имеется, но существуют иные обстоятельства, которые могут поставить под сомнение объективность принятия судом решения в глазах общественности, т. е. заставить разумно сомневаться в том, что судья был полностью беспристрастен. В качестве примера можно привести ситуацию, встречающуюся в практике.

*Потерпевший по уголовному делу, рассмотренному К-ким районным судом Ст-го края, работал помощником в данном суде у другого судьи. Будет ли рассмотрение данного дела судьей данного суда беспристрастным? Сам судья полагает, что у него никакого предубеждения (пристрастности) нет, он в своей работе никогда не сталкивался с этим помощником, никто к нему не обращался с просьбами, лично с ним не знаком, не имеет с ним личных отношений. Должен ли судья обсудить данный вопрос со сторонами?*

Полагаем, что если стороны не заявляют отвод судье и не видят никаких препятствий для рассмотрения данного дела таким судьей, а сам судья полагает, что у него нет личного отношения к данному делу, то рассмотрение данного дела возможно. Если стороны предполагают возможное предубеждение судьи, то в данной ситуации в силу требования объективной беспристрастности должен быть решен вопрос как об отводе судьи, так и об изменении подсудности, поскольку в глазах общественности в таком случае судьи всего суда не могут рассматривать данное дело. Объективные и субъективные аспекты беспристрастности лучше всего раскрыты в решениях Конституционного Суда Российской Федерации.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 марта 2008 г. № 6-П «сформулированы общие критерии беспристрастного суда:

во-первых, суд должен быть “субъективно беспристрастным”, т. е. ни один из его членов не может открыто проявлять пристрастие и личное предубеждение; при этом личная беспристрастность предполагается, пока не будет доказано иное. Данный критерий отражает личные убеждения судьи по конкретному делу;

во-вторых, суд должен быть “объективно беспристрастным”, т. е. необходимы достаточные гарантии, исключающие какие-либо сомнения по этому поводу. Данный критерий, в соответствии с которым решается вопрос, позволяют ли определенные факты, поддающиеся проверке, независимо от поведения судьи усомниться в его беспристрастности, учитывает внешние признаки: при принятии соответствующего решения мнение заинтересованных лиц принимается во внимание, но не играет решающей роли, – решающим является то, могут ли их опасения считаться объективно обоснованными. Всякий судья, в отношении беспристрастности которого имеются легитимные основания для сомнения, должен выйти из состава суда, рассматривающего дело»[3].

Следует отметить, что в международных документах и в российском национальном законодательстве, судебной практике содержание категорий независимости и беспристрастности в целом совпадает. В российском уголовно-процессуальном законодательстве установлены процессуальные гарантии независимости и беспристрастности судей, которые носят и организаци-

[3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 марта 2008 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 21 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества “Товарищество застройщиков”, открытого акционерного общества “Нижнекамскнефтехим” и открытого акционерного общества “ТНК-ВР Холдинг”». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

онный, и процедурный характер: порядок формирования составов для рассмотрения конкретных уголовных дел, автоматическое распределение уголовных дел и материалов судьям исходя из их нагрузки и специализации, исключающее возможное влияние на этот процесс; основания для отвода судей; запрет на допрос судей по обстоятельствам дела; открытость судебного разбирательства (закрытое судебное заседание только по мотивированному решению в случаях, указанных в законе); постановление судебного решения в условиях тайны совещательной комнаты; активность суда в собирании доказательств для проверки доводов сторон; свобода оценки доказательств по внутреннему убеждению; право судьи на особое мнение; возможность возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий для рассмотрения его судом, по инициативе как суда, так и сторон.

Категория «независимость» призвана оградить судью от внешнего влияния, категория «беспристрастность» характеризует внутреннее состояние судьи, беспристрастность – это внутренняя независимость судьи от сторон, предубеждений, любого возможного влияния.

Категория *объективности* характеризует сам процесс рассмотрения дела и принятия по нему решения: изучить фактические обстоятельства дела на основе объективного исследования, проверки и оценки доказательств, осуществить правильный выбор нормы права, подлежащей применению, сформулировать и обосновать, мотивировать решение. Объективность как категория применительно к процедуре принятия судебного решения означает, что фактические обстоятельства дела установлены в соответствии с действительностью, верно выбрана правовая норма, которая подлежит применению, и, соответственно, принято объективное решение, адекватное характеру и степени общественной опасности совершенного деяния.

Морально-этическая категория *справедливости* и справедливого суда в российском праве ассоциируется прежде всего со справедливостью судебных решений.

Вместе с тем в *международно-правовых документах понятие справедливости* применяется к самой процедуре рассмотрения уголовных дел и подразумевает предоставление равных возможностей сторонам отстаивать собственные позиции, опровергать позицию другой стороны, представлять доказательства и опровергать доказательства, представленные другой стороной.

Справедливость судебного разбирательства в рамках уголовного судопроизводства предполагает: обеспечение подсудимому права на защиту, его право знакомиться и участвовать в исследовании доказательств, представленных стороной обвинения, право подсудимого представлять собственные доказательства.

*Так, в качестве примера понимания международными органами справедливости судебного разбирательства можно привести дело «Евгений Пирогов против Российской Федерации». Соображения Комитета по правам человека от 20 октября 2021 г., сообщение № 2916/201656.*

*Правовые позиции Комитета: отказ суда вызвать эксперта в качестве свидетеля может представлять собой нарушение подп. «е» п. 3 ст. 14 Пакта, поскольку цель участия экспертов в разбирательстве по аналогии может уподобляться цели участия свидетелей, прямо упомянутых в подп. «е» п. 3 ст. 14 в том смысле, что показания обеих фигур могут быть необходимы для предоставления соответствующей информации об обстоятельствах дел.*

*Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: именно государство-участник должно продемонстрировать, что подавший жалобу, которого судили за серьезное преступление на почве ненависти, наказуемое лишением свободы на срок до пяти лет, мог в полной мере осуществить свое право на вызов, обеспечение явки и допрос свидетелей на тех же условиях, что и прокурор. Согласно имеющейся в материалах информации выводы двух судебных экспертиз имели решающее значение для дела, а решение суда первой инстанции в значительной степени основывалось на этих выводах. Как усматривалось из текста Соображений, истец утверждал, что суд нарушил его права по ст. 14 Пакта, поскольку отказал стороне защиты в вызове и допросе ею экспертов, проводивших психолого-лингвистическую и лингвистическую судебные экспертизы, результаты которых обвинение предъявило в*

*качестве доказательств его вины. Позднее суд отклонил ходатайство защиты об исключении из числа доказательств заключений двух судебных экспертиз, несмотря на доводы стороны защиты о том, что они были проведены с нарушением УПК РФ и что защите было отказано в допросе ею экспертов.*

*Более того, официальное обвинение по ч. 1 ст. 282 УК РФ было предъявлено истцу только после того, как заключения по результатам этих двух судебных экспертиз передали органам предварительного расследования. В этих обстоятельствах Комитет счел, что суд первой инстанции был обязан обеспечить участие экспертов и разрешить истцу и его защитнику задать им вопросы.*

*Выводы Комитета: предоставленная информация свидетельствовала о нарушении государством-участником прав Е. Пирогова, предусмотренных в подп. «е» п. 3 ст. 14 Пакта*[4].

В практике международных органов нарушением права на справедливое судебное разбирательство признаются: отказ в удовлетворении ходатайства стороны защиты в допросе свидетелей обвинения в случаях, когда показания этих свидетелей имеют решающее значение для дела: ограничение права на выбор защитника (дело «Ю. М. против Российской Федерации». Соображения Комитета по правам человека от 31 марта 2016 г. Сообщение № 2059/201120)[5]; использование доказательств, полученных под пытками (дело «Анвар Салихов против Российской Федерации». Соображения Комитета по правам человека от 26 октября 2021 г. Сообщение № 2759/20169)[6]; нарушение требования о рассмотрении дела в разумные сроки (дело «Анни Дабуси, Сами Дабуси и Сара Дабуси против Туниса». Соображения Комитета ООН по правам человека от 14 июля 2023 г. Сообщение № 3703/2020)[7].

В соответствии с Обзором практики Комитета ООН по правам человека по рассмотрению индивидуальных сообщений (далее – Комитет ООН) на 1 января 2023 г. Комитетом рассмотрено 102 сообщения, поданных в отношении России, из них 62 сообщения рассмотрены по существу с констатацией факта нарушений Пакта и/или отсутствия нарушений положений договора, 36 сообщений признаны неприемлемыми и по 4 сообщениям производство прекращено[8].

Предметом указанных решений Комитета ООН являлось в том числе и право на справедливое судебное разбирательство. Это право признавалось нарушенным, когда признавались нарушенными право на доступ к правосудию, недопустимость использования доказательств, полученных под пытками, право обвиняемого иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и общаться с выбранным защитником, право обвиняемого на вызов и допрос свидетелей обвинения и потерпевших, недопустимость подстрекательства к совершению преступления со стороны сотрудников правоохранительных органов, право на участие защитника по уголовным делам, право на беспристрастное судебное разбирательство, право на разбирательство в разумные сроки, принцип презумпции невиновности.

Такое понимание справедливости в российском уголовном судопроизводстве международными актами и органами связывается с принципами состязательности, презумпцией невиновности, правом на защиту, правом на разбирательство в разумные сроки, правом на доступ к

---

[4] Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 5 (2022) URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/31882/ (дата обращения: 05.11.2024).

[5] Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 2 (2022) // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/31504/ (дата обращения: 05.11.2024).

[6] Там же.

[7] Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 3 (2024) // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/33870 (дата обращения: 05.11.2024).

[8] Обзор практики Комитета ООН по правам человека по рассмотрению индивидуальных сообщений, поданных в отношении Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/33870 (дата обращения: 09.11.2024).

правосудию, закрепленными Конституцией Российской Федерации и УПК РФ. Например, если стороне защиты не предоставлена возможность участвовать в допросе потерпевшего или свидетеля, чьи показания являются решающими обвинительными доказательствами по уголовному делу, то констатируется, как правило, нарушение принципа состязательности сторон.

Справедливость рассмотрения и разрешения уголовных дел и соблюдение принципа состязательности связаны еще и с активной ролью суда в исследовании доказательств, правом суда истребовать доказательства для проверки доводов сторон. Независимость суда от сторон в установлении обстоятельств дела путем исследования и истребования доказательств не противоречит принципу состязательности (справедливости судебного разбирательства), а является проявлением этого принципа. Справедливость судебного разбирательства и справедливость судебного решения во многом зависят от установления судом фактических обстоятельств дела в соответствии с действительностью (в пределах юридически значимых обстоятельств), правильной правовой оценки данного деяния и назначения наказания в соответствии с нормами Общей части УК РФ и санкции статьи Особенной части УК РФ, в рамках которой назначается наказание.

Связь справедливости и свободы действия суда в рамках ст. 252 УПК РФ констатируется в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Так, Конституционный Суд Российской Федерации указал: «…осуществление судом в публичном по своему характеру уголовном процессе функции правосудия не исключает наличие у него права в рамках предъявленного подсудимому обвинения истребовать и исследовать доказательства, необходимые для проверки приводимых сторонами в обоснование своих позиций доводы, оценивать значение тех или иных обстоятельств для правильного разрешения уголовного дела и принимать на основе этой оценки соответствующие решения… Иное не позволило бы суду при рассмотрении уголовных дел давать объективную оценку отстаиваемым сторонами позициям и устранять возникающие в ходе судебного разбирательства сомнения в их обоснованности, а следовательно, не обеспечивало бы независимость суда при отправлении правосудия»[9].

Следует отметить, что уголовно-процессуальный закон (глава 37 УПК РФ) предоставляет весь возможный инструментарий суду для истребования и исследования доказательств, за исключением вызова и допроса свидетелей. На практике это вызывает сложности, когда, например, сторона обвинения в обвинительном заключении не указывает в качестве доказательств показания единственного свидетеля-очевидца события, не включает лицо, чьи показания являются важными, в число свидетелей, подлежащих вызову в суд. При этом в материалах дела содержится протокол допроса данного свидетеля, полученный на стадии предварительного расследования. Суд в ходе судебного разбирательства допрашивает других свидетелей, которые знают об обстоятельствах дела со слов этого свидетеля. При отсутствии ходатайств сторон суд по собственной инициативе не может вызвать и допросить данного свидетеля.

Для проверки доводов стороны обвинения и проверки показаний других свидетелей (производных доказательств), исходя из приведенной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, суд первой инстанции должен вызвать и допросить данного свидетеля. Вместе с тем нормы, содержащиеся в главе 37 УПК РФ, ст. 278 УПК РФ, не позволяют это сделать суду в отсутствие ходатайства стороны. Представляется, что такое положение вступает в

---

[9] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 января 2001 г. № 21-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Якурина Константина Андреевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 276 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР». См. также Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2003 г. № 451-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Веккера Сергея Вадимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 283 и 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

противоречие с обязанностью суда проверять доводы, заявленные сторонами, и устанавливать обстоятельства дела в соответствии с действительностью, что делает суд зависимым от сторон.

В российском уголовном судопроизводстве категория «справедливость» связывается в первую очередь с адекватностью (соответствием) наказания характеру и степени общественной опасности содеянного и сведениям о личности лица, привлекаемого к уголовной ответственности (ст. 6, 43, 60 УК РФ).

Понятие справедливости как соблюдения процедуры судебного разбирательства, предусмотренной законом, и принципов уголовного судопроизводства пришло в российский уголовный процесс из международно-правовых актов и решений международных органов.

В уголовно-процессуальной науке и науке конституционного права содержатся различные суждения о соотношении понятий независимости, беспристрастности, объективности и справедливости. «Как таковая независимость судебной власти связана с отношениями между потенциальными источниками давления и судьей, а не с каким-либо конкретным типом поведения самих судей» [1, с. 32]. Независимость рассматривается как право судьи, а беспристрастность – как обязанность, корреспондирующая данному праву[10]. Некоторые авторы подчеркивают органическую связь категорий «справедливость» и «беспристрастность» [2, с. 18]. И. Л. Петрухин рассматривает категории «независимость» и «беспристрастность» как тождественные, полагая, что последняя является «содержательным значением» независимости судебной власти и ее носителей [3, с. 211]. Такое понимание независимости наиболее часто встречается в юридической литературе. В. М. Жуйков полагает, что «судья – в общем плане – должен осуществлять судейскую функцию независимо, на основе собственной оценки фактов и в соответствии со своей совестью, без каких-либо ограничений, ненадлежащего влияния, воздействия, давления, угроз либо вмешательства, прямого или косвенного, от кого бы и по каким причинам они ни исходили. Судья – более конкретно – должен быть независим: 1) от общества в целом; 2) отдельных сторон, участвующих в деле, которое находится на его рассмотрении; 3) влияния со стороны исполнительной и законодательной ветвей власти; 4) других судей» [4].

«Независимость и беспристрастность являются двумя фундаментальными принципами судебной системы, так как эти два принципа призваны гарантировать участникам процесса, что акт правосудия будет обусловлен исключительно аргументами, которые вытекают из судебного разбирательства при отсутствии какого-либо давления или какой-либо предвзятости, и будет вынесен в соответствии с нормами права» [5, с. 50].

Совершенно очевидна связь категорий «независимость», «беспристрастность», «справедливость» и «объективность» между собой.

Вместе с тем независимость как категория означает свободу судьи от воздействия иных субъектов и должностных лиц, а беспристрастность – свободу внутреннего убеждения от воздействия восприятия информации о фактах, полученных непроцессуальным путем, и от личной заинтересованности.

Справедливость как соблюдение закона и принципов уголовного судопроизводства, как соответствие наказания характеру и степени общественной опасности деяния и сведениям о личности виновного возможна только при осуществлении правосудия независимым и беспристрастным судом в объективном и в субъективном аспектах, когда фактические обстоятельства установлены в соответствии с действительностью судом, который беспристрастно изучил материалы уголовного дела, исследовал доказательства, рассмотрел и проверил позиции сторон.

Фактически все эти категории являются гарантиями законности и обоснованности постановляемого судом решения в уголовном судопроизводстве, однако уяснение содержания каждой категории и «полей» пересечения их между собой позволяет настроить определенный камертон

[10] См.: Основные принципы независимости судебных органов (приняты ООН в 1985 г.) (п. 6) // Сборник международных договоров / ООН. Нью-Йорк, 1989. С. 303.

для решения конкретных вопросов, возникающих при осуществлении правосудия по уголовным делам.

**Список источников**

1. Соломон-мл. П. Г. Судебная реформа Путина: не только независимость, но и подотчетность судей // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 2 (39). С. 32–38.

2. Сайкин Л., Грузд Б. Невозможно быть беспристрастным, рассматривая отвод самому себе // Российская юстиция. 2003. № 11. С. 18–19.

3. Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. М. : Проспект, 2003. 720 с.

4. Жуйков В. М. О некоторых проблемах принципа независимости судей // Закон. 2019. № 10. С. 122–126. (СПС «КонсультантПлюс».)

5. Суд и государство / под ред. Л. В. Головко, Б. Матьё. М. : Статут, 2018. 272 с.

**References**

1. Solomon, Jr. P. H. Putin's judicial reform: making judges accountable as well as independent. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropejskoe obozrenie* = *Constitutional Law: Eastern European Review.* 2002;(2):32-38. (In Russ.)

2. Saikin L., Gruzd B. It is impossible to be impartial when considering a challenge to oneself. *Rossijskaya yustitsiya* = *Russian Justice.* 2003;(11):18-19. (In Russ.)

3. Petrukhin I. L., ed. *Judicial power*. Moscow: Prospekt; 2003. 720 p. (In Russ.)

4. Zhuykov V. M. Udicial independence: some problems. *Zakon* = *Law.* 2019;(10):122-126. (In Russ.) (LRS "ConsultantPlus".)

5. Golovko L. V., Matieu B., eds. The court and the state. Moscow: Statut; 2018. 272 p. (In Russ.)

**Информация об авторе**

А. В. Петров – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права.

**Information about the author**

A. V. Petrov – Doctor of Science (Law), Professor, Professor at the Criminal Procedure Law Department.

**Конфликт интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Conflict of interests**

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 17.11.2024; одобрена после рецензирования 02.12.2024; принята к публикации 25.12.2025.

The article was submitted 17.11.2024; approved after reviewing 02.12.2024; accepted for publication 25.12.2025.